

СИБИРИАДА

ВЛАДИМИР
ТОПИЛИН

БЕРЕБРЯНЫЙ
ПОЯС

Сибиряда. Собрание сочинений

Владимир Топилин

Серебряный пояс

«ВЕЧЕ»

2017

Топилин В. С.

Серебряный пояс / В. С. Топилин — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Сибиряда. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-4444-8975-8

Золотая лихорадка на рубеже столетий, захлестнувшая Восточную Сибирь и затянувшая в свои смертельные сети сотни и тысячи людей – геологов, казаков, крестьян, лесовиков, – продолжает собирать кровавую жатву. Каждый новый сезон открывает свежие золотые прииски, куда устремляются охотники за удачей, зачастую – на свою погибель и очень редко – на счастье. Вот и в лето 1904 года, когда разнеслась весть об очередной находке россыпного золота – в Ольховском урочище у ключа Серебряный пояс, меж старателями возник спор: кто первый добудет заветный, проклятый металл? И, как всегда, люди, уходя в тайгу, забыли, кто здесь на самом деле хозяин...

ISBN 978-5-4444-8975-8

© Топилин В. С., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Зверовая тропа	6
Пуля для фузеи	15
Душегрейка	23
Бабка Петричиха	32
Сок кедровой колоды	40
Плохие вести	47
Незнакомец	57
Белогрудый медвежонок	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Владимир Топилин

Серебряный пояс

© Топилин В. С., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

*Светлой памяти старшего товарища Леонида Васильевича
Малюченко посвящается.*

Зверовая тропа

Перед выходом на перевал медведица остановилась, с шумом перебирая ноздрями свежий воздух, вдохнула в себя окружающие запахи. Легкий, шаловливый, крутящийся ветерок принес благоухающий аромат застоявшихся таежных трав, прель влажной земли, стойкий привкус смолистой хвои, терпкий навет кедрового ореха. Обостренное обоняние хищницы восприняло недалекое присутствие зверя. Где-то поблизости, возможно, там, справа, на скалистой гряде насторожилась кабарга. Прямо впереди, за обширной кедровой колкой, вытянул изящную шею невидимый рогатый марал. Проверяя себя еще раз, хозяйка лесов покрутила головой во всех направлениях, довольно рюхнула через плечо и только потом сделала очередной шаг вперед. Отсутствие опасности придало уверенности ее движениям. Она пошла вперед медленно, твердо и прочно выставляя из-под себя кряжистые лапы. Грузное тело качалось из стороны в сторону, круглые уши завалились на лоб. Едва видимые, маслянистые глазки выражали полное удовлетворение настоящей жизнью. Отвисшая нижняя губа указывала на сытное блаженство. Безграничное счастье материнства переполняло сердце охотницы. Два лохматых отпрыска, следующие по пятам, заполняли ее разум томительной радостью: как хороша жизнь!

На хребте хозяйка тайги встала (вышла) на звериную тропу. Натоптанная многочисленными копытами, лапами, ногами таежная дорога давала преимущество передвижения любому зверю. Ходить по известной местности легче, быстрее, чем по захламленному лесу. Постоянно используя возможность быстрого шага, вальяжная мамаша ежедневно пересекала зверовую тропу два раза: на место кормежки и назад, в глухой урман, на ночлег. В настоящий момент сытая, довольная опекунша возвращалась к месту благодатного отдыха. Она желала только одного: как можно быстрее добраться под густую, разлапистую ель, ставшую на некоторое время кедрового пиршества ее домом.

Короткий отрезок пути в несколько сотен метров был для хищницы творцом совершенства. На тропе она чувствовала себя главной для каждого обитателя тайги, шагала широко, беззаботно, уверенно. Трепетная мать знала каждый шаг дороги, все извилины, повороты, помнила любое дерево, куст, колодину, лежавшую на ее пути. Она могла без ошибки определить, кто, где, когда прошел здесь за время отсутствия, почему взбит мох или сломана веточка дерева. Для нее было все понятно и просто, как упавшая с кедра шишка. Медведица не знала страха. Еще ни один зверь не мог дотянуться когтями до меты на рваной пихте, оставленной ее когтями на границе территории.

Сегодняшний переход лесной владелицы казался обыденным. За весь день, пока она была на кормежке, на тропе оставил мозолистые следы только один зверь. Это был ее сын, полугодовалый отпрыск, которого она прогнала из семьи этой весной. Возмужавший пестун жил неподалеку, на соседней гриве. Иногда он проходил мимо, навещая родственников на должном расстоянии. Внутри подростка жили трепетная связь единения, стремление вновь вернуться к семье. Однако тяжелые лапы, острые клыки матери оставили подростку яркую память о жестоких законах природы. Счастливое детство кончилось. Началась обыденная, суровая жизнь. Молодому медведю стоило больших усилий до сих пор оставаться в живых, не разделить участь шаловливой сестры, которую месяц назад догнал, убил и съел злой папаша.

К своей метке на дереве вальяжная хищница подходила так же спокойно, как она кормилась на падалке кедровых шишек. С некоторого расстояния все ее внимание было определено на могучую пихту, где красовались свежие следы острых когтей. При подходе к дереву она не обращала внимания на упругие ветки таволжника, колкие сучки близстоящих деревьев, на гнилую колодину и взбитую грязь. Чутье зверя обострилось, взгляд был направлен только впе-

ред, на дерево. Ее слух ловил любой шорох, который мог вызвать тень тревоги – присутствие другого существа. Может, в ее отсутствие на территорию пришел другой, большой обитатель?

Нет. И в этот день хозяйка тайги была здесь главной. Не было пока в округе такого медведя, который мог содрать кору пихты выше ее когтей. Даже отец настоящего потомства, однажды попробовав предъявить требования на благодатную территорию, постыдно ушел восвояси. Как он ни старался, не мог дотянуться до ее меты. Прежде чем заявить свои права, он должен прожить еще два-три года.

Медведица степенно подошла к пихте, тщательно обнюхала корни дерева, встала на задние лапы, приложила когти. Все в порядке. Ее задир, как и прежде, остается выше всех. Сомнений для тревог нет. Все это, как и прежде, ее владения. А то, что полуторагодовалый сын показал свой рост, доставляет лишь сладкую улыбку. Новые царапины сеголетка на стволе дерева едва доставали до ее груди.

Убедившись в своей правоте, мать упала на лапы, повернулась к пихте спиной, оставила запах. Проворные медвежата, остановившись рядом, лениво ждали, когда она сделает необходимый ритуал и позовет их с собой. Наконец, добрая, но строгая опекуниша утробно рюхнула, дала команду, шатаясь из стороны в сторону, затем направилась дальше по тропе. Послушные зверята, смешно перебирая лапками, поспешили за ней.

Положенное расстояние до поворота на лежку жительница тайги шла шумно, тяжело ступая по выбитой земле, не таясь. У знакомой, вытянувшейся во всю длину тропы колодины она остановилась, последний раз проверила воздух, вяло прослушала окружающий мир и только потом ловко шагнула в густую подсаду пихтача. Медвежата юркнули за ней. Густые лапы хвойных деревьев сомкнулись за лохматым семейством: были звери, и вдруг не стало. Дальше, бесшумно ступая по мягкому мху, семья прошла с другой стороны колодины, потом, перебираясь от дерева к дереву, проследовала к покато́й россыпи камней, вверх, на угорье, до плотного частого ельника. Когда положенный предел безопасности был преодолен, медведица свернула налево, сделала сметку и наконец-то прошла к той разлапистой ели. Действия мудрой мамыши были осознанны, она знала, куда пришла. Отсюда она контролировала свой приходной след, с некоторой высоты слышала, что происходит на хребте, а в дополнение с легким наветом ветра чувствовала все запахи, плывущие из-за спины.

Выбор места лежки был идеален. Вот уже много лет перед залеганием в берлогу старая медведица пользовалась им с завидным постоянством. Рано утром, в сумерках, она уходила по тропе в густые кедрачи, кормилась богатым урожаем кедрового ореха, нагуливала жир. А возвращалась назад ближе к вечеру, когда уставшая от суматошного дня кедровка, восседая на вершине кедра, ловила последние лучи заходящего солнца. Следующую ночь до рассвета чуткая хозяйка спокойно отдыхала здесь, под елью, а с первыми размывами мутного горизонта опять повторяла свой направленный путь. Так продолжалось день за днем, месяц за месяцем. Вот уже несколько лет.

Медвежата всегда следовали за матерью. Сколько их у нее было за долгую, трудную жизнь? Она помнила всех. Лишь единицы дожили до зрелого возраста. В зависимости от предстоящего урожая кедрового ореха хозяйка тайги каждый год рожала одного или двух потомков. Завидное постоянство подтверждало мудрость природы: всегда иметь столько, насколько позволяют условия. Всегда, предчувствуя будущий год, медведица зачинала только те плоды, которые она могла прокормить и поставить на ноги. И с должным пониманием относилась к тому, что большая часть ее детей погибает сразу, как только отделится от семьи, на втором году жизни от клыков заматеревших собратьев. Такова дикая жизнь.

В этот год под боком заботливой матери наслаждаются жизнью два маленьких отпрыска. В прошлом году, в пору июньских свадеб, старая хищница приняла настойчивую любовь белогрудого медведя. В суровом феврале в длинном скалистом проходе появились два крохотных существа: продолжение ее древнего рода пещерных медведей. Каждый из детенышей был

похож на меховую рукавичку и мог легко уместиться на мозолистой лапе матери. Теперь это мастистые, размером с собаку, звереныши. Любой из них мог дать отпор коварной росомaxe. Высококалорийный кедровый орех за полтора месяца превратил шалунов в меховые чурбаки. Надувшиеся бока, лоснившаяся, шелковая шерсть, заплывшие жиром глазки указывали на то, что предстоящую зиму в просторном, теплом гроте под скалой они втроем переживут легко и беззаботно.

Медвежата были разнополые. Брат и сестра отличались характерами и внешностью. Дочь была подобием матери: короткая телом, приземистая, добродушная, скромная, ласковая. Сын походил на отца, хитрого, злого, дерзкого каннибала. Длинная конституция сбитой фигуры играла таловыми мускулами. Широкою, с белой ленточкой грудную клетку удерживали кряжистые лапки. Сверкающий взгляд играл молниями. По отношению к сестре он проявлял постоянную агрессию. Брат отбирал лакомые кусочки пищи, претендовал на теплое место под животом матери, или просто, в беззаботной, детской игре, прикусывал острыми клыками шкуру сестры до крови. Стоило представить, какие силы предстоит испытать собратьям по роду в недалеком будущем от воительного отпрыска.

Медведица степенно подошла под ель, обнюхала лежку, легла на свое место. Выбитая яма имела идеальное положение для тела хозяйки тайги. Голову она всегда прикладывала на приплюснутый корень дерева. С некоторого расстояния казалось, что из-под разлапистой ели торчит своеобразный камень или нарост. Никто не мог догадаться, что на небольшом пятнышке покоится могучая семья. Эта особенность была главной страховкой хозяйки тайги: быть невидимой, но видеть все. Спокойно отдыхать и не быть застигнутой врасплох.

После недолгой перепалки звери устроились под горячим боком матери. Белогрудый, заняв лучшее место, развалился во всю длину ее живота. Сестра, устроившись под бочок капризного брата, положила голову на его плечо. Еще какие-то мгновения, выискивая удобное положение, теплые комочки крутились, переворачивались, а потом разом притихли, сладко засопев.

Грузная глава семьи терпеливо ждала, когда дети утомятся. Потом, бережно опустив свою огромную голову на корень, прикрыла веки. Ясное сознание окутал мягкий, благодатный покой. Семейство погрузилось в расслабляющий, но чуткий сон. Время, когда забитый питательным кедровым орехом желудок перерабатывает живительные калории в жировой запас.

Был тихий, добрый час вечернего заката. Бирюзовое небо растворило на западе последние перистые облака. Желтое, прохладное солнце напало сгрудившиеся горы негой жарковых лепестков. Дикая тайга притихла в преддверии холодной ночи. Нахмурились рогатые кедр-великаны. В ожидании мороза вознесли руки-ветки к небу острые ели. Черные пихты разлохматились вычурной, запоздалой красотой. Голые кусты таволжника напоялись последним соком земли. Пожухлая трава-дурнина опустила высохшие стебли. Притаился живой мир. Не слышно суматошных посвистов овсянки. Серая мухоловка забила в щель разошедшегося дерева. Трудяга поползень распушил свои перья под лохматой веткой пихты. Высоко в воздухе, вразнобой, молча пролетели рябые кедровки. Где-то далеко на всю округу загрохотал крыльями, взлетел с земли на кедр жирный глухарь. Сразу после этого два раза свистнул перепуганный рябчик, и все стихло. Замер существующий мир, ожидая продолжения противостояния. Неслышными росомашными шагами подбиралась черная, холодная, осенняя ночь.

До полной темноты оставалось достаточно времени. Медведица закрыла глаза, предалась томительному чувству отдыха. Каждый мускул зверя трепетал от наслаждения покоем. Излюбленное положение тела придавало ей вид полной эйфории и безразличия к окружающему миру. Ничто не мешало ей сейчас. Даже назойливые комары, гнус-мошка, предчувствуя холод, забились во всевозможные укрытия до лучших времен. Купава осенней ностальгии раскинула свои последние чары благоденствия. Знойное, жаркое лето кончилось. Слякотная, промозглая осень не наступила. Наслаждайся, таежный мир, ласковыми поцелуями природы, очень скоро все

кончится. Хмурый октябрь принесет в своих ладонях мокрый снег, холод, голод. Кто не успел сделать запасы на зиму, обречен.

У медведицы с медвежатами под шкурой большой запас. Питательная основа – кедровый орех – щедрый урожай, богатейшие запасы превратили мать и ее детей в «бочки с жиром». Хранительница семейства чувствовала, что длинная, суровая зима пройдет спокойно и сытно. В теплой и уютной пещере они не будут «сосать лапу». Запасов жира хватит до поздней весны, когда на обширных альпийских лугах гольцов вырастет жгучая, сочная черемша.

В своем дремотном состоянии старая охотница притупила бдительность. Мягкий сон обнес голову ленью. Подслеповатые глазки видели добрую сказку благополучной жизни. Поникшие уши заплыли салом и не желали слушать, что происходит вокруг. Огромный, влажный нос с посвистом втягивал в легкие воздух, заглушая шорох лесных трав. Может, все так и было бы до утра, если бы не полосатый бурундук.

Тревожный посвист юркого, неугомимого труженика спящая медведица услышала сразу. Звонкое цвиканье в тишине угасающего вечера для жителей тайги донеслось, как грохот горного обвала. Каждый зверь, любая птица восприняли предупреждение должным образом. Все, кто слышал бурундука, поняли, что по тропе кто-то идет.

Хищница подняла голову, безошибочно повернула ее в нужном направлении, теперь уже осторожно втянула в себя прохладный воздух. Обычные запахи не дали определенности. До звериной тропы было далеко, а до грызуна еще дальше. Лохматая мамаша знала тот старый кедр, под которым жил проворный полосатик. Могучее дерево росло там, за рваной пихтой, где медведица точила свои когти. В другое время года она бы не поленилась проверить под корнями кладовую маленького сторожа, съесть собранный запас вместе с хозяином. И только чувство полного удовлетворения не давало ей так поступить.

Всякий раз, когда семейство проходило по тропе рядом, бурундук в страхе выплевывал изо рта орешки и занозисто орал на всю округу: «Медведи идут!» Затем полосатик исчезал у себя в норе, спасаясь в своих катакомбах. Зверек не знал, что раскопать его норку когтистыми лапами ничего не стоит.

В редких случаях, проходя мимо, шаловливые медвежата игриво бросались на бурундука, затевали возню, начинали рвать корни. Старая медведица останавливала своих отпрысков повелительным чиханием: «Не трогайте его, пусть живет!» Послушные дети тут же бросали жилище грызуна, бежали следом, а тот провожал хозяев тайги истошным воплем, победно хвастал, что это он прогнал таежных исполинов прочь.

Оставаясь в живых, проворный бурундучок исправно исполнял свои обязанности, служа трепетным сторожем звериной тропы. Всякий раз, когда мимо кедра кто-то проходил, он предупреждал о том, кто куда идет. Слушая его, грузная медведица, не вставая со своего места, знала, что мимо шествует сохатый, марал гонит от соперника двух подруг, или горбатый соболь, пробегая через колодину, острым взглядом запомнил, что под этим кедром живет вкусный завтрак. Это только кажется, что на любого животного или человека грызун свистит одинаково. Для каждого существа у юркого полосатика имеется своя тональность. Чтобы различить ее, надо жизнь прожить в тайге.

Сегодня «адский сторож» был немногословен. Несколько коротких цвиканий несли неясность. Очевидно, что на тропе кто-то был, а кто – вызывало сомнение. Бурундук рассказал, что он увидел большое животное, очень похожее на сохатого. Но некоторое изменение в голосе полосатика говорило о другом.

Лесная хозяйка напряженно слушала насторожившуюся тишину, ждала, что маленький смотритель даст еще один знак. Но тот молчал. Прошло какое-то время. Добычица вдруг различила чавканье чьих-то ног по грязи. Тяжелая поступь выдала четвероногое существо, однако животное не было жителем тайги. Мамаша представила картину недалекого прошлого. Несколько дней назад по тропе проходила лошадь: большое животное, подвластное человеку.

В тот день она с медвежатами находилась на плантации ореха. Вечером, возвращаясь на лежку, она увидела на своей тропе железные следы. Немало удивившись, опытная охотница долго обследовала отпечатки копыт, проследила весь путь от начала до конца и успокоилась только тогда, когда «голый сохатый» беспрепятственно ушел по тропе вдоль хребта. В некоторых местах лошадь останавливалась, недолго стояла у черных елей, в густой подсаде мелкого пихтача, на должном расстоянии осматривала задранную ее когтями метку, а потом ушла в нужном ей направлении.

Это не вызвало настороженности. Лошадь шла одна, без человека. На звериной тропе печатались только следы железных копыт, с терпким запахом пота, сбегавшим по ногам. По тому, насколько далеко стояла лошадь от метки, глава округи поняла, что лошадь не претендует на участок, уважает границы территории и боится ее.

Старая медведица много раз натыкалась на «железные ноги», издали видела лошадей – слуг человека. Они жили там, внизу, в большой широкой долине, паслись на сочных полянах близ жилья, исправно носили на своих спинах груз или подставляли спину под своего хозяина. При любой встрече с медведем лошади панически бросались прочь. Они знали, что хозяева тайги таят в себе огромную силу и несут реальную, смертельную опасность. Когда вдруг легкий ветер наносил страшный, смердящий запах хищника, слуги человека бежали под защиту человека и не могли противостоять могучей силе зверя.

При случайных встречах с этими животными медведица проявляла к ним интерес – не более. Выпрямившись на задних ногах во весь рост, она наблюдала, как тихое, покорное существо с ужасом в глазах убегает прочь. Мамаша видела в лошадях еду, однако благодаря сытому желудку никогда не нападала на «голых сохатых». Более того, она знала, что лошадь – слуга человека, который всегда ответит за ее смерть коварной мстостью. Это перешло к мудрой добытчице с малых лет, вместе с молоком матери и вызывало чувство страха, переступить через который помог бы только критический случай.

Сегодня для встречи с «голым сохатым» у медведицы не было повода. «Проходи мимо, я тебя не трогаю, – думала она, не сомневаясь, что это был слуга человека. – Пусть будет все так, как в прошлый раз». Однако посторонние звуки на тропе заставили обратить на себя внимание.

Вначале это были просто тяжелые шаги лошади. Потом непонятные движения на одном месте, походившие на продолжительную возню медвежат. Затем заговорил ласковый ручеек, опять какие-то шорохи, полет пчелы, глухие удары чего-то тяжелого о землю и шум от других непонятных действий. До метки было далеко. Медведица не могла точно различить, что там происходит. Слуховому восприятию помогали тишина и ломкое эхо ниспадавшего вечера, приносившие пространственные звуки на скалистый взлобок. Если бы лежка семьи находилась дальше, за пригорком, эти звуки так и остались бы без внимания. Но тогда то, что происходило на тропе, вызывало волнующий интерес.

Журчание ручейка, полет пчелы вскоре смолкли. За этим опять послышались нарастающие шаги тяжелых ног. Знакомая, отчетливая поступь не оставила сомнения, что мимо, по тропе, идут «железные ноги» лошади.

Вдруг рваный ветерок-тягикус принес резкий запах человека: слуга старого врага вез на своей спине своего хозяина мимо. Это заставило старую медведицу напрячься. Она хотела встать, уйти от опасности на заветренную сторону хребта. Однако лошадь спокойно прошла по тропе мимо, так и не почувствовав близкого присутствия зверей. Еще какое-то время вдалеке были слышны удаляющиеся шаги, редкий шорох веток о потное тело, вязкое чавканье копыт. Потом все стихло.

Владычица долго слушала, ждала, втягивала по-поросячьи носом свежий воздух, напрягала расплывчатое зрение, выставляла уши, выискивая смертельный запах. Но вечерние сумерки, прохладный сивер несли спокойствие и постоянство. Это придало уверенность. Сытый желудок сладким медом лепил веки, закрывал глаза. Нагретая, теплая лежка сковала

тело ленью. Еще раз глубоко вдохнув в себя запахи тайги, разведчица положила голову на лапу и предалась глубокому забытию праздного сна.

Проходящая ночь была умиротворяющей. Легко и безответно клубился над теплой землей мягкий туман. Сгребаясь под тяжестью инея, звенели остекленевшие травы. Разбивая ломкую, ледяную росу, бегали бурые полевки. На перевале долго заунывно тянул свою последнюю песню настойчивый сыч. Далеко под гольцом испуганной рысью визжали маралы. В болотистом зыбуне призывно стонал сохатый.

Раннее утро вздрогнуло импульсивной энергией. Неожиданно для всех, выбивая ложную любовь, негромко, но азартно затоковал краснобровый глухарь. Энергичный соболь, начиная свою охоту, метнулся по моховой колодине. Напористо выискивая соперника, троекратно взвизгнул возбужденный марал. Перебивая его, раскатами грома затрубил сохатый.

Медвежата проснулись первыми. Со злобной, неукротимой силой белогрудый потянулся лапами, щелкнул на сестру зубами. Медведка отпрянула в сторону, с обиженными глазками отошла под защиту матери. Та грозно фухнула на сына, раскачиваясь из стороны в сторону, поднялась на передних лапах. Легкий голод разбудил зверей. Стремление к продолжающейся жизни заполнило сильные тела. Семью ждала огромная плантация кедровых орехов.

Прежде чем начать движение, медведица вновь долго слушала тайгу. В противоположность вечернему, мертвому часу, бренный мир испытывал торжество существования. Приветствуя добрый день, всевозможными голосами пели птицы. Мелкие животные наполнили пространство шорохом движения. На противоположном склоне колким эхом выстрелил словившийся сучок. В ответ ему, призывая к себе противника, затрещал о ломкие ветки рогами сердитый марал.

Наконец-то наступила минута хозяйки тайги. Добытчица сделала шаг в сторону, загремела промерзшей травой, хрустнула лапами по стеклянной земле. Тяжелые шаги зверя приглушили торжество живого оркестра. Приветствуя величавую императрицу, в должном молчании замер лес. Услышав грациозное шествие, в немом поклоне склонили головы подвластные существа: «Всем тихо! Доброе утро, старая мать-медведица!»

Хранительница семейства, не обращая внимания на других живых существ, степенно, грузно шагала по своим делам. В этой жизни, в своем уважительном, престарелом возрасте, она не боялась никого и ничего. В своем мире она не знала того, кто мог бы преградить ей дорогу, стать угрозой ее детям. Она завоевала право на существование силой, упорством, настойчивостью. Единственный враг – человек, был далеко. Но даже он своим коварным, хитрым умом не мог противостоять воле, силе, зрению, чутью, слуху могучего зверя. Если понадобится, защищая своих отпрысков, трепетная мать не остановится перед хрупким созданием, убьет его одним взмахом лапы. Так стоит ли прятать свое присутствие крадущимися шагами, если все боятся ее?

Здесь ей знакомо каждое дерево, куст, моховая кочка. Тайга для медведицы – дом родной. Она в ней хорошая хозяйка, которая знает, где и что лежит. Зрительная, визуальная память настолько практичны, что даже через много лет помнится, в каком месте ему приходилось ночевать.

Зверовая тропа – связующая нить передвижения жителя тайги с одного места в другое. По ней проходит много животных. Каждого из них медведица знает по запаху. Если вдруг на тропе появится посторонний, хищница уделит его следам особое внимание, чтобы потом не ошибиться при новой встрече.

Осторожная глава лесного царства вышла на тропу, обнюхала отпечатки старых, вечерних «железных ног». Серебристая роса покрыла землю хрустальным налетом. Под стеклянной корочкой замерзли все живорожденные запахи. И все же трепетный нос животного быстро поймал едва уловимый след одинокой лошади. Она прошла одна, без человека. Значит, поводов для страха нет.

Степенно, с колким хрустом придавливая мозолистыми лапами ночную, замерзшую росу, старая медведица пошла по тропе к своей метке. Инстинкт охраны территории требовал очередной проверки «пограничного столба». Грозная хозяйка точно знала, что за ночь ничего не случилось: лошадь не может претендовать на ее законные владения. И все же порядок есть порядок. У животных он развит более требовательно, чем у людей.

Каждый шаг давался легко. Широкая, набитая тропа давала вольное передвижение. На ходу чуткая мать интуитивно втягивала в себя воздух, выискивая новые запахи. Голова зверя держалась на уровне груди, глаза замечали любую мелочь перед собой. Медвежата, игриво огрызаясь, семенили сзади. Последние метры до метки на дереве мать пошла быстрее. Все ее внимание теперь было направлено вперед, на рваную пихту. Другие, более мелкие деревья и кустарники в это мгновение казались обычными растениями. А упругая черемуховая лука, упавшая на шею медведицы, – это всего лишь ломкий прутик, рвущийся от легкого напряжения стальных мышц.

Упругая ветка черемухи придавила плечо. Стараясь отбросить ее в сторону, медведица переступила его правой лапой, сделала очередной шаг, подалась вперед. Так было всегда, когда хозяйка тайги шла по захлавленной тропе. Не останавливаясь перед мелкими препятствиями, она рвала, давила телом, плечами, шеей, грудью, массой тела любые растения, которые старались ее остановить. Результат натиска всегда имел должный успех. Кусты лопались. Дерево ломалось или выворачивалось с корнем. Однако сейчас ветка черемухи опутала шею, плечо и не сдавала под напором неукротимой силы. Лука черемухи превратилась в змею, черную гадюку, которая обвилась вокруг ее шеи. Жертва усилила натиск могучего тела. Вдруг сбоку, резким сбоем пролился мелодичный ручеек. Этот звук не походил ни на один навет, порожденный в природе. Хозяйка тайги никогда не слышала ничего подобного, испугалась. Собравшись в единый сгусток железных мышц, она молнией прыгнула в сторону. Своими импульсивными движениями медведица постаралась освободиться, разорвать змеиное кольцо на своем теле, что еще больше усугубило ее положение. Хитросплетенная удавка мертвым узлом наискосок, через шею на грудь, затянула на ней прочную петлю.

В тот миг животное еще не поняло, что произошло, не знало, что охота на него началась несколько дней назад, тем тихим вечером, когда всадник на лошади нашел ее тропу и пихту с меткой. Откуда ему было ведать, что за два дня опытный медвежатник приготовил для нее крепкую ловушку, состоявшую из двух частей: волосяной веревки, сплетенной из конского хвоста, и прочно закрепленной к ней самодельной, кованой цепи. Вчера вечером медведица не могла объяснить странные звуки на тропе. Она слышала, но не видела, как человек верхом на лошади, не слезая на землю во избежание пугающего запаха, насторожил у драной пихты петлю-удавку. Пользуясь многолетним опытом охоты на медведей, он воспользовался всеми правилами старого промысла: тщательно обработал петлю и цепь смолой пихты; при установке удавки навесил на сучок цепь таким образом, чтобы последняя упала и испугала зверя, когда петля будет у него на шее. Охотник знал, что при резком прыжке добычи испытанный узел затянет петлю и не сдаст назад. А толстый, корявый сутунок-потаск, к которому была привязана петля, настолько измотает силы, что быстро разрешит исход поединка в пользу человека.

Все так и случилось. В несколько секунд мир старой медведицы разделился на две жизни: до и после. Если в первой она жила скромно, тихо, в заботах о своих детях, то теперь все изменилось. Затянувшаяся на шее петля начала отсчет последних минут ее достойной жизни.

Хозяйка тайги металась по округе, стараясь освободиться от цепких пут удавки, бросалась из стороны в сторону, каталась по земле, что есть силы прыгала вверх, кувыркалась через голову. Грозный рев возмездия невидимому врагу пугал тайгу. Колкое, волнообразное эхо металось по сжавшимся хребтам. С ужасом воспринимая дикий голос, живой мир в панике покидал опасное место. Медвежата, не понимая причину действий своей матери, в страхе взобрались на близстоящий кедр.

Мать была полна неукротимой силы. Налитые мышцы играли стальными пружинами. Могучие, корявые лапы с корнями вырывали молодые, двадцатилетние пихты и ели. Попадавшие на пути камни и кочки разлетались по сторонам мелкой галькой. Мохнатая дернина рвалась в когтях гнилой тряпкой. Ржавая земля рассыпалась брэнной, застоявшейся пылью. Медведица постоянно стремилась к одному, решающему прыжку. Она знала, что вес грузного тела в сочетании с молниеносной силой способен преодолеть любую преграду. Так было всегда, когда она, собравшись в единое целое, перепрыгивала через ручей, колодину, яму, взбиралась на неприступный уступ скалы или же одним пятиметровым рывком прыгала из засады на спину сохатого. Жительница тайги добивалась своей цели рано или поздно и пользовалась этим приемом как глотком воздуха.

Однако сегодня все было иначе. Единственному, решающему броску мешала большая, корявая, кедровая чурка, к которой была намертво прикреплена короткая кованая цепь. Кряжистый сутунок имел форму полуторагодовалого медведя, толстого, сытого и довольного своей беспечной жизнью. Пленница грызла клыками прочный металл, пыталась порвать цепь в прыжке, драла когтями равнодушный сутунок. Было страшно слушать, с каким хрустом крошатся о железо охристые клыки, видеть, с какой силой зверь пытался избавиться от ненавистного потаска. Прочная цепь не давала расстояния для решающего рывка. Податливый сутунок гасил прыжок своим обременительным весом.

Жертва пыталась сорвать петлю когтями со спины, достать впившуюся веревку зубами, изворачивалась телом. Но все попытки освободиться от цепкой гадюки не имели успеха. Хитрый узел не сдавал хоть на миллиметр. Прочная петля крепко держала зверя в своих объятиях. Безразличный сутунок лениво метался за зверем, удерживая своим весом на месте.

Место трагедии быстро превратилось в пахоту. Девственная полянка возымела вид побоища, на котором насмерть сражались самцы во время брачного сезона. Разъяренная добыча рвала и метала все, что попадалось ей под лапы. Многие деревья были вырваны с корнями. Взбитая земля дышала страхом от крушений. Зверовая тропа превратилась в хаос нагромождения.

Силы быстро покинули обительницу тайги. На миг остановившись, тяжело дыша, вывалив красный язык, она присела на землю. Ослабевшая хищница уже поняла, что с ней произошло, знала, кто установил на нее петлю. Неукротимая ярость заполонила зверя до предела. Попадись ей человек в ту минуту, не задумываясь, она разорвала бы ненавистную плоть на мелкие куски. Но его рядом не было, а были причины, ограничивавшие ее свободное передвижение: петля на шее, звенящая цепь и корявый потаск. Сейчас они были виновниками ее уходящей жизни. Жертва предвидела, что, удерживая ее на месте, кедровый сутунок приближает скорую встречу с человеком. Очень скоро сюда придет охотник. Он будет здесь не просто так, иначе зачем была поставлена петля? Из-за ограниченных действий она станет быстрой, легкой добычей двуногого.

От подобной мысли хозяйка лесов вновь и вновь бросалась на ненавистный сутунок, пытаясь освободиться как можно быстрее. Она рвала сильными когтями кряж, грызла дерево зубами, коротким рывком старалась порвать цепь, опять вытягивала на спине удавку. Но близкая, желанная свобода была где-то в стороне. Безвольный потаск холодно терпел удары и порывы зверя. Звонкая цепь надсмехалась над ее клыками. Прочная «гадюка» сдавливала шею и грудь старой медведицы все туже, с каждым рывком ограничивая ее дыхание.

Корявый сутунок подался силе, передвигался за зверем. Это дало матери цель: уйти и увести медвежат от этого места как можно дальше, в глушь, залом, густую чащу. Здесь она находилась на открытом, легкодоступном поражению месте. А вот там, спрятавшись, она неожиданно нападет на человека, когда охотник будет идти по ее следам.

Хозяйка тайги глухо рявкнула на отпрысков: «Следуйте за мной!» Испуганные дети мешками упали с дерева на землю, подскочили к матери. Медленно преодолевая тяжелые пяди леса, царская семья пораженно проследовала прочь от страшного места.

Каждый метр давался с огромным трудом. Корявый сутунок превратился в ненавистную кладь, от которой невозможно избавиться. Толстый обрубок с каждым метром становился тяжелее, был длинным, всегда за что-то цеплялся и не давал зверю хода. Обыкновенные кочки, кусты, камни, коряги, кусты стали врагами. Потаск тормозил злую мамашу. В слепой ярости жертва возвращалась назад, рвала могучими лапами предмет задержки, опять тянула за собой ненавистный чурбан. Было хуже, когда сутунок застревал между деревьев, тогда приходилось поднимать его лапами, вставать на ноги и какое-то расстояние переносить груз на чистое место. На это уходило много времени. Силы быстро покидали зверя.

Медведица часто останавливалась, отдыхала. Тяжелое, рвущееся дыхание вылетало из ее окровавленной пасти. Мутные глаза слепо смотрели на предмет ее скованного движения. Крючковатые лапы подрагивали от напряжения. Страшная гадюка-петля сдавливала плечи, шею, грудь. Звонкая цепь живым родником надсмехалась над ее бессилием. Корявый обрубок дерева словно довольный поросенок усмехался над бесполезными рывками пленницы.

Перепуганные медвежата находились рядом. Подрагивая от ужаса, они прижимались друг к другу, жалобно просили покровительства у обреченной матери. Они не понимали, что происходит, каждый из них воспринимал ее безумство, как дерзкую, смертельную борьбу с неведомым, диким существом, который был сильнее их. Детеныши надеялись, что вот сейчас все кончится. Сильная, могучая мама наконец-то победит в кровавой схватке, и они, как это было всегда, пойдут на вольные выпаса в густые кедровники, все в их семье будет хорошо, спокойно и размеренно, как вчера.

Неукротимая схватка растревожила время. Тихое, морозное утро уступило место праздному дню. Над вершиной одинокого гольца зависло яркое солнце. Чистый воздух наполнился свежим ветром воли. Живой мир тайги праздновал бал торжества жизни. Хмурый лес посвежел, наполнился многочисленным разговором пернатой братии. Где-то далеко, на вершине противоположного хребта, опять взвизгнул марал. Все шло как обычно. Только старая медведица, бесполезно путаясь в прочной паутине смерти, старалась спасти свое брненное существование.

Ответственность за своих детей придавала матери упорство и настойчивость. Невзирая на боль в теле, она вновь бросалась в жестокую схватку со смертью. Кедровый потаск крошился в щепу. Кованая цепь звенела от напряжения. Волосяная удавка натягивалась струной. Тяжелые камни с глухими ударами разлетались по сторонам. Трещали кусты и мелкая подсада. Последний путь медведицы был истерзан рваной землей, свежими метками раскрошившихся клыков на стволах деревьев, каплями крови. Было страшно представить, что будет с тем живым существом, что осмелилось встать на ее дороге.

Между тем это существо наступало на пятки. Отчаянная добыча все чаще вставала на дыбы, с шумом втягивала в себя свежий воздух, крутила головой, напрягала зрение в сторону далекой пади, слушала голос старого ворона. Все чувства подсказывали, что тот, кто устроил для нее ловушку, уже идет сюда и очень скоро будет на месте. На то, чтобы спрятаться, у хозяйки тайги оставалось слишком мало времени. Плотное нагромождение поваленных деревьев от шквального ветра было слишком далеко. Подсада молодого пихтача не спасала от взгляда человека. Надежное укрытие для нападения мог дать только тот огромный поваленный кедр. Чтобы спрятаться за ним, не оставляя следов, ей надо было идти на задних лапах, перетаскивая в передних потаск. Пусть охотник видит, что она ушла к вершине колодины. Потом умная медведица обойдет дерево, притаится в переплетениях вывернутых корней. Когда человек будет выискивать в траве отпечатки ее следов, у нее будет время и расстояние для одного верного, решающего прыжка.

Пуля для фузеи

Молочное утро разбило серую ночь. Кварцевый туман застил широкую долину непроглядной пылью. Мраморным бархатом остекленели пожухлые травы. Искристый иней сковал теплую землю колким хрусталем. Могучие кедры-великаны в ожидании предстоящей зимы склонили мохнатые шапки. Говорливый ручей притушил свою звонкую речь густыми водами. Холодный воздух задышал отрицательной температурой. Испуганная тишина нахохлилась на вершине невидимого хребта. Колкое эхо запуталось в сетях ранней осени.

Спит старательский прииск. После тяжелого трудового дня уставшие люди досматривают последние, тревожные сны. Суровым назиданием неизбежности молчат убогие, ветхие домики. Покатые крыши густо посыпаны соленой изморозью. Толстые стены полуземлянок надежно хранят хрупкое торжество жизни. Рядом, в примитивных, тесовых пристройках тяжело вздыхают домашние животные. Едва слышно пережевывает жвачку корова. Отгоняя покладистый сон, храпит лошадь.

В стороне от хозяйского двора, на границе тайги, под могучим кедром запоздало курится догорающий костерок. За ним лохматым комом бугрится медвежья шуба. С обеих сторон от дерева свернулись клубками остроухие собаки. Неподалеку, на полянке, приложив голову на согнутые колени, лежит гнедой конь.

Непонятно откуда, из глубины тумана, едва слышно заскрипел тягучий, визгливый голос. Чуткие лайки задержали ушами, разом вскинули головы. Каждая из них долго, напряженно втягивала носом воздух, крутила головой, ожидая повторного крика марала. Не дождавшись ответа, собаки успокоились, широко зевнули, высунув красные языки, вновь ткнулись носами себе в хвосты.

Гнедой жеребец медленно приподнял голову, встряхнул ушами, вытянул шею. Светлое утро пробудило в таежном иноходце легкий голод. Далекий предок диких гор – марал – подсказал собрату по копытам о перемене суток. Наступил час трапезы. Подчинившись природному инстинкту, конь подобрал под себя копыта, напряжился, легко подскочил на передних ногах, встал во весь рост, отряхнулся от росы, потянулся губами к траве. Зверовые лайки не придали его движениям должного внимания. Они привыкли к знакомым звукам. Только одна из них вздрогнула ушами, но тут же успокоилась.

Прошло еще немного времени. Неожиданно для всех послышался глухой стук. Скрипнула дверь. На улицу вышла хозяйка приземистой избы. Немолодая, средних лет женщина остановилась за порогом своего жилища, стала поправлять на голове волосы. Ее светлое, еще сонное лицо выражало тень предстоящей заботы: хозяйство, работа, дети. Женский день длиннее мужского. Еще минуту поколебавшись, прогоняя сон и дрему, сладко потянувшись, женщина пошла к поленнице с дровами.

Гнедой мерин, приветствуя человека, с шумом всхрапнул бархатными губами, прыгнул вперед стреноженными ногами, вновь опустил к земле голову. Собаки разом повернули головы в сторону человека, внимательно наблюдая за ее действиями.

За дымящимся костром зашевелилась медвежья шуба. Из глубины спальника налимом выскользнула сухая, жилистая рука, откинула полог обшлага. Вслед за этим, спонтанно раздирая заспанные веки, на свет выглянуло бородатое, серое, загрубевшее на ветрах и солнце лицо мужчины. Круто приподнявшись на локте, мужик смутно осмотрел окружающий мир, коротко удостоил вниманием собак, кормившегося мерина, женщину, разводившую костер, стал выбираться из теплого места.

– Доброго вам утречка, Анна Семеновна! – поприветствовал он женщину издали. – Что так не спится на зорьке ранней?

– И вам того же, Михаил Северьянович, – ответила хозяйка зимовья и опять горько вздохнула: – Так вот же, все привычка: коровушку доить, – и вдруг прислонила края платка к глазам. – А где же она, милая кормилица? Попала на когти зверю лютому! Нет моей Зореньки, задавил медведь окаянный... Такая уж кормилица была, ведерница! Как теперь жить, скажи, пожалуйста?!

– Это так, – поддерживая Анну, с горечью в голосе ответил Михаил. – Корову не вернешь. Все одно, как-то надо на золотишко другую покупать. А зверя, хозяйюшка, мы накажем! Не переживай, теперь знаю, где он проживает! Спроволил я на него удавку. Ладно будет, день-два – и попадется. По одной тропе зверь ходит каждый день. Только вот...

– Что ж такое? – насторожилась Анна.

– Так не один он: матка с ребятишками. Придется грех на душу брать, иного выбора нет.

– Ты уж, Михаил, помоги горю нашему! А мы грех тот всем миром за тебя отмолим! Нет сил терпеть боле! Третью корову на прииске за лето задавил: как жить?! А коров-то всего пять было...

Скорбящая женщина говорила что-то еще, а сама тем временем разводила костер. Опытный медвежатник, краем уха прослушивая речь хозяйки, смотрел и слушал по сторонам, определяя погоду. К этому времени в природе произошли некоторые изменения. Обволакивающий туман над головой начал рассеиваться. Где-то в вышине проявились первые блики бирюзового, чистого, без единого облачка, неба. На невидимых хребтах зашумели деревья: первые лучи солнца прогоняли на запад холодный воздух. Со всех сторон слышались мягкие переливы пернатой братии. В недалеком кедровнике скрипели кедровки. Михаил Северьянович удовлетворенно потянулся: сегодня будет хороший день – «последние вздохи бабьего лета!». Скоро все изменится. На отрогах Таежного Сисима постоянный снег ложится в конце сентября. Надо торопиться. Как бы скорая зима не испортила карты.

Медвежатник глянул на собак. Те приподняли головы, приветствуя хозяина. Их поведение спокойно. Значит, там, на хребте, пока все нормально. Или восточный ветер уносит запахи в обратном направлении.

Михаил бодро выскочил из спальника, притопывая босыми ногами по ледяному зазимку, стал разводить свой костер. Хозяйка дома внимательно посмотрела в его сторону, недоуменно пожала плечами: зачем жечь два огня рядом? Впрочем, кто поймет Самойловых? Никто из их рода никогда ничего не попросит у других. Однако всегда выручат просящего. Три дня прошло, как Михаил приехал на лошади из Кузьмовки. Его приглашали жить в доме, он отказался: живет и спит под кедром. Звали обедать – у него свои продукты. Предлагали какую-то помощь, а он противится: «Что будет надо, сам спрошу». Вроде бы не старовер, обыкновенный промышленник, знаменитый на всю округу медвежатник, а в семье ведет свои законы, известные только тем, кто носит уважаемую фамилию Самойловых.

Михаил схватил котелок, босиком побежал по стеклянной от инея тропинке к речке, отбил забереги, набрал воды. Возвращаясь назад, он приостановил шаг, косо посмотрел на проголызину в тумане. Где-то там, над мутной вершиной кедрового хребта, одиноко завис черный ворон. Охотник удовлетворенно качнул головой: дело сделано!

Таежный прииск просыпался. В недалеких избах хлопали двери, стучали топоры, гремели котелки и ведра. Призывая хозяек к дойке, мычали оставшиеся в живых две коровы.

Встающее солнце растопило туман. Резкие горы оголили свои просторы девственной чистотой. С невысоких хребтов потянуло душистой нежностью первозданного утра. Аромат загулявшей осени застил долину головокружительной негой. Душистый, пьянящий кедровым орехом воздух, закуражился с прелью мокрых трав. Соленая роса превратилась в девичьи слезы. Пробудившаяся ото сна речка заговорила настойчивостью далеких странствий.

Из дома Шафрановых, что дальше к речке, вышла Наташа. На ходу направляя под платок толстую, с девичью руку косу, схватила ведро, побежала за водой. Из-под длинной, ниже

колен юбки засверкали пятки босых ног. Со стороны казалось, что Наташа не идет, а плывет над землей. Это было настолько необычно и впечатлительно, что Михаил под своим кедром, обалдев от красоты девушки, отставил в сторону кружку с чаем, вытянул шею гусем. Наталья, не замечая на себе пристального взгляда мужчины, быстро присела у воды, набрызгала на лицо и шею воды, умылась, вытерлась уголком платка. Несколько струй холодной воды просочились девушке на грудь. Вздыхая от резких ощущений, Наташа скрестила на упругой кофточке руки, присела на корточки, посмотрела себе под одежду, чему-то улыбнулась. В костре Михаила выстрелила головешка. Девушка повернулась и встретила прямо со взглядом наблюдателя. Испуганные глаза стыдливо метнулись на землю. Лицо напилось вечерним закатом. Наташа схватила ведро, быстро зачерпнула воды и, на ходу поприветствовав охотника, поспешила за угол дома.

Медвежатник довольно распустил бороду пятерней: хороша девка! Сок ягоды-малины! Как талина у воды, как береза на пригорке – красивая, гибкая, стройная! Больше шестидесяти лет прожил на свете Михаил Северьянович, многих женщин видел, но хозяйская Наташка привлекла его внимание. Эх, кабы сыны не были женаты, можно было и породниться с Пановыми. А младший, сорванец, еще не дорос: ныне тринадцать лет только стукнуло. Считай, на три года Натальи младше. Пока вырастет да созреет, девка уже троих детей родить успеет. Что пусто говорить да думать? Она девка на выданье, гляди, не сегодня-завтра кто-то сватов зашлет. И на это у охотника есть свои доказательства.

Три ночи прожил Михаил Северьянович на Ивановском приiske. Не мог охотник отказать людскому горю, приехал по просьбе старателей выручить от зверя. Одолеп медведь пакостный жителей Таежного Сисима. Три коровы задавил. По ночам около отвалов ходит. Собаки в тайгу бояться выйти, того и гляди, на людей начнет кидаться.

Для Михаила Самойлова медвежий промысел – дело всей жизни. С малых лет на берлоге да на падали с отцом зверя промышлял. К настоящему времени свой счет добытых медведей перевалил за седьмой десяток. Из них три шатуна. Охота на хозяина тайги всегда имела хороший доход: тут тебе и мясо, жир, желчь и шкура, за которую минусинские купцы давали неплохие деньги. В добавление к старательскому промыслу, золоту, соболям, кедровому ореху это выглядит более чем пристойно. Кедровый дом Самойловых на Кузьмовке люди знают далеко за границами уезда.

Много медведей перевидал мужчина на своем веку, хорошо знает повадки, привычки, характер зверя. Больше половины медвежатник добыл один. Однако был твердо уверен, что ходить всегда надо вдвоем. Нет, не имеет страха перед хищником опытный таежник, он остался где-то далеко позади, на втором десятке лет. Михаил Северьянович убежден в другом: как трудно ему придется в смертельном поединке, если в критическую минуту рядом не будет надежного, отважного товарища. А это мгновение, как упавшая кухта, может случиться в любой момент. И чаще всего тогда, когда ты его ждешь меньше всего.

В этот раз у Михаила нет надежного товарища. Так уж случилось, что в тот день, когда к нему с дурной вестью приехал нарочный из Сисима, сыны уехали в город с обозом. Кузьмовские мужики заняты на своих работах. У людей тайги сентябрь занят до последнего дня. Никто из надежных промысловиков не решился ехать за пятьдесят верст в тайгу, неизвестно на сколько дней. Сейчас любой час на учете. Пришлось охотнику седлать коня в одиночку. Не мог мужик отказать людям в лихой беде. Он надеялся найти помощника в опасном деле на приiske, в худшем случае бить зверя придется одному.

Найти пакостного медведя не составило большого труда. От места последней потаржнины, где десять дней назад была задавлена и съедена третья корова, Михаил быстро нашел жилище медведицы, которая постоянно ходила по одной тропе и ставила когтями метки на старой пихте. В остальном оставалось ожидать результата. Труднее было найти хорошего, надежного напарника.

Пока охотник готовил петлю на добычу, внимательно изучал людей небольшого старательского прииска. В артели пятнадцать домов, чуть больше сорока жителей. Из них семнадцать рабочих-старателей, остальные – женщины и дети. Половина всех мужиков – молодежь. Четверо не женаты. И все они ухлестывают за Шафрановой Наташкой. Да это и понятно. Наталья – девка видная, проворная, работающая, застенчивая. В старательских семьях есть еще четыре молодки, но на них никто из парней не смотрит. Идет борьба за совершенство. С мордобоем. Не далее как позавчера Михаил Северьянович наблюдал, как Ванька Панов с Лешкой Воеводиным кулаки друг о друга чесали.

Ивану Панову двадцать пять лет: кряжист, высок, вынослив, правдолюб. Всегда постоит за себя и за дело. В своем кругу парень достаточно смел. Только вот настолько ли, чтобы можно было взять его с собой в товарищи, бить зверя и не обмануться? Михаил повстречал на своем веку достаточно людей, которые на словах «пускали пыль», хорохорились, били себя в грудь, а потом, как медведь первый раз рыкнет, от страха не могли ноги передвинуть. Всякое бывает. У каждого человека свой характер. Выбрать хорошего напарника на охоту – дело сложное. Ошибиться в таком деле равносильно смерти.

Третий день присматривается Михаил к Ивану Панову. В работе на колоде (приспособление для промывки золота), с лопатой в руках, в шурфах и под крепежным лесом парню цены нет. Однако не работой проверяется смелость характера. Здоровые, сильные, работающие мужики иной раз оказываются такими трусами, которым нет доброго слова памяти. А вот в отношении к своей любви все и проявляется. Лешка Воеводин – конь-голова, считай, на четверть Ваньки выше, кулаком оглоблю перешибает. А вот посмотри, не испугался Ванька своего соперника, выстоял кулачный бой за Наташку, хотя и получил неплохо, носит незрелую шишку под глазом. Но все едино, не отступает от девки. Здесь можно и поверить парню, взять его с собой зверя промыслить. И все же неплохо бы сделать еще одну проверку: спросить у Наташки, верит ли она парню?

Михаил Северьянович допил чай, проглотил последний кусок вяленой медвежатины, довольный потянулся за трубочкой. Хорошо добрым утром после вкусного завтрака выкурить три понюшки табака! Язык вяжется, поговорить охота. Да и как раз надо. Затянулся мужик крепким самосадом до слез в глазах, растянул на губах блаженную улыбку: самое время пришло! Поймал момент промышленник, когда рядом не осталось лишних ушей, негромко позвал:

– Слухай, Наташка! Подойди, дочка, на минутку!

У девушки от неожиданности из рук выпала чашка.

– Что такое, дядя Михаил? Может, кружку молока парного налить?

А у самой – сердечко в груди синичкой бьется. Покраснела перезревшей кислицей. Поняла, что Михаил про Ивана спрашивать будет. Да и вообще Самойловы люди тихие, неразговорчивые, знаменитые, уважаемые. Один лишь прямой, строгий взгляд медвежатника приводит любую женщину в робость. А что говорить про девушку?

Налила Наташа из крынки в берестяную кружку молока, запахла плотнее на груди телогрейку, осторожно пошла к зовущему под кедр. Михаил встретил ее с довольной улыбкой. Однако в глазах его виделось напряжение. Понятно, что хотел спросить о чем-то серьезном.

Встала Наташа рядом, протянула кружку и тут же хотела убежать назад. Чувствует девушка, что боится Михаила. В груди воздуха не хватает, руки подрагивают мелкой дрожью. Но медвежатник невозмутимо остановил ее, пыхнул дымом в костер, указал глазами:

– Сядь подле, спросить что хочу.

Собеседница робко присела на край медвежьего спальника, опустила глаза на кедровый корень, от волнения закрутила в руках косу.

– Что, душегрейка-то не с твоего плеча? – продолжил Михаил.

– Моя... – не понимая, к чему он клонит, удивилась Наташа. – Сама шила. Специально на зиму. Больше – всегда теплее, в морозы можно еще одну кофточку надеть.

– Это правильно, – довольно подтвердил промысловик и тут же неожиданно, как будто одним взмахом топора срубив застоявшуюся сушину, спросил: – А что, Ваньку-то крепко любишь?!

– Что это вы, дядя Миша? – вздрогнула девушка и еще больше покраснела. – Какого такого Ваньку? Не люблю я его вовсе... так... просто...

– Ладно, успокойся, – довольно улыбнулся Михаил. – Мне до вашей любви дела нет. Любовь – это дело хорошее, когда по сердцу, любитесь себе на здоровье! Ты мне вот про что скажи, другое интересно, – здесь медвежатник сделал многозначительную паузу, выдержал момент, а когда понял, что Наташа готова высказать самое сокровенное, негромко продолжил: – Верить ли ты Ваньке, как самой себе?

Наташа – ни жива ни мертва! Затаила дыхание, сердечко приостановилось. Девушка еще ниже опустила голову, потом вдруг выпрямилась:

– Верю!

– Думаешь, что не бросит, когда плохо будет?!

– Да.

– А что, вынесет он тебя из тайги на руках, когда хвора будешь? – пробивая узким взглядом глаза девушки, задел за живое Михаил.

– Вынесет! – без тени сомнения ответила девушка.

– Вот и ладно, – довольно затягиваясь дымом, отклонился охотник. – Теперича можешь идти. Только нет, постой, – повелительным тоном, от которого Наташа никак не могла отказать, приказал Михаил. – Сымай душегрейку. Она мне на день сгодится. А ты до вечера у костра не замерзнешь. Вон, солнышко опростоволосилось, тепло будет.

Наташа послушно сняла с плеч одежду, протянула Михаилу. Тот бережно принял телогрейку, положил себе за спину, равнодушно махнул рукой:

– Шагай!

Прежде чем уйти, Наташа какое-то время колебалась, потом спросила:

– Зачем все это, дядя Михаил?

– Нудить твою... Не женское это дело – все знать. Потом увидишь, – понизил голос медвежатник и отвернулся в сторону.

Наташа ушла к своему костру. Михаил выбил трубочку о корень кедра, стал обувать на ноги походные чуны: пора! Рядом зачихали носами взволнованные собаки. В какой-то момент зверовые кобели взвизгивали, выпрашивая волю, однако Михаил осадил своих верных помощников:

– Сидите пока, не время.

Послушные лайки, недовольно вытягивая поводки, закрутились, но тут же, присмирив, присели.

Анна Семеновна разбудила мужиков на завтрак. Первым из дома вскочил Иван. Припрыгивая по холодной росе босыми ногами, парень закрутил головой, увидел Наташу, сделал едва заметный знак приветствия. Затем, изображая ретивого иноходца, высоко поднимая колени, убежал в тайгу, потом – на речку. Назад он вернулся через несколько минут, бодрый, здоровый, умытый. Ожидая, пока глава семейства Пановых, Григорий Феоктистович, первым сядет за летний стол, Иван присел на чурку около костра.

Завтрак Пановых был недолгим, но сытным. Тяжела старательская доля. Целый день с кайлом да лопатой: не полопаешь – не потопаешь. Самая лучшая еда с утра – густая каша с мясом. Иначе до обеда не доживешь. Звали и Михаила, но тот скромно отказался, ожидая, когда закончится трапеза.

После завтрака все мужики собрались под кедром на пятиминутную планерку. Кто-то собирался выкурить понюшку табака. Другие просто с интересом ждали, что сегодня будет делать медвежатник. От соседних домов пришли соседи-старатели (женщинам присутствовать

в мужских разговорах возбранялось). Когда все расселись по кругу, Михаил не полез за словом в карман. Хитро прищутив глаза, он пошел в открытую:

– Григорий! Мне сегодня на день твой Ванька нужен. С конем.

– Что, думаешь медведя бить?

– Думаю.

– А попался ли? А как зря парня в хребет сгоняешь? Ныне каждый час на учете. В Сдвиженье постоянный снег выпадет, не растает, а мы только что на жилку наткнулись.

– Это не беда. Отработает Ванька завтра за двоих.

– Может, кого другого, кто норовистее? Мой Иван всего двух медведей убил. И то случайно, да маленьких. А тут дело такое... Вон, Микишка Лавренов пять штук в петельку споровил. Ныне за лето двух зверей поймал, весь прииск кормил. Его возьми! А мой сынка не способен на это дело.

– Способен! Еще как способен! – не отступал от своего Михаил. – А что Микишка? Он специально таких медведей ловит: на шкуру ляжешь, ноги и голова не укладываются. Не медведи, а собаки. Он ить специально, муравьятников по следам ищет, которые за пряслами по помойкам шастают. А тут, друг ты мой, у медведицы след, как сковородка. Может так расчесать – голова отлетит. Ну, так что? Каков твой ответ?

– Что спрашиваешь? Знаешь, что не откажу: что попросишь, все будет! Пусть идет и коня берет, – сурово заверил Григорий Феоктистович и почесал пушистую бороду. – Может, еще что надо? Говори, пока мы все здесь.

– Ну, это понятно. Пусть нож возьмет, топор.

– Нож есть. Топор пусть мой возьмет. Тот, что средний, с длинной ручкой.

– Ружье надо. Так, на всякий случай, – наморщил лоб Михаил.

– А вот с ружьем-то накладка будет.

– Что так?

– Ружье-то есть! Не такое, как у тебя, – Григорий Феоктистович с уважением посмотрел на двухствольный штуцер медвежатника. – Но все же... Одноствольное, шомпольное, старое. На весь прииск – одна фузея. Да вот беда, порох есть, свинчатки нет. Две недели назад Ванька последнего глухаря из-под собаки снял. Ни дробь, ни пулю.

– Эх, тоже мне проблему нашел! – усмехнулся Михаил. – Что, не знаешь, как пулю сотворить?

– Как сотворить? – не понял Григорий. – Только что из твоих пуль новые налить? У тебя, однако, шестнадцатый калибр будет. А наша-то фузея восьмого! В нашу одну как раз две твоих войдут.

– Зачем переливать? – загадочно смеется Михаил. – Вы-то здесь, в Сисиме, чем занимаетесь?

– Так, золотишко моем, – не понимая, к чему клонит медвежатник, за всех ответил дед Павел Казанцев.

– Во! – Михаил торжественно поднял палец вверх. – Золото моете! Небось самородки попадают?!

Среди старателей воцарилась тишина. Мужики еще не поняли причины расспросов, переглянулись.

– Дык, как без них-то? – смущаясь, за всех ответил отец Натальи, Шафранов Павел. – Попадаются иногда.

– Нежли под пулю подходящего самородка не будет? – прищутив глаза, засмеялся Михаил.

– Это же какой самородок на одну пулю надо? – наморщил лоб Мамаев Иван.

– Ни много ни мало – десять золотников¹. В самый раз будет! – тут же ответил Михаил. – Или чуток меньше.

Товарищи опять переглянулись: ну и дела! Это же сорок граммов с лишним! Найти подходящий самородок можно, в общей суме что-то есть, за лето много земли перемыто. Для общего дела ничего не жалко, лишь бы медведя убить. А зверя убить обязательно надо. Иначе скоро в тайгу не выйдешь, людей жрать будет, бабы за дровами ходить боятся. Шафранов Павел задвинул шапку на затылок:

– А что, если несколько малых кусков в ствол забить, как картечь? Ладно ли будет?

– Может, и ладно, – приглаживая бороду, ответил Михаил. – Да только общим куском, одной пулей останавливающий эффект сильнее. Здесь еще надо прикинуть: болевой шок от удара надежнее. Да и кости ломать надо. Пуля-то, она любую кость разломает. А картечь не всякую!

– Что, мужики? – переглядываясь между собой, наперебой заговорили старатели. – Однако надо посмотреть в общем котле подходящий самородок, – и к Григорию Феокистовичу: – Что, старшина, есть у нас такой кусок?

– Смотреть надо! – на правах главного на прииске степенно ответил Григорий Панов и закрутил головой по сторонам. – Ванька! Ходи сюда, дело есть!

Иван в это время запрягал коня: не в его правах участвовать в разговорах старших. Тем не менее на зов отца отреагировал быстро, привязал Гнедка к пряслам, поспешил под кедр.

– Пойдешь сегодня с Михаилом Северьяновичем медведя бить, – сказал, как отрезал, отец.

– А кто на бутаре будет? – удивленно развел руками сын.

– Не твое дело, – в приказном порядке загремел властный начальник артели. – Собирайся! Гнедка под седло! Да сначала принеси из колбы тот самородок. Ну, что на той неделе отмыли.

Иван ушел, но вернулся очень быстро. Он принес в своей ладони продолговатый, корявой формы камень тусклого цвета поздних жарков – золотой самородок, передал его отцу. Тот, в свою очередь приподняв его на всеобщее обозрение, подержал на открытой руке, передал Михаилу:

– Хватит ли?

– Не знаю, – осматривая камень со всех сторон, ответил медвежатник. – Надыть сначала на обушке обстучать... подправить.

Кто-то из мужиков принес топор, горный молоток. Михаил воткнул жало в чурку, положил золото на железный затылок, стал стучать по нему молоточком, придавая округлую форму. По его спокойствию на лице, равнодушию, уверенности, с какой он выкатывал золотую пулю, можно было догадаться, что подобное изделие мастеру уже приходилось делать. Возможно, не единожды.

Очень скоро под ударами молотка отталкивающего вида камень принял правильную форму увесистого шарика желтого цвета. Медвежатник сделал еще несколько осторожных, правильных ударов, взял золотую пулю пальцами, показал всем и, передавая Григорию, удовлетворенно заключил:

– Готово! Может, немного больше, чем надо, но это даже лучше, с натягом по стволу пойдет!

– Эхма! Хороша котлетка! Однако зверю урон немалый предоставит, если ладно направить, – соглашаясь с ним, подтвердил Григорий и, нахмутив брови, наказал сыну: – Бей по костям, чтобы навывлет не прошла. Потом спрошу! Не будет золота – вдвойне отработаешь. Ночью!

¹ 1 золотник – 4,12 грамма.

Иван согласно кивнул головой: понял! А сам подумал: «Куда лучше стрелять? Ладно, потом у дядьки Михаила по дороге спрошу».

Тут же принесли фузею: старое, длинное, курковое, с граненым стволом, ружье. Возможно, с ним сам Кутузов гонял французов в 1812 году под Москвой. Но для своего ветхого, преклонно-досточтимого возраста фузея выглядела очень даже неплохо. Потому что находилось в хороших руках. Григорий высыпал из мешочка на ладонь горсть черного пороха, прикинул взглядом, посмотрел на мужиков:

– Хватит ли?

– Зело борзо! – подхватил Тишка Косолапов. – Добавь еще жменьку, чтоб с пулей зараз душа вылетела!

– У тебя все так. Сам мал, как заяц, а баба Лушка – конь на телеге не увезет! – урезонил его Григорий.

Старатели засмеялись. Тишка вспыхнул:

– Завидуешь? Зато все мое!

Засыпали в ствол порох. Сверху шомполом затрамбовали пучок еловой бороды. На нее забили пулю. На пенек шептала намазали липкой, пихтовой смолы, налепили капсюль. Григорий потянул ремень ружья – крепкий, не порвется, передал фузею сыну:

– Смотри у меня, не подведи!

Анна Семеновна, узнав, что сына собирают на медвежью охоту, тут же побелела:

– Как так? Да он только два раза медведя видел...

– Но! Ты мне еще! – загремел грозным голосом Григорий. – Мужiku двадцать пять годов, картошка в штанах переросла! А ты ему – указ! Соску в дорогу дай!

Матушка замолчала, уткнулась глазами в платок, негромко зашептала сыну на ухо:

– Ты уж, Ваня, за кедрами хоронись!

– Маманя! Что вы? Люди смотрят! – сконфуженно ответил Иван.

– Собак своих закройте, чтобы под ногами не путались, – нервно попросил Михаил, седлая своего Карьку.

Когда все было готово к дороге, медвежатник отозвал Ивана в сторону, протянул телогрейку Натальи:

– Надень!

– Зачем это? – удивился парень.

– А когда вдруг бежать надумаешь, посмотри, во что одет: как на тебя потом твоя девка смотреть будет.

Михаил отпустил собак. Зверовые кобели – отец и сын – метнулись по поляне, одним махом перепрыгнув речку, растворились в тайге. Охотники сели на коней, закинули за спины ружья, тронули уздечки:

– С Богом!

Впереди, спокойно направляя в хребет Карьку, поехал Михаил Самойлов. За ним, повторяя след, на Гнедко – Иван. Сзади, у приземистых домов, провожая, собрались все жители старательского поселка. Осенняя крестом дорогу, молились женщины. Впереди, перед мужиками, гордо скрестив на груди руки, стоял отец, Григорий Феоктистович. Где-то в сторонке, в окружении подруг, будто поправляя на голове платок, махала рукой встревоженная Наташа.

Михаил косо посмотрел за спину, сурово сплюнул через левое плечо: «Однако не к добру выстроились. Провожают как на смерть... Как бы чего не случилось».

Душегрейка

На первом прилавке, перед крутым взломом Михаил приостановил Карьку, поджидая Ивана. Когда тот поравнялся лошадьми, медвежатник негромко наказал:

– Отсюда тише поедем, чтобы кони не запарились. В нашем деле надо дышать спокойно, чтобы меньше шуметь. Зверь-то запалившегося человека за две версты чует, – и уже с улыбкой, стараясь успокоить напарника другими мыслями, напомнил о синяке: – Что, Ваньша, пострадал за любовь свою?

Иван хмуро отвернул голову, сурово ответил:

– В следующий раз я ему винта накручу. Пусть спасибо скажет, что сучок под пятку попал... Споткнулся я, а он вороном налетел.

– Ну, ладно уж. Чего там? Дело молодое! Еще на свадьбу своего соперника позовешь. Без этого не бывает. А что, Ваньша, как медмедя приходилось бить?

– Так, по случаю. Один раз с коня, далеко пулял: через поляну из этой фузеи. Ехал по логу, а на другой стороне зверь пасся. Показалось мне, что это сохатый. Большое расстояние, а все одно, дай, думаю, попробую, попаду или нет? Ну, и прицелился ладом, жажнул! Дым рассеялся – нет никого. Поехал посмотреть, а Карька храпит, не идет. Привязал коня, а сам кустами. Подошел, а там медведь доходит... Удачно получилось. А второй-то раз смешно вышло. В прошлом году за рябчиками пошел. Иду себе, в пикульку насвистываю. В стволе – дробь мелкая. В березняке рябчик откликается. Я крадусь к нему потихоньку. Иду, самому шагов не слышно. Стал через полянку проходить, все внимание вперед. Вдруг слышу: рядом кто-то сопит. Голову повернул, а в трех шагах, слева, медведь спит. Морду вытянул, глаза закрыл, на солнышке греется. От удовольствия только норки свистят. Тут уж мне делать нечего: струхнул я маленько. Как есть, стволом повел да и выстрелил между ушей.

– Ну и?..

– Что и?.. Тот даже не вздрогнул, сразу помер.

Михаил захохотал, качаясь в седле:

– Вот те! Проспал медмедь свою шкуру! Представляю, как все было...

Когда пыл веселья медвежатника немного остыл, охотник прищурил глаза, посмотрел парню прямо в лицо:

– А вот так, на сход, когда зверь неподалеку будет, куда целить будешь?

– В бок, куда же еще? – уверенно ответил Иван.

– В бок – понятие растяжимое. Можно и по требухе врезать! – и, уже поучая: – Когда зверь к тебе стороной стоит, в плечо целясь, в самую лопатку, что из-под шкуры выпирает: самое убойное место! Если прямо стоит, на четырех костях, в лоб никогда не бей: пуля всегда рикошет даст.

– А куда же тогда бить? – растерялся Иван.

– В грудь бери, старайся медведя в дыбки поставить. Брось ему что-нибудь навстречу – рукавицу или другой предмет. Пока он будет его рвать, у тебя будет время не только хорошо прицелиться, но и отскочить в сторону, чтобы грудь увидеть.

– А как делать, если он на тебя в прыжке идет?

– Здесь вопрос! Увидишь, как медведь приосанился, на передние лапы приземлился в беге, тут же сразу поверх головы бей. Тут всегда давно рассчитано: пока ты пальцем на курок надавишь, да курок на пистон упадет, будет выстрел, пуля из ствола вылетит, пройдет ровно столько времени, что на месте головы грудь представится. Как раз и угадаешь в убойное место.

– Ну а как задом стоять будет?

– Задом? Так старайся, чтобы зверь к тебе задом не стоял, повернулся: крикни, обрати на себя внимание. В крайнем случае, когда побежит от тебя медведь, также в угон, бей в хвостик

в то время, когда он на передние лапы приземлится. Опять же, пока пулька долетит, зверь в прыжке будет, заряд в хребет угадает. А в общем-то, Ванюшка, не пыжься. Думаю, все ладно будет. Собаки хорошие, удержат зверя. Может, тебе и стрелять не придется, – подбодрил медвежатник молодого напарника и прищурил глаза. – Что, поджилки-то трясутся?

– Что ты, дядя Михаил! – поправил осанку Иван. – Думаю, не побегу!

– Это хорошо, что не побежишь, – кивнул Михаил. – Тогда, зная, поехали, – и тронул поводья своего послушного мерина.

Иван – за ним. Одной рукой уздечкой правит, другой, правой, приклад фузеи за спиной оправляет, вовремя убирает в сторону длинный ствол – бережет ружье от ударов. Да и сам успевает головой крутить, от сучков и веток пригибаться. Не праздный час, еще по лицу веткой хлестанет, глаз выбьет: в тайге хлама много.

Едет Иван за медвежатником, а сам все думает. «Эко, как у него все ловко получается: взял, прицелился, выстрелил. Будто по пеньку учит стрелять. А ну как медведь в мах пойдет, как выбрать, где у него голова, а где лапы? Когда конь в рысь бежит, непонятно, где и что. А здесь – зверь! Вон, в прошлом году случай на Чибихеке был: медведь мужика лапой зашиб. Один раз ударил, а у того дух вон! Остается только надеяться, что Михаил убьет бродягу с первого раза, да и собаки вовремя остановят, задержат разъяренного хозяина тайги. Тогда и я пулю сохраню...»

А собаки у Самойлова Михаила действительно хороши! С местными приисковыми дворнягами никакого сравнения нет. Оба кобеля крепкие, сбитые, поджарые. На высоких ногах, с коротким телом. Шерсть густая, трехцветная: черный, серый, рыжий. Что удивительно, волос прямой, как у волка. Хвосты калачом в полтора оборота завернуты. Уши, как пламя свечи, всегда вверх смотрят. Характеры строгие. Для чужих людей равнодушные. У другого человека из рук никогда еду не возьмут. Слушаются только хозяина. Ну, а уж на охоте, особенно по зверю, говорят, цены нет. Многие охотники приезжают к Самойловым щенков просить, большие деньги предлагают. Да вот только медвежатники не всем свою породу отдают. Да это и правильно: отдашь хорошего щенка от своих собак, от тебя охотничья удача отвернется. Так говорят старые, опытные люди тайги. А предки всегда правы.

Одного из кобелей зовут Туман. Ему шесть лет. За свою жизнь он повидал много зверя. Знает, как держать медведя за штаны, может крутить сохатого, легко распутывает соболиные стежки. Характер у пса спокойный, сдержанный. В каждом его движении чувствуются воля, свободолюбие, упорство, настойчивость. Он знает себе цену! Передвигается гордо, хладнокровно. К своим соплеменникам, приисковым лайкам, относится пренебрежительно, не обращая внимания на запальчивые склоки и возмущения себе подобных. При первом появлении на прииске Туман сразу показал, кто здесь главный. Схватил за загривок и дал взбучки местному вожаку Цезарю, который считался непревзойденным королем лохматой братии. В три секунды уложив соперника себе под ноги, кобель навсегда растворил ярые надежды задиры на власть, тут же взял временные бразды правления стаей в свои клыки. Победенный Цезарь позорно ретировался под завалинку, злобно наблюдая, как сын Тумана, трехлетний Тихон, пробегая мимо, приподнимает заднюю ногу на завалинку для метки.

Тихон – зеркальная копия отца. Унаследовав все гены, кобель трепетно копирует наследие предка. Не было случая, чтобы Тихон хоть намеком, взглядом попытался возразить отцу или перечесть человеку – хозяину. Суровые уроки таежной жизни Тихон схватил на лету. Он был яркой, невосполнимой половиной добытчика на промысле. Одна лишь черта в поведении – излишняя меланхолия, унаследованная им от матери, доставляла ему некоторые неудобства. Питомец был тяжел на подъем, ленился перейти от дождя под дерево, любил крепко и долго поспать, но беззаветно, преданно любил детей. Когда последние вдруг начинали его таскать за лапы по земле, Тихон лишь томно стонал от кочек, но так и не мог поднять головы, чтобы убежать от своих мучителей. За что и получил свое спокойное имя в честь одноименного гольца в

вершине Сисима. Однако в тайге Тихон преображался. По отношению к зверю он становился агрессивным, жестоким. Молодой кобель знал свое место в этой жизни и, под стать отцу, честно нес в своих клыках бремя зверового воителя, освободить от которого его могла лишь только смерть.

Туман и Тихон всегда работали в паре. Интенсивно обследуя тайгу во время поиска, каждый из них передвигался своим путем. Если Туман уходил влево, Тихон бежал вправо. Через определенное расстояние собаки сходились, пересекались следами, уходили на сопредельные стороны. Но спустя какое-то время вновь пересекались. Если один из них находил зверя, сразу давал знать голосом второму, который тут же прибегал на помощь. Если это был старый след косолапного или сохатого, собаки объединялись, тропили добычу вместе, находили и держали до тех пор, пока не придет хозяин. Обоюдная охота давала собакам значительное преимущество. Держать на месте медведя или сохатого одной собаке тяжело. Вдвоем легче и безопаснее.

Сегодня Тихон и Туман бежали рядом. Они понимали, куда и зачем их ведет хозяин. Зверовые лайки ждали встречи с медведем, только еще не знали, где вчера хозяин поставил петлю (выставляя вечером петлю, Михаил оставил собак привязанными на прииске, чтобы не наследили и не испугали зверя раньше времени). Человек не стал испытывать терпение своих питомцев. Прежде чем тронуть с места своего коня, Михаил указал рукой на перевал, властно приказал:

– Вон туда! Вперед!

Кобели не заставили себя долго ждать: исчезли в мелкой подсаде пихтача-курослепа, растворились в тайге, как будто их и не было. Михаил гордо приподнял голову, коротко пояснил Ивану:

– Ушли. Теперь жди, когда заговорят...

От первого прилавка длинный водораздельный хребет преломился. Перед путниками предстал крутой подъем. Лобная, ветреная сторона горы разрядила тайгу. В сочетании с редкими кедрами загустели чернствольный пихтач, колкий ельник. Частые поляны заповилили шероховатые языки каменных курумов. С правой стороны, в недалеком ложке, выстроились гордые монументы невысоких скал. Вон там, внизу, на стрелке двух ручейков, медведь задавил корову Пановых, потом перетянул ее в стланик, под нишу скалы, жировал две недели. Вороны не могли сразу обнаружить падаль из-за нагромождений базальтовых глыб. Люди нашли задавленную корову случайно. Тишка Косолапов с женой Лукерьей брали на ручье пробы на золото и встретились со зверем нос к носу, когда последний пришел на водопой. Несложно представить реакцию Косолаповых, когда муж и жена, под шум ручья промывая в лотке песок, вдруг увидели широкую морду в нескольких метрах от себя. Несмотря на сходство фамилии с прозвищем зверя, на прииск Тишка и Луша прибежали быстро. Муж без штанов, сверкая ягодичками. Жена без кофты, поддерживая руками разметавшиеся перси. По поведению супругов старатели догадались, что очередное зачатие ребенка вновь окончилось неудачей. И хотя молодые упорно доказывали, что виновником созерцания человеческих достоинств был хозяин тайги, мужики долго не могли поверить в произошедшее: «Он вас что, на ручье раздел?»

Михаил Самойлов быстро распутал все следы и загадки. В первый день по прибытии на прииск опытный медвежатник нашел место, где медведь задавил корову, тропу в стланике и, наконец-то, останки бедного животного – рога и копыта. Оказалось, что хозяин тайги все это время жил, жрал корову рядом, в километре от прииска, никуда не уходил от падали, а десятиметровую тропку до ручья мужики не могли заметить потому, что не допускали мысли, как близко от них живет наглый вор. Тогда охотник не смог убить таежного преступника – собаки не остановили беглеца на курумнике. К большой радости хозяев, Михаил нашел на медвежьей лежке Тишкины штаны и Лушкину кофту. Одежда людей служила зверю мягкой и удобной подстилкой. Кедровый лоток Тишке пришлось делать новый: медведь изгрыз орудие старательского производства в щепу.

На следующий день на хребте Михаил нашел тропу, где жил топтыга. Медвежатник удивился, что коровоедом оказалась сытая медведица. Немного поколебавшись, он все же решился поставить на нее петлю, чтобы избавить людей прииска от дальнейших нападений.

Единожды проехав по тропе на лошади, охотник прочитал многое о характере и повадках животного, убедился в его постоянстве и точно знал, что убьет медведицу утром, после того, как вечером поставит петлю. Нисколько не сомневаясь в правильности своего выбора, охотник подстраховался: взял себе в товарищи Ивана – «Береженого Бог бережет!» Опытный промысловик знал, что сила матери при медвежатах в три раза яростнее.

Лошади в гору заметно сбавили ход. Крутой подъем заставил животных идти под некоторым углом. Михаил, чувствуя напряжение Карьки, спешил, повел коня в поводу. Иван последовал его примеру.

Охотники шли долго, медленно, иногда останавливаясь для короткого отдыха. Медвежатник гладил рукой бока своего коня, не давая ему запариться. Для скорого дела был необходим свежий, сильный мерин, который мог быстро перевезти своего хозяина определенное расстояние. Силы животных понадобятся потом, когда все начнется. И этот момент наступил очень скоро.

На изломе хребта, перед выходом на обширные альпийские луга, Михаил остановился, прислушался. Над плоским перевалом, за могучими, невысокими кедровниками, гуляло ровное эхо. Ивану показалось, что это могучий ветер треплет резкими порывами мясистые ветви хвойных деревьев. Так бывает всегда, когда при перемене погоды злой сивер неожиданно налетает от холодных гольцов на притихшую тайгу. А грязное, свинцовое небо полощет густые тучи. Сейчас мраморные просторы небосвода простирали в себе глубокую чистоту девственных границ горизонта. Последние дни раннего бабьего лета дарили горному краю незыблемую прелесть торжества жизни. А между тем угрожающие звуки с завидным постоянством ломали прозрачный воздух далеко вокруг.

– Началось... держат! – выдохнул Михаил, легко запрыгивая на спину коня.

Иван понял, «что началось», «кто кого держит». Но все же еще какое-то время ловил ухом неясные мгновения взорванной тишины. И очень скоро различил яростный, злой, напористый лай собак, сопровождаемый резким, грозным рыком медведя.

– Не торопи мерина. Поедем спокойно, – не поворачивая головы, приказал медвежатник напарнику и указал пальцем вперед. – Вон, до той колки. Там лошадей оставим.

Иван азартно тронул повод непослушного Гнедко, не понимая, почему он заупрямился. Было странно видеть, как послушный мерин вдруг закрутил ушами, захрапел, принялся танцевать. Однако все же подчинился настойчивому велению Ивана, пошел вслед за первыми. Привычный к медвежьей охоте Карька, казалось, был невозмутим. Как это было всегда, он мерно выставлял короткие ноги вперед. С отвисшей губой, прикрытыми глазами обходил кочки и коряги, желая одного: как можно скорее остановиться где-то у сочной осоки.

Добравшись до указанного места, охотники спешили. Сборы длились недолго. Напарники привязали лошадей накоротке, чтобы они могли дотянуться до пожухлой, высохшей травы, но не гуляли на воле и не могли оторваться от деревьев. С собой мужики взяли только топоры, ножи, ружья, которые держали в руках. Первым, определяя направление и скорость передвижения, шел Михаил. За ним, высматривая, что происходит впереди, продвигался младший товарищ.

До зверовой тропы следопыты дошли быстро. Ступив на нее, они пошли осторожно, сбавив шаг. Перед выбитым местом, где медведица попала в петлю, старший остановился, знаками показал Ивану, где стояла петля, как в нее залез зверь, и каковы были его действия. На перепаханной земле медвежатник увидел следки медвежат, с грустью выдохнул:

– И эти тоже здесь...

Иван, впервые в жизни видевший выбитое место, где попалась медведица, побледнел. Слишком велика сила зверя, вырывавшая с корнями тридцатилетние пихты! Однако Михаил оставался все таким же невозмутимым. Не обращая внимания на поведение Ивана, он испытующе посмотрел по сторонам, приказал:

– Пойдем в паре, рядом друг с другом. Я справа, ты – слева. Как только подниму правую руку – стой, махну в сторону – хоронись за деревом, укажу вперед – снова идем. А как хлопну по ружью – стреляй. При этом никаких разговоров и лишнего шума. Все понял?

Парень согласно кивнул, встал на указанное место. Михаил махнул рукой вперед: пошли!

А впереди – ужас схватки! Тайга стонет от медвежьего рева и лая собак. Трещат сучки, дрожит земля (медведица ответно кидается на ласк). Михаил уверенно торопится на выстрел: лишний шум на руку, можно подойти к зверю на близкое расстояние не замеченными.

Несколько сотен метров, что медведица успела уйти с потаском, остались позади за несколько минут. Напряженная борьба где-то рядом, в глухом пихтаче-курослепе. Иван видит, как впереди бьются вершинки мелких деревьев. Под ногами подрагивает земля. Медведицы еще не видно. Она укрылась за толстым, поваленным кедром, прижалась задом к надежной опоре, хранит себя от ненавистных укусов собачьих клыков.

Прячась за естественными укрытиями, охотники прошли еще около полусотни шагов. Михаил показал Ивану рукой на прогонистую, без сучков, ель: встань за ней, будешь стрелять оттуда. Сам же отошел направо, к гладкому кедру. До колодины оставалось не больше пятидесяти шагов. Что за ней происходило, не видно. Как, когда и куда стрелять, оставалось только догадываться.

Две минуты напряжения. Иван чувствовал, как в ладонях натянулись сухожилия. Ружье наготове. Курок взведен. Стоит только увидеть зверя, и можно нажимать на спуск.

Медведица спряталась, зная, что скоро придет ее главный враг. Собаки умерили свой пыл, притихли. Они ждут хозяина, но не знают, не слышали, не видели, как пришел Михаил и притаился рядом. Встречный поток воздуха относит запахи человека в сторону.

Вдруг, как из ниоткуда, на колодину выскочил Тихон. Напружинившись, кобель вскинул проницательный взгляд назад, увидел хозяина. Молниеносное перемещение собаки перевело схватку со зверем в решающую позицию. До этого призывный голос Тихона сменился триумфальным лаем: «Ах! Ах! Туман! Хозяин здесь!» В то же мгновение, не задумываясь над последствиями, кобель бросился на спину затаившейся медведицы.

Дальнейшее произошло так непредсказуемо и быстро, что за долю секунды Михаил и Иван не могли или не успели сделать решающий выстрел. Из-за поваленного кедра вылетела серая попона. За ней – монолитная глыба. Только потом, переосмысливая произошедшее, юноша вспомнил, на что была похожа попона и разлохмаченный валун. Это Тихон, атаковавший спину зверя, был отброшен резким движением тела в сторону. А огромный камень представлял собой оскаленную голову медведицы.

На миг показавшись из-за колодины, жертва бросилась на упавшего кобеля. Все произошло очень быстро. Михаил не успел выстрелить. Несколько метров хозяйка тайги преодолела в два прыжка (мешал потаск). Это спасло жизнь собаке. Пружиной сработавшего капкана Тихон вскочил на лапы, едва увернулся от оскаленной пасти зверя. Бешеная медведица схватила клыками пустоту, грозно зарычала, бросилась за кобелем. Стараясь догнать соперника, она просчиталась: выскочила из-за корней на открытое, чистое место, поставив себя под выстрел. Сзади за штаны ее уже схватил Туман. Сотрясая от злобы воздух могучим рыком, обезумевшая хищница повернулась назад, пытаясь ухватить Тумана могучей лапой. В ту же секунду ей в бок впились зубы Тихона. Пленница закрутилась на месте, отбиваясь от назойливых собак, метавшихся вокруг нее задулившей поземкой. Слепая ярость быстро забрала силы. Хозяйка тайги села на землю, беспомощно размахивая лапами по сторонам. Однако собаки были проворными. Туман и Тихон кружили добычу, поочередно жалили зубами за бока и теперь ждали

условной команды. Голос хозяина последовал незамедлительно. Тщательно прицелившись в спину зверя, чтобы не зацепить кого-то из собак пулей, Михаил повелительно крикнул:

– Отырь!..

Туман и Тихон метнулись по сторонам. Обреченная жертва повернулась, бросила запоздалый взгляд кровавых глаз на голос человека. Сухой, колкий выстрел распорол сжатый воздух. Метровое пламя метнулось из ствола. Невидимая пуля ударила в лохматое чудовище.

Все происходящее для Ивана казалось ярким, впечатлительным сном. Он держал ружье наготове, хотел стрелять вторым, однако едва сдержал палец на крючке после команды медвежатника.

– Не стреляй! – крикнул Михаил. – Дойдет и так...

Юноша отстранился от приклада, не спуская глаз с медведицы, следил за каждым ее движением, за тем, как зверь несуразно загребает лапами воздух, медленно теряя равновесие, заваливается на левый бок. Мимолетно отслеживая действия медвежатника, парень видел, как старший, планомерно сохраняя второй патрон, перезаряжает ружье, догоняет еще одну пулю, щелкает замком и, недолго прицеливаясь, стреляет второй раз.

После этого выстрела хозяйка тайги дрогнула, откинула неохватную голову назад, вытянула лапы. Туман и Тихон, задыхаясь от рваной шерсти, изнемогая от ярости, надели на поверженную сверху.

Иван, подхваченный охотничьим азартом, приставил фузею к кедру, сорвал из ножен нож, подскочил к зверю. Михаил, спокойно вытаскивая стреляную гильзу, остановил его:

– Не порть шкуру, сама дойдет. Видишь, по хребту мурашки бегут? Знать, готова! – и, с некоторой укоризной показывая на ружье, сделал Ивану выговор: – А вот ружье не резон из рук выпускать. Хотя бы курок опусти.

Иван послушался, вернулся к фузее, взял ствол в руки, осторожно спустил курок. Не зная, что делать дальше, пошел в обход медведицы:

– Ишь, какая! Как изба: здоровая, лохматая... Ни в жисть таких не видел... Мои в три раза поменьше будут. И как только, дядька Михаил, ты не боишься таких бить?

Напарник равнодушно пожал плечами, вставляя в ствол новый патрон, стал смотреть по деревьям:

– Здесь, главное, ловко угадать, куда пульку послать. Ну и, – улыбнулся в бороду, – штаны не обмочить... Где же они прилипли?

– Кто? – не понял Иван, угадывая направление взгляда охотника.

– Дык, медвежатки. Давай, Ванюшка, смотри в оба, по деревьям.

Только сейчас Иван вспомнил: Михаил говорил, что петля поставлена на медведицу с медвежатами. Если мать убили, то детеныши должны быть где-то рядом, далеко не уйдут.

Занятый поисками, Михаил сделал несколько шагов в сторону, прошел между деревьями и, улыбнувшись, развел руками:

– Вона где приголубились, милые!

Звереныши сидели невысоко, на старой, наполовину высохшей пихте. Первый из них, крупный, вверху. Второй чуть ниже своего брата. Оба со страхом в глазах смотрели вниз, с ужасом созерцая кровавую картину охоты. По всей вероятности, несмышлениши заскочили на первое стоявшее поблизости дерево в тот момент, когда собаки по следам догнали и закрутили мать. Никто из них до этой минуты не мог издать ни звука, настолько великим был испуг от случившегося. Возможно, они все еще надеялись, что сильная мать защитит их от страшных существ, так неожиданно прервавших их мирное существование.

Михаил уверенно подошел на близкое расстояние, опытным глазом высматривая цель. Иван встал рядом:

– Какие маленькие, хорошие. Что, дядька Михаил, делать будем?

– Так, их тоже прибирать надо...

– Как же так? Может, отпустим? Дети совсем... – стал в защиту медвежат Иван.

– Глуп ты, Ванюшка, – сурово заговорил опытный следопыт. – Нельзя их отпускать. Видели они, как мать коров драла, мяско попробовали. Теперь через пару лет они тоже разбойничать начнут: не забудут, чем дармовщинка пахнет. А там, глядишь, и до человека доберутся. Если зверь не устрашился запаха человека (корова всегда пахнет человеком), при любом удобном случае бросятся. Таков закон тайги! Ничего не попишешь, топором не вырубешь! Я это по своему опыту знаю... Бывали случаи на моем веку.

Иван понуро отошел в сторону, ожидая рокового выстрела. Михаил поднял ружье. Туман и Тихон, увидев хозяина, бросили мертвую медведицу, подскочили под дерево, залаяли на очередную жертву.

Ударил выстрел. Нижний медвежонок комом упал с дерева на землю. Собаки бросились на него сверху.

Второй медвежонок испуганно закрутил головой, жалобно закричал, призывая мать на помощь. Михаил потускнел, наморщил лоб: жалко, да что поделать? Медвежатник вытащил дымившуюся гильзу, вставил новый патрон, захлопнул замок ружья, отставил его в сторону:

– Надо собак привязать, шкуру порвут... Купцы цену уберут.

Михаил быстро, по очереди выловил лаек, привязал их на поводки подальше, к соседним деревьям. Немного подумав, отошел в сторону, назад, к колодине, щелкнул курками, приказал Ивану:

– Как выстрелю, упадет, от собак береги! – и поднял стволы.

Иван с фузеей в руках ждал второго выстрела.

Разом, на разрыв заорали собаки. Михаил, не обращая на них внимания, продолжал целиться в белогрудого. Иван хотел цыкнуть на Тумана, посмотрел, как тот взлетает, привязанный поводком к дереву над землей. Он не понял, почему кобель в ярости рвется не к дереву с медвежонком, а назад, к колодине. И Тихон, захлебываясь пеной, крутится волчком, стараясь перекусить зубами веревку. Парень хотел сообщить товарищу про поведение собак, но, повернувшись, остолбенел от ужаса... Сзади во весь рост кряжистого, лохматого тела на Михаила надвигалась медведица.

В первое мгновение Иван воспринял зверя за некий, непонятно откуда появившийся пень, поросший двухсотлетним бурым мхом. Однако оскаленная пасть, сверкающие копейки бронзовых глазок, прилизанные на затылок уши, могучие лапы сразу всё поставили на свои места. Иван понял, что происходит. Картина нападения зверя придала молодому охотнику трезвый, отточенный сигнал к действию, от которого зависела жизнь человека.

Михаил не видел, что у него происходит за спиной. Ничего не замечая вокруг, он продолжал целиться. Он не обращал внимания и на собак на привязи, которые рвались ему на помощь, предупреждая о смертельной опасности, стремились защитить хозяина, но не могли этого сделать.

Медведицу и Михаила разделяли два коротких шага. Расстояние в метр. Одно движение до того, как оскаленные, охристые клыки сомкнутся на голове человека.

В те решающие минуты трудно было сравнить реакцию человека и зверя. Ивану оставалось лишь надеяться на быстроту своих рук, ясность сознания, твердость характера, смелость. Молодому охотнику предстояло использовать все свои навыки, данные от рождения и развитые по прошествии двадцати пяти лет. Проще сказать, надеяться только на себя, потому что в такие минуты тебе никто не поможет, даже Бог.

Михаил, наконец, обратил внимание на товарища, удивленно вскинул брови, что-то хотел сказать. Парень круто развернулся, одновременно поднимая ствол фузеи, щелкнул курком. Медведица, вытянув вперед лапы, начала свое намеренное падение на стоящего человека. Михаил, вдруг осознав, что что-то происходит за его спиной, успел повернуть голову. Иван вскинул ружье, тщательно прицеливаясь. Медведица зависла над мужчиной. Когтистые лапы

потянулись к его плечам. У охотника сработал защитный рефлекс: он подломился на ногах, присел беззащитным комком под ногами зверя. Тот промахнулся: поймал лапами воздух, страшно, бесполезно щелкнул пустыми клыками, но все же упал на грудь, задавив Михаила всей массой тела. Понимая свою опрометчивую ошибку, хозяйка тайги тут же привстала, потянулась лапами себе под живот, желая поймать и разорвать трепещущую жертву. Но пуля Ивана оказалась быстрее.

Тупой грохот остановил нападение. Необузданный выстрел фузеи притушил все естественные звуки. Густое, свинцовое облако сгоревшего пороха залило место схватки. Иван почувствовал, как в плечо ударил стальной молот. Увидел сноп метнувшегося огня, непроглядный туман вокруг себя, а после на бегу выхватил нож, бросился к собакам.

Резкий взмах острого лезвия. Натянутая струной сыромятина лопнула мышинным писком. Озверевший Туман прыгнул в пороховое облако. Еще три прыжка назад. Взмах ножа. Вслед за Туманом Тихон метнулся на помощь своему хозяину. Иван бросился за собаками.

Однако его помощь не понадобилась. Зверовые кобели вновь рвали, терзали медведицу, но теперь она была мертва. Обмякшая туша вытянулась во всю длину впечатляющего размера. Когтистые лапы неестественно подвернулись под оскаленную голову. Уши зверя вяло завалились в разные стороны. Из большой, двухсторонней раны на шее хозяйки тайги пульсировала обильная кровь.

Иван обежал вокруг мертвой медведицы, заглянул во все стороны:

– Дядька Михаил, где ты? Живой?

– Отвали ее, скорее... – долетел глухой, рвущийся голос медвежатника. – Прорыв нет... Сейчас задохнусь.

Иван отогнал собак по сторонам, потянул за переднюю лапу, но отвалить тушу не смог – тяжело. Михаил из-под медведицы еле дышит:

– Быстрее, Ванюшка, мочи нет!

– Не могу, тяжела! – таская могучие лапы из стороны в сторону кричал Иван. – Погодь маленько, стяжок вырублю!

– Неумеха! Башку сначала заломил назад, а уж потом лапу.

Схватил паря руками за клыки, завернул голову на затылок, подставил ногу, придержал, а руками, что есть силы, принялся бороться с кривой лапой. Наконец-то громоздкая туша поддалась под напором, медведица завалилась на бок.

Глазам Ивана предстала неблагоприятная картина: сидит медвежатник на земле, свернутый пополам, как закрытый чемодан, ртом пятки нюхает. Придавила тяжелая туша охотника в мгновение ока. Не успел Михаил выскользнуть в сторону. Сложился так, как стоял.

Иван наклонился над медвежатником:

– Дядя Михаил, как ты, что ты?

– Эх, кажись, вздохнул... Теперь полегче. Однакось, помоги выпрямиться, сам не могу, что-то случилось...

– Что такое? Что с тобой? – помогая разогнуться, испуганно расспрашивал парень.

– Да вот, не пойму что и как: ноги вижу, а не чувствую... От поясницы вроде как все онемело.

– Может, нерв отсидел?

– Не знаю... Помоги подняться.

Товарищ подхватил промысловика под мышки, поднял сильными руками с земли. Тот застонал:

– Поясницу больно! Перенеси под дерево, пусть ноги отойдут.

Иван нарубил топором густой лапник, сделал лежанку, поднял на руки старшего:

– Как лучше класть, дядя Михаил?

– Так, наверно, как есть, на спину. Вот. А под голову кухлянку, чтоб повыше было.

Парень исполнил все, как просил медвежатник: аккуратно положил раненого на мягкую постель. Михаил со стоном прикрыл глаза. Юноша тем временем собрал топоры, ружья, при-
тянул убитого медвежонка:

– А второй-то... Пока воевали, спрыгнул, убежал.

– Да и бог с ним! – с тяжелым вздохом ответил медвежатник. – Сейчас не до него...

Иван стал осматривать убитую медведицу. Какое-то время он крутил из стороны в сторону ее огромную голову, потом тяжело вздохнул. Его лицо сделалось серым, угрюмым. Михаил попытался выяснить причину его настроения. Иван глухо поделился своим «горем»:

– Пуля из фузеи через шею навывлет прошла. Где ее теперь искать? Тятя ругаться будет.

– Эхма! – сквозь тупую боль растянул на лице улыбку Михаил. – Нашел о чем горевать! Ты же меня, считай, с того света вернул, жизнь спас! Поговорю с отцом, расскажу, как дело было. Золото – не беда. Главное, что жив остался! Да и ты не трухнул, Ванюшка, не побоялся косолапого! А потому от меня особая благодарность! Спасибо, Ванюшка!

Вполуха слушает старшего Иван, рассеянно смотрит по земле, что-то ищет:

– Не надо мне благодарности, дядька Михаил... Пулю бы найти. Тятя ругаться будет!

Медвежатник решил отвлечь парня от горьких дум, на правах старшего приказал:

– Будет тебе! Не время чунями мед черпать! Медведицу надо свежевать, пока не запарилась. Сможешь один? Меня, – приподнялся на локте, – может быть, скоро отпустит, помогать буду...

Напарник взял нож, сделал первый надрез по лапе. Михаил медленно отвалился на спину.

Прошло немного времени. В умении владеть холодным оружием Ивану стоило позавидовать. Очень скоро мертвая хозяйка тайги распрощалась со своей шкурой. Парень опять обратился к медвежатнику. Теперь тот был не так словоохотлив. Он понял, что с ним что-то произошло: онемевшие ноги не двигались. Набравшись мужества, он отдал новую команду:

– Однакошь, Ванюшка, что-то со мной неладное происходит. Не могу я идти. Надо носилки делать. Гони лошадей сюда. Да только прежде на морды мешки набрось. А в мешки пихтовых лапок набей, чтобы дух зверя отбить.

Бабка Петричиха

Трудно дались Ивану последние сутки: он не спал вторую ночь. Проще было встать перед раненой медведицей, чем потом, изнывая от усталости, ехать на коне по тайге лишнюю сотню километров. Когда он вывез Михаила Северьяновича на прииск, солнце падало к линии горизонта. Тревожная весть о ранении медвежатника таежной пчелой облетела приземистые избы. Старатели бросили работу, собрались возле дома Пановых. Женщины с испугом шептались в стороне. Дети в страхе прятались за спинами взрослых. Роковые слова – «Зверь помял человека!» – во все времена действовали на людей шокирующе. Неизменные вопросы «Что случилось? Почему Михаил обезножил?» и «Что делать?» таловыми листьями переплетались на вытянутых губах. Некоторые, самые впечатлительные, белели: «Наверно, ночью помрет...» Каждый молился, осенял себя троекратным крестом, просил у Бога помощи.

Были среди людей тайги те, кто смотрел на трагедию трезво:

– Доктора надо срочно! Пусть посмотрит.

– Где же его отыскать, доктора? – задумчиво спросил Григорий Феоктистович. – На сотни верст вокруг – тайга. На Кузьмовке даже фершала нет. Надо, однакось, Михаила в уезд вести. Только выдержит ли дорогу?

– Вспомнил! – поднял указательный палец Веретенников Василий. – В Чибижеке есть доктор и акушерка! Я сам в прошлом году туда свою бабу рожать на коне возил!

– Довез? – вставил ехидную реплику Тишка Косолапов.

– Нет. По дороге на Китате разродилась. Хорошо, там у одного мужика бабка Петрикова сына от испуга лечила. Она и помогла младшенькому появиться. Говорят, хорошая она, на всю округу знаменитая! Может от хвори наговор сделать, от испуга... По костям хорошо разбирается. Люди к ней со всей тайги приходят с болячками.

– Поди ведьма?! – в испуге перекрестилась тетка Мария.

– Ну ты скажешь! Вовсе нет. Говорят, знахарка.

– А где же та бабуса живет? – наморщил лоб Григорий.

– Так в Чибижеке и живет. На Владимировке. Там ее каждый знает.

– Выходит, так или иначе, все одно, дорога на Чибижек. Либо за доктором, либо за Петричихой. Так? – взглянул на окружающих Григорий.

– Выходит, так, – подтвердили мужики.

– Так что же тогда стоим? Посыльного надо гнать! – и опять на сына: – Ванька! Коня под седло! Возьми свежего, Мухортика. И в пару ему Рыжку. Назад привезешь кого надо. Да смотри, долго не задерживайся, чтобы завтрашнему к обеду был здесь.

– Кто же на медведицу поведет? Там, на хребте, мясо, – напомнил Иван.

– Готовое место не пролежит! – отрезал отец. – Сами сходим.

Поехал Иван.

Дорога по ночной тайге обыденна. Несмотря на глухой, черный сумрак, спокойный Мухортик шел по конной тропе уверенно. Молодой Рыжка послушно ступал сзади, натягивая повод при крутых спусках и всхрапывая на подъемах. Парню оставалось удивляться, как животные чувствуют ногами дорогу: каждую кочку или яму Мухортик преодолевал мягко, спокойно, как будто ходил по этой тропе ежедневно. А ведь в эту сторону через перевал «Пыхтун» в Чибижек конь шел в первый раз. В какие-то моменты, различая в темноте препятствие, Мухортик останавливался, крутил головой, недовольно храпел губами. Иван спешился, перерубал топором поваленное дерево или в темноте проводил спарку стороной. Когда под ногами вновь оказывалась разбитая копытами грязь, юноша садился на спину мерина, трогался дальше. Иногда путнику казалось, что он давно сбился с пути, кружит по дикой, незнакомой тайге. Спohватившись, он трепетно смотрел в чистое небо, на осыпь холодных, прони-

звездами звезд, на рассыпавшийся с востока на запад Млечный путь, отыскивал над левым ухом Большой ковш и успокаивался, убеждаясь, что едет на юг. Спросить о направлении было не у кого. Многовековые кедровые опушки опутали узкую дорогу плотной стеной. Временами тропа продиралась через густой пихтач, петляла в густом ельнике, хрустела подковами по сухому галечнику, чавкала копытами в жидкой грязи.

Иван, привыкший к дальним переходам, мерно покачиваясь в седле, засыпал. Горячий конь, подогревая седока снизу, кутал мысли человека теплыми представлениями, кружил уставшую голову. Слишком много впечатлений было пережито за день. Воспоминания всплывали, не позволяя забыть о прошедшей охоте, оскаленной пасти медведицы, лице раненого Михаила, самодельных носилках, глазах Наташи. За прошедший день они виделись несколько минут, на расстоянии. Однако горящие глаза девушки, нервные движения, немного испуганное лицо говорили о многом. Возможно, сегодня, холодным осенним вечером, когда прииск начнет засыпать, они опять встретятся у своего старого, склонившегося кедра. Иван рассказал бы возлюбленной о пережитом. Всегда искренняя, впечатлительная, она смотрела на него взволнованными глазами, теребила края его куртки подрагивающими пальцами, кротко, отрывисто говорила только одно слово: «Страшно!» Он, накаляя обстановку, равнодушно отмахивался бы пугающими словами: «Да, ничего. Все бы так поступили на моем месте!». Девушка долго смотрела бы ему в лицо, высказывая свое мнение: «Все, да не все...» От приятного представления у Ивана в груди разлилась истома: «Хорошо, что есть моя Наташка!». Вспоминая любимую подругу, он протянул руки, чтобы обнять ее. Но чем дальше он выставлял ладони, тем больше отстранялась девушка. Ивану казалось, что та избегает его. Он хочет обнять ее, рассказать о том, как он любит... Однако неизведанная пропасть разбудила: Иван едва удержался на шее коня, чтобы не упасть на землю.

Очнувшись ото сна, Иван долго оглядывался, стараясь сообразить, где находится. Мухортик натруженно смеялся губами, храпел, звякал уздечкой: «Что, хозяин, уснул?» Сзади Рыжка положил на круп ведомого огромную голову: «Что встали? Ночевать здесь будем?»

Иван вспомнил, где он, что с ним происходит, куда едет. Небо казалось спокойным. Звезды на месте. Быстро отыскав Большую Медведицу, Иван легко тронул Мухортика, удивляясь его поведению. Неизвестно, сколько он спал в седле, а за это время конь не сбавил шаг, не свернул с тропы, все время шел в нужном направлении, не оступился и не уронил хозяина на землю.

Определяя примерное время по серым линиям горизонта, Иван тяжело вздохнул. Черная ночь только что съела первую половину неба. До рассвета оставалось несколько часов. Сколько точно, он не знал. У него не было часов. Никто из старателей таежного прииска не имеет определителя времени. Слишком велика роскошь – иметь тикающие ходики в кармане. Подобную диковину парень видел всего три раза в своей жизни, когда к ним со спиртом вдруг приходили купцы. По неграмотности он воспринимал данную вещь на цепочке как золотую коробочку для украшения. Да и зачем человеку тайги часы, когда рассвет встречают с восходом солнца, а ночь провожают с первыми криками кедровки?

По всем расчетам, после крутого хребта Иван должен спуститься в долину реки Колбы. По рассказам Веретенникова Василия, на берегу небольшой таежной речки, которая бежит на восток, стоит большое старательское зимовье, где всегда есть люди. Сейчас конная тропа шла вдоль небольшого, звонкоголосого ручейка, который впадал в Колбу. Это значило, что до становища старателей было недалеко.

Будто в подтверждение, Мухортик вдруг стал стричь ушами, приподнял голову, пошел веселее. Через какое-то время Иван хватил носом застоявшийся запах дыма, тепла и уюта. Впереди зашумела река. На ее берегу, на большой поляне, насторожилась черная изба. Где-то на краю несколько раз брякнуло ботало: там были лошади.

Ивана встретила ошавевшая от страха собака. Прослав появление неожиданных путников, она с жалобным лаем бросилась в глубокие сени. Дверь в зимовье была закрыта, спрятаться некуда, и это дало повод перетрусившей «медвежатнице» разбудить своих хозяев лаем. Люди внутри зимовья оказались гораздо смелее своей защитницы. Не успел Иван спешиться, как дверь избы с треском распахнулась, и под лошадь выскочил здоровенный бородатый мужик.

– Зверь али человек? Говори мигом, иначе стрелять буду! – загремел он властным голо- сом, направляя на коня ружье.

За ним выскочили еще трое, встали по бокам, клацнули металлом оружия.

– Человек! – не ожидая такой встречи, выдохнул Иван.

– Кто таков? Бродяга али старатель?

– Старатель... – Иван почувствовал, как по спине бегут мурашки.

– Какой прииск? Чьей фамилии будешь? Говори быстро! – не унимался бородатый мужик, наверное, главный, проверяя парня на правдивость слов.

После краткого объяснения парня мужики опустили стволы, успокоились.

– Знаю такого Гришку Панова, – довольно растягивая слова, приглашая Ивана в зимовье, заговорил старший. – Гром мужик! Было один раз, на Покрова, после сезона на гулянке в Кузьмовке морды друг другу били. Хороший бергало (старатель-золотопромышленник)! Слово твердое и рука крепкая. А ты что, его сын будешь? Так привет тятю передавай!

– От кого?

– Нудить-твою, скажи, от Власа бородатого! Далее он знает! – и уже об Иване: – Что же это ты ночь-полночь по тайге гуляешь? Али по нужде коней гонишь?

Иван вкратце объяснил ситуацию, рассказал о прошедшем дне. Сам косился по сторонам: мужики непростые. Трое в казенной, военной форме. Бородатый в простой, таежной одежде.

Один из них зажег керосинку. Другой заправил на поясе в кобуру револьвер. Третий приставил к стене оружие. Ружья у всех нового образца, небольшие, короткие. Говорили люди: верховым казакам специально ружья сделали, «карабины» называются. Иван сразу понял – мужики на государственной службе.

– Михайло Самойлова медведь помял? – с тревогой в голосе, сочувствующее насторо- жился бородатый мужик. – Ишь, как... И на старуху бывает проруха. Сколько медведей побил, а все одно – сплюховал, ему в лапы попался... Да, нехорошо получается... Так, стало быть, ты в поселок за доктором едешь? Э-э-э, паря... Однакось, зря тропу топчешь. Нетука доктора в поселке: вчера как в полдень отчалил в уезд по делам. Когда приедет, не сказал. Одна аку- шерка осталась, но она только клизму делать может... Тьфу ты, баба... – возможно, с этими словами у хозяина зимовья были связаны свои воспоминания. – А тут, как ты сам говоришь, дело серьезное!

– Так что же мне теперь? Зря еду? – растерялся Иван, но тут же вспомнил: – А вот еще подсказку мне дали про знахарку местную.

– Петричиху? – оживился мужик.

– Точно, она! – подтвердил Иван. – Может, мне с ней поговорить: поможет или нет?

– А как не помочь! Она бабка толковая. Не одного человека с того света вытащила. Голову, кости править может, наговоры разные знает.

– Знахарка или ведьма? – Иван понизил голос.

– Да нет, – засмеялся мужик. – Она на метле не летает, добрым делом занимается, все благодарят ее. Это хорошо, что ты с собой коня гонишь, пригодится!

– Раз дело такое, я ее туда, в тайгу, и обратно в поселок привезу.

– Да нет, не про это, – хитро засмеялся старатель. – Она сама не поедет.

– А для чего же тогда конь нужен?

– Там увидишь! – загадочно ответил мужик и, меняя тему разговора, продолжил о дру- гом. – Чаевать тебя не приглашаем, не время! Торопиться тебе, паря, надо! Дело о жизни чело-

века решается. Скоро отбеливать начнет, а тебе на рассвете надо у ее ворот стоять. Это хорошо, что ты нас встретил, дорогу короткую поясню. Сейчас вот, за речкой, в перевал подниматься станешь. На хребте, за вторым спуском, увидишь кедр, молнией срезанный. За ним тропа расходится. Тебе по правой идти, в Угольную речку. А по ней до самой Безымянки хоть боком катись! К поселку должен ты к заутрене подъехать. Народ проснется, спросишь, где Петричиха живет, каждый укажет. По этой тропе километров шесть-семь сократишь. Тебе это на руку: полчаса, но твои! Все, паря, боле разговаривать не будем: время! Может, назад поедешь, свидимся. Или когда в другой раз, – и на прощание внимательно при свете керосиновой лампы просверлил Ивана черными глазами. – Что, окромя этого у вас на прииске порядок?

– Это вы про что? – не понял Иван.

– Ну, знать, никто из чужих людей не балует? Может, кто лишний появлялся или прижился временно?

– Да нет, – понимая, к чему клонит бородатый, холодея, ответил Иван. – А что, опять что-то было?

– Было, не было... Это, парень, не твое дело. Одно могу сказать – все вместе держитесь! И баб своих берегите! А теперь – поезжай!

Все вышли на улицу. Бородатый придержал коня. Иван заскочил в седло, направил Мухортика в речку. Сзади еще долго слышались голоса мужиков, по всей вероятности, относившиеся к собаке:

– Б!х ты, зараза, коня проспала! Как он тебе еще на голову не наступил? А что будет, когда медведя увидишь? Ну и взяли на свою голову собачонку... От лошади в сенах нагадила!

Юноша вспомнил, что забыл поблагодарить мужиков за то, что подсказали короткую дорогу. Возвращаться было поздно, отъехал уже далеко. Потом он все же успокоился, решил, что сделает это на обратном пути.

Парню показали сразу, где проживает Петричиха. Любой человек, повстречавшийся на его пути, был готов проводить до самого дома. В глазах прохожих горели искры любопытства: если путник рано утром вышел из тайги и спрашивает бабу Петричиху, значит, что-то случилось.

Встреча с целительницей несла громкообещающее начало. Иван подъехал к покосившейся калитке небольшого, вросшего в землю домика и сразу увидел ту, к которой лежал его долгий ночной переход. Баба Петричиха стояла в ограде у толстой кедровой чурки посреди расколотых дров с колуном в руках и очень внимательно, изучающе смотрела на гостя. Ваня спешил, привязал Мухортика к пряслам. Боевая старушка лихо воткнула колун в чурку, подошла к забору:

– Давно тебя тут жду: целные сутки, со вчерашнего утра. Видишь, какую гору дров переколола, тебя ожидаючи?

Иван опешил, посмотрел вокруг: с кем она разговаривает? А старушка, настойчиво высматривая его глаза, добавила:

– Не крути головой, как филин. С тобой разговариваю. Рядом, окромя лошадей, боле никого нет. Давно ли путь-дорогу держишь, сколько ехал и откуда?

– Так... Со вечернего заката, всю ночь из Сисима добирался... – белея, промолвил Иван.

– Вон как! Была там, несколько раз по приискам ходила, – уважительно протянула старожительница, опять заглянула парню в глаза. – Что случилось у вас там? Как себя хворый чувствует?

Гость смотрел на нее с открытым ртом, не понимая, откуда она узнала, что он приедет за ней? Кто ей сказал, что в тайге произошел несчастный случай? Он первый, кто несет недобрую весть, его никто не мог опередить...

– Рот-то прикрой и говори толком, – внимательно его изучая, дополнила Петричиха, подталкивая Ивана к разговору.

После непродолжительного объяснения бабуля осталась такой же спокойной. Возможно, частые столкновения с человеческим травматизмом выработали в ее характере спокойствие. Или с того момента, как ей было предопределено быть целительницей, она знала, что всегда должна быть рассудительной. Без тени сомнения, Петричиха равнодушно посмотрела на ведомого Рыжку, твердо заверила:

– Сейчас пойдем! Хорошо, что коня взял, мои снадобья повезет. Может, ты кушать хочешь? – позвала парнишу за собой. – Пойдем, чаем напою.

Однако дальше порога старушка Ивана не пустила, показала на чурку у крыльца:

– Садись здесь, чай вынесу. В дом не пушу, у меня там внучка на выданье спит.

Ванюша равнодушно пожал плечами: какая разница, где завтракать? К подобному общению он привык, люди разные бывают. И какое ему дело до какой-то внучки? У него Наташа есть.

Петричиха заскочила в избушку, захлопнула за собой дверь. Очень скоро до ушей Ивана долетел негромкий, едва слышный разговор. Старушка разбудила внучку, что-то ей наказывала. Парень напряг слух, смог кое-что разобрать:

– Вставай! Пришел-таки, кого ждали... из Сисима. Мужика там медведь помял, ноги отказали, однако, думаю, надо будет ему косточки править... Пойду я теперича с ним. Назад – дней через пять... А ты тутакза без меня управляйся. Придет Мария – настоя лунной травки дашь... Семенихе, вот, на святую воду наговор сделаешь, сама знаешь, какой, что тебя учить? А Кольке Собакину от испуга молитву почитаешь и свечку не забудь расплавить и в ковш вылить. А теперича вставай, наготу прикрой, волосы замотай... Нагрей чай, парня покорми. Яйца свежие возьми. А в чай горного корня добавь, чтобы не уснул да с коня не упал, а то еще его править придется... Прости меня, Господи! Душу мою грешную рабы Твоей...

Очень скоро на крыльцо приземистого домика выскочила босоногая девчушка лет пятнадцати, в плотном, однотонном платке на голове, в длинном, до пят, платье и зеленом старобрядческом нагруднике. В руках ее была большая кружка с густым чаем. Девушка молча протянула Ивану кружку и, даже не удостоив его вниманием, проворно забежала обратно. Не успел Ваня оглянуться, а она уже опять рядом: принесла три сырых куриных яйца, свежий, возможно, вечерний хлеб, соль и кусок красноватого вяленого мяса. Парень с удивлением посмотрел на мясо, недоверчиво откусил кусок: маралятина. Откуда у бабки такое лакомство, оставалось только догадываться.

Петричиха вывалилась на крыльцо с двумя плотными, объемистыми мешочками, увидела, как юноша приподнял брови, пережевывая дичь:

– Ешь – не отравишься. Поди, не старовер? Вроде бороды нет. Токо синяк под глазом. Откуда мясо? Люди добрые за мою доброту щедро расплачиваются. Хучь и не прошу я денег, да сами несут, кто что может и хочет. Небогато с внучкой живем, а в лаптях не ходим, крыша у дома не бежит. И то слава богу! – перекрестилась. – Знать, Всевышнему угодно, чтобы мы жили в достатке, и только. Богатство человеку давать нельзя. Тогда он становится злым и завистливым! – покачала головой старушка и опять запричитала вполголоса: – Ох! Прости мою душу грешную... Куда пожитки-то складывать?

– Давай, бабуля, я сам привяжу, – подскочил Иван, но Петричиха его осадила.

– Сиди, Аника-воин! Сама все сделаю! Ты ишо мои котомки не так приторочишь, разобьешь склянки, помнешь травки... Как звать-то тебя? Ванька? Ванюшка, знать, так и буду тебя называть. На какого коня укладывать, Ванюшка? На того, рыжего? Ну, и ладно, – и уже внучке: – Пособи!

Проголодавшись, путник быстро справился с предложенным угощением. После ночи в седле голодный желудок «хлопал в ладошки». Уплетая мясо, гость внимательно следил, как бережно, по-своему знахарка увязывает сыромятиной свой неблагоприятный скарб к бокам коня. Наконец, не удержавшись, отставил кружку с напитком в сторону:

– Ты что, бабуля? На седло увязала мешки, а сама где сидеть будешь?

– А вот, на тебя, милоч, ноги складывать буду, – с хитрой улыбкой пошутила Петричиха. – Ты не беспокойся, кушай. Да побыстрее! Шагать надо, а ты все еще зубами щелкаешь.

Ваня махнул рукой: делайте, что хотите. Сам быстро проглотил остатки пищи, допил чай, подскочил на месте:

– Я что? Я уже готов!

– Раз готов, тогда садись да дорогу показывай, – довольно ответила старушка и повернулась к внучке, отдавая последний наказ.

Иван неуверенно потоптался около Мухортика: может, помочь бабушке подняться в седло? Петричиха махнула рукой:

– Что стоишь? Пошли...

– А как же ты?

– Сидай. А я – сзади.

Парень браво вскочил в седло, повернул голову, ожидая, что целительница сядет на Рыжку с чурки. Но последняя опять махнула рукой:

– Шагай, а я потихохоньку следом.

Иван тронул повод, предположил, что Петричихе еще надо куда-то зайти или что-то сделать, поэтому она не села на жеребца. Выруливая по грязной улице в недалекий лог, он постоянно оглядывался, ожидая, что последняя даст команду на короткую стоянку. Однако та и не думала садиться, уверенно шла следом за конем. Коротко, сухо приветствуя соседей и знакомых, она троекратно крестилась или плевалась через левое плечо.

– У, сватья... Опять дорогу закудыкала... Прости меня, Господи, рабу твою грешную, – или: – Ух, черт, не смеши! И за мною не ходи!

Наездник воспринимал поведение Петричихи как некий ритуал. Они уходили по улице в тайгу посветлу, поздним утром. У людей тайги это считалось дурной приметой. Парень считал, что старушка специально не села на коня, чтобы в поселке замолить следы от дурного глаза.

Вот небольшая процессия добралась до поскотины. Позади за пригорком остались последние строения старательского поселка. Впереди перед путниками раскинулась глухая тайга. Иван остановил Мухортика, повернулся: может, помочь старой взобраться на коня? Не ожидая остановки, Петричиха ткнулась в Рыжку, получила по лицу взмахом конского хвоста, сурово нахмурила густые брови:

– Что встал? Двигай дале!

– Поедешь? – переспросил Иван.

– Что я, без ног? Так пойду.

– Зачем идти, когда конь пустой идет?

– Так конь мои мешки везет!

– Он и тебя увезет, – все более распаляясь, крутил головой Иван.

– Пошто мне скотину мучить. Ему и так тяжело!

Иван замолчал: что со старой спорить? Ладно, хочет, пусть шагает. Устанет – скажет.

Он направил Мухортика по тропе. Уважая Петричиху, Иван старался ехать спокойно, неторопливо, чтобы она не отставала. По тайге конь шагает в два раза быстрее человека. Угнаться за ним нелегко, тем более престарелому человеку. Ивану казалось, что вот-вот знахарка окликнет его, сядет на коня, тогда дело пойдет быстрее. Однако та молчала, быстро шла сзади. Старушка не отставала от Рыжки ни на шаг. Сколько бы Ванюша не оглядывался, постоянно видел мелькающий платок за крупом ведомого коня. Он прибавил ходу. И спутница пошла быстрее. На чистом, ровном месте парень увеличил передвижение до скорого шага, но бабуля не отставала. На короткой переправе через речку кони приостановились, захотели пить. Пока Мухортик и Рыжка склоняли головы к воде, Петричиха перешла реку выше по бревну и уже с другого берега равнодушно бросила:

– Передом пойду. Надоело коню в зад смотреть. Ванюшка, чем ты их сегодня кормил? Едва ноги переставляют!

– Бабуля! Под ногами путаться будешь! Садись, поедем, так дело быстрее будет, – возмущился Иван, но та лишь пожала сухими плечиками и пошла дальше.

Юноша возмутился: «Ну и вредная бабуся! Эх, сейчас конем растопчу!» Дернул парень уздечку, сразу погнал коня ускоренным шагом. Знахарка, на ходу поправляя серый платок, засемила в десяти шагах впереди. Он думал ее быстро обогнать, но не получилось. Кажется Ивану, что с бабушкой творится что-то непонятное: выражение «засемила» не соответствовало ее передвижению. Скорее всего, здесь подошло бы «засверкала пятками», с таким «реверансом», похожим на взмахи крыльев порхающего рябчика, так переставлялись ноги ретивой старушки. Нет, она не бежала, так как не позволяла местность, а просто шла. Но при этом передвигалась так быстро, что расстояние между ней и лошадьми начало постепенно увеличиваться.

Иван прищипорил Мухортика: сейчас догоню! Конь пошел живее, но не настолько, чтобы затоптать пожилую женщину. Выбитая грязь, камни, галечник, болотина, упавшие колодины тормозили ход. Между тем данные препятствия шустрая старушка обходила стороной: перепрыгивала через упавшие деревья белкой или непонятно каким образом перелетала через нагромождения хлама. Очень быстро согнутая годами спина Петричихи мелькнула последний раз и исчезла впереди за поворотом. Проворная бабуля убежала от Ивана, который ехал на коне!

Молодой наездник видел многих, кто ходил по тайге, как говорят промышленники, ходко. Некоторые из них, мужики, шли долгие километры, не останавливаясь, без отдыха, не уступая коню. Но чтобы женщина, на первый взгляд дряхлая старушка, постепенно уходила от скорого мерина, парень наблюдал впервые. Сначала Иван успокаивал себя: «До первого пригорка!» Он все еще тешил себя надеждой, что знахарка наконец-то сдастся, запретит. Может, вон на той релке попросится в седло или хотя бы попросит минуту на отдых.

Ничего подобного. Когда Иван выехал на «ту релку», Петричиха стояла у пышной рябинки, поедая богатые плоды бордовых ягод. На приближение парня она никак не отреагировала, просто стала нахваливать подбитый морозами урожай. Взмыленный Мухортик приостановил свой ускоренный шаг. Старушка спокойно повернулась к ним и, как ни в чем ни бывало, участливо спросила:

– Что, Ванюшка, пристал небось?

Ездоку стало стыдно, что он, здоровый парень, едет верхом, в седле, а Петричиха бежит впереди коня, обгоняя его. Пытаясь разглядеть на морщинистом лице своей спутницы хоть ниточку усталости, он уважительно спросил:

– Что же, а вы, бабуля, наверно, из сил выбились?

– Да что ты, милай! – удивленно вскинула смоляные брови последняя. – Разве можно? Я же без груза шагаю, пустая... Котомки конь везет, и слава богу! А я и сама дойду! – и зашагала дальше.

Перед Колбинским перевалом Ваня спешился, повел коней в поводу. Соответственно, отстал от Петричихи еще больше и догнал ее на хребте. Бабуля уже запалила небольшой костер и нанизывала на прутки таволожника последние, чудом сохранившиеся на солнцепеке, мясистые опята.

– Ох, Ванюшка! Жалко мимо такого добра проходить, – покачала головой целительница, – раз сам Бог нам такую усладу дает! Поедим и дальше пойдем.

Жареные грибы оказались действительно очень вкусными. Для душистого аромата Петричиха бросала на огонь прутки талины. Присыпая солью лакомство, Иван вдруг ощутил прилив новых сил. А может, это ему так показалось на голодный желудок? Предприимчивая старушка смаковала грибы без соли, с укоризной посматривая, как парень не бережет столь дорогое лакомство.

Когда легкий обед подошел к концу, юноша вновь предложил бабушке занять место в седле Рыжки. Та опять отказалась, махнула рукой: сама дойду. Ему ничего не оставалось, как в очередной раз, преодолевая стыд, взбираться на коня и удивляться выносливости спутницы.

Петричиха тяжело вдохнула свежий воздух, посмотрела на далекие хребты:

– Эх, годы мои, как те перевалы, что остались позади... Сейчас что? Ноги болеть стали, руки зудят. Вот раньше, помню, в девках была. Когда сюда, в Сибирь, от нужды бежали с Волгиматушки, я проворная была. Всей семьей за четыре месяца переход сделали. Можно быть, и быстрее, если бы не корова... Однакось, хватит брехать, шагать надо! Больной ждет!

Сок кедровой колоды

Без лишних церемоний, даже не поприветствовав угрюмых старателей, Петричиха посмотрела по сторонам:

– Где хворый?

– У нас на полатах, – указал в сторону своего дома Григорий Феоктистович.

Целительница прошла к приземистым дверям, проворно утонула в проходе, выпроводила любопытных:

– Все на двор! Один Ванька пусть останется. Эх, а воздух-то какой спертый! Так ить умертвить человека можно. Приоткрой, Ваньша, творило да в сторону отойди, свету дай!

Когда ее просьба была исполнена, знахарка наклонилась над Михаилом, прикоснулась ко лбу больного:

– Однакошь, как же ты, мил человек, под медмедя-то угодил? Где что болит? Как себя чувствуешь?

– Так вот, бабуля, и на старуху бывает проруха... – слабо заговорил охотник. – Надо было медведицу добить, а я понадеялся. Вот она меня и сложила пополам. Однакошь, наверно, не встану боле...

– Не говори, что ни попадя! – набожно перекрестившись, старушка отмахнула ладошкой от лица плохие слова. – Бегать будешь, куда денешься?! Скажи еще, где что беспокоит?

– В пояснице. Будто кто кол забил...

– А ноги как? Ноги чувствуешь?

– Будто кипяток залили, сдвинуть не могу, сил не хватает.

– А кто же тебя положил так, мил человек? Надо на живот... Ваньша! Помоги человека перевернуть, вот так, только осторожно, – нараспев, успокаивая больного, заговорила Петричиха. – Сейчас мы тебя посмотрим... Как тут, косточки целы, али нет?

Знахарка приложила сухие ладони на спину больному, вдавливая подушечки крючкова-тых пальцев в тело, стала прощупывать положение позвонков. Постепенно передвигая руки от лопаток к пояснице, пожилая женщина интересовалась у медвежатника, что он чувствует. Михаил терпеливо отвечал на вопросы, а потом вдруг резко вскрикнул. Старушка удовлетворенно качнула головой, более осторожно прощупывала место травмы:

– Вот они, косточки-то, выскочили! – обратилась к Ивану: – Позови двух мужиков покрепше. Сейчас тянуть будем.

В избу ввалились Григорий Феоктистович, Павел Казанцев, Веретенников Василий, Тишка Косолапов и еще несколько старателей. Петричиха оставила четверых вместе с Иваном, остальных выгнала прочь:

– Нечего тут, без вас справимся! И так воздуха мало! А вы двое берите по ноге, другие – за руки, – целительница показала мужикам, что надо делать, но предупредила: – Сильно не тяните, а то разорвете пополам!

Четыре пары рук растянули Михаила в разные стороны. Петричиха начала активно массировать позвоночник маленькими кулачками. Михаил застонал. Лечение явно доставляло ему боль, но он крепился. Целительница успокаивала больного:

– Крепись, Михайло! Ты же сибиряк! Вон скоко за жисть медведей побил! И ишшо побьешь! Верь мне, все будет, как прежде, – и помощникам: – А ну, мужики, ишшо добавь на разрыв!

Старатели рады стараться, лишь бы в дело. Потянули так, что в позвоночнике сухожилия затрепали. Мужчина закричал от боли, однако старушка успела наложить левую ладошку на бугорок на спине и ударить сверху кулачком. Под руками целительницы что-то щелкнуло.

Шишка под кожей исчезла, позвонки встали на место. Михаил обмяк, с тяжким вздохом опустил голову на дерево:

– Ой, бабка, боль притупилась, а ноги ватные, горят. Будто кто в пятках свинец отливает...

– А ты как хотел, милый? Штоб за один раз мерином поскакал? Не будет такого. Терпи, еще с тобой долго муки будут, – подбадривающее заулыбалась Петричиха, а сама стала давить указательными пальцами в область поясницы. – Где отдает?

– Сзади, под ягодицами... – морщась, отозвался промысловик. – А вот сейчас на лодыжках... Теперь в пятках.

– Вот и ладно, – с удовлетворением вздохнула Петричиха. – Все у тебя хорошо... – и старателям: – Вовремя вы спохватились и Ивана ко мне отправили. Теперича надобно вот что сделать...

Вспарывая застоявшуюся тишину, дружно ахнули топоры. Азартным глухарем затоковала, зашипела пила. Загремели ведра. Плотными потоками полилась густая вода. По глубокой низине Таежного Сисима повалил густой, едкий дым. В стороне, на невысоком пригорке, мужики валили наполовину высохший, двухсотлетний кедр. Ожидая своей минуты, стояли покорные лошади. На кедровых дровах в больших казанах женщины грели воду. Рядом с рекой по-черному топилась приземистая баня.

Петричиха руководила действиями старателей. Упал кедр. Старушка побежала на пригорок, чтобы указать длину кряжа. Закипела вода в казанах, целительница приказала убрать огонь. Принесли девушки сбор таежных трав, проворные руки отобрали необходимое количество лекарственных растений для отвара. Протопилась баня. Знахарка прощупала рукой засаженные сажей стены:

– Хватит, откройте дверь! Шибко горячо нельзя!

Мужики топорами и теслами быстро выдолбили большое, в рост человека, корыто. Тонкие стенки и дно емкости выскоблили ножами и стругами. Петричиха провела ладонью по дереву, выискивая заусенцы и зазубрины, осталась довольна:

– Несите в баню!

Товарищи подхватили колоду, потащили к дверям, остановились у прохода: не входит корыто в баню, как ни крути. Григорий Феоктистович схватил топор, выбил подушку, косяки:

– Эхма! Оглоблю отпилили, а кобылу не смили! Теперь, наверно, в самый раз будет!

Мужики повернули корыто боком, запихали в баню, установили на лаги:

– Ну, бабуля, теперь дело за тобой!

Петричиха потрогала колоду рукой: крепко ли стоит? Согласно кивнула головой:

– В самый раз! – и женщинам: – А ну, бабы, лейте отвар!

Те, беспрекословно подчиняясь наставлениям, цепочкой понесли кипяченую воду. Знахарка, прощупывая температуру, кивнула:

– Несите Михаила!

Четыре старателя вынесли на улицу завернутого в одеяло медвежатника, перенесли в баню, осторожно переложили в корыто. Целительница сурово посмотрела на окружающих, выгнала всех на улицу, сама, переливая настой трав берестяным ковшом, заговорила с больным:

– Не бойся меня, мил человек! Я на своем веку многих на ноги поставила, никто еще не жаловался. Твое дело поправимое: медведь косточки сдавил, пережал силу. Косточки я тебе на место поставила, осталось силу восстановить. А для этого нам травки разные помогут: отвар кашкары, шикиши, зверобоя каменного, багульника россыпного, первоцвета горного... А ты ножками-то шевели! Поначалу вон, пальчиками, потом ступнями. Глядишь, силы-то и вернутся!

– Да ты что, старая? Смеешься надо мной? Как я могу ногами шевелить, если они меня не слушаются?!

– А ты не думай, что они не слушаются. Смотри на них и двигай!

Больной недоверчиво посмотрел на нее, однако обратил внимание на пальцы своих ног, наморщил лоб. Петричиха, смешивая воду, начала ковшом добавлять в колоду травяной отвар.

Маленькое, холодное солнце упало за рубцы далеких гор. Роняя на землю сизый дым костров, от гольца потянул восточный ветер. Кисельная речка замедлила свой бег. Насупившаяся тайга сковала безмолвным панцирем подступающей ночи бранный мир. Под давлением перемены суток притихли живые твари. Смолкли голоса сизых синичек. В густом кедре спрятался юркий поползень. Прислушиваясь к окружению, редко переговариваются дрозды дерябы. На рваном хребте затрещала и смолкла кедровка. Многоголосая ностальгия уходящего дня утонула под неслышными шагами темноты.

В старательском поселке остывают запоздалые отголоски суеты. На больших кострах в чугунных казанах варится медвежати́на. Далеко вокруг разносится головокружительный запах мяса. Женщины готовят к трапезе длинный стол. Терпеливо ожидая сытный ужин, негромко переговариваясь, обсуждая прошедший день, сидят мужики. Дети и подростки подступают к костру, высматривая в кипятке самый большой кусок. Молодежь, ожидая команды, укрывается за углом бани. Кто-то курит. Другие обсуждают действия Ивана. Девушки, расставляя посуду, звенят железными чашками.

Стреноженные на поляне, тяжело вздыхают уставшие лошади. В пригоне пережевывают жвачку две коровы. Выше домов, охраняя вещи хозяина, растянутую на раме медвежьей шкуру, лежат зверовые кобели Туман и Тихон. Приисковые собаки крутятся неподалеку от костра, ожидая начала трапезы.

Из дома Пановых с чашкой в руках вышла Петричиха. Скинув в сторону жалкие капли бульона, целительница троекратно перекрестила избу, старательский стол, поклонилась котлу с мясом:

– Да прости нас, Господи, за грехи наши тяжкие! Восие дух укрепляющий, жизнь продолжающий за плоть других! Вовеки веков, аминь! – и окружавшим ее женщинам и мужикам: – Уснул сердешный. Покушал хорошо, знать, дело на поправку пойдет. Такомо, теперича, крутить, переворачивать с боку на бок чаще надо, чтобы кровь не застоялась. Тело гнить начнет, хуже будет.

Теперь, когда Михаил принял первый сеанс лечения, старатели таежного прииска облегченно вздохнули. Люди остались довольны. Никто из них не сомневался в положительном исходе дела. Каждый верил, что утром медвежатнику обязательно станет легче.

Богатый ужин длился долго. В рационе старателей сытная медвежати́на – редкий подарок. Специалисты по добыче благородного металла промышляют зверя нечасто, от случая к случаю. Охота на косолапого требует опыта, отбирает драгоценное время. Тяжелый труд бергало (старателя) начинается с раннего утра, тянется до позднего вечера. Золото дается нелегко, напрямую зависит от кубометров перемытой земли. Каждый знает: что не сделал сегодня, не наверстаешь завтра. Шкурой убитого медведя не проживешь. А на десять отмытых золотников большая семья из семи человек безбедно проживет долгий зимний месяц.

Хороший охотник-медвежатник на далеком таежном прииске всегда желанный гость. Рядовая пища людей тайги: мука, крупы, макароны, тушенка (не всегда картошка), ограниченный рацион (из-за трудностей доставки), – не может дать в полной мере того насыщения, что дает белковая пища. Тяжелый физический труд забирает много сил и энергии. Чтобы восполнить затраты, надо хорошо питаться. Образ жизни людей тайги не ограничивается жеманными принципами гуманизма: приходится кушать все, что может в лесу доставить сытость. Поэтому мамаша-медведица была так вкусна и навариста.

Петричиху как самую уважаемую гостью посадили во главе стола, на почетное место. Анна Семеновна наложила ей в миску мясо из маленького казана. Старушка с удовольствием принялась за еду, нахваливая гостеприимных хозяев:

– Эх, ведь с самого утра у нас с Ванюшкой во рту маковой росинки не было! Всю дорогу впроголодь: только рябину да шишки кедровые на ходу ели. Однако же впроголодь-то дорога долгой кажется, когда к дому тянешься. Ишь ведь, какие косточки махонькие: никак, медвежонок?

Ей подтвердили, что она ест. Петричиха задумчиво посмотрела на Ивана, сурово покачала головой:

– Однако плохо, что другой звереныш убежал. Не к добру это все.

– Так уж получилось, – в недолгой паузе задумался тот, – не до того было...

Поздняя вечерняя закончилась затемно. После ужина старатели отошли в сторону, под кедр, выкурить перед сном по последней трубочке. Женщины прибирали со стола. Сытые, сонные дети разошлись по домам. И только бодрая, жизнерадостная молодежь отступила в темноту. Парни – на задворки бани, девчата веселым хороводом пошли к реке.

Иван задержался у своего дома дольше обычного, проверяя лошадей. Возвращаясь к парням, он вспомнил о ночной встрече, подошел к отцу рассказать об этом:

– Тятя! Сегодня ночью, когда туда ехал, на Колбе встретил мужиков. Один высокий такой, здоровый, сказал, что знает тебя, Власом бородатым назвался. Еще трое других при форме, видать, служивые люди. Спросили, кто я, откуда, куда, зачем еду. Влас бородатый тебе привет передавал!

– Что еще говорили? – нахмутив брови, спросил Григорий.

– Говорили, чтобы вместе все держались, женщин берегли!

– Женщин, говоришь, берегли? – понизив голос, повторил отец и задумался.

– Неужели, опять что-то случилось? – глядя ему в глаза, поинтересовался Иван.

– Может, и так. Скоро узнаем...

Стали подходить старатели, кто слышал разговор отца с сыном, тут же засыпали вопросами:

– Власа бородатого видел?

– Опять с казаками или один?

– Что еще говорил?

Больше того, что было сказано, Иван не мог пояснить. Однако все и так понимали, что где-то в тайге опять случилась беда.

Так и не ответив на многочисленные вопросы мужиков, Иван оставил старших обсуждать новость, а сам пошел к своим, на завалинку за баню. Друзья встретили Ваню с должным уважением, расступились, дали место: сегодня он герой дня! Кто-то протянул набитую табачком трубочку. Другой зажег спичку. Третий спрашивал о случившемся.

Парень отвечал неохотно, растягивая слова: устал за последние двое суток. Настроением владело единственное желание: как можно быстрее лечь спать. Может, стоило уйти в избу, но томительная мысль о Наташе гнала чары сна прочь. Иван хотел встретиться с девушкой хоть на минуту. Однако старательский поселок не спал, и это откладывало свидание еще на какое-то время.

Пришел Лешка Воеводин, растолкал товарищей, присел рядом с Иваном. Какое-то время все молчали, ожидая начала разговора: может, ребята опять будут делить непокорную красавицу Наташку? Но не тут-то было. Как перед решающим диалогом Лешка и Иван смотрели по сторонам, не зная, о чем говорить после многозначительной паузы. Первым нарушил тишину Лешка.

– Вечер сегодня какой короткий, – подбирая слова, начал он добродушным голосом, в котором не было тени намека на соперничество.

- Да, скоро зима наступит, – не вспоминая о прошлом, ответил Иван.
- Наверно, на днях снег выпадет, – продолжил товарищ.
- Навалит по колено, – отозвался Ваня.
- А я вчера и сегодня туда ездил с мужиками, мясо возили. Видел, как вы там с медведицей воевали...
- И что?
- Как она вас там не порвала?
- Ну, дак не успела, – равнодушно хмыкнул парень.
- Вовремя ты выстрелил: хорошо попал! В шею навылет!
- Да уж, куда лучше... Надо же, как не везет...
- Почему?
- Пуля улетела! Такой самородок был!
- Почему был? – хитро улыбнувшись, покосился на Ивана Леха, и полез в карман. – На, возьми! – и передал ему сплюснутый в лепешку кусок золота.
- Это ты откуда? – не поверил глазам молодой охотник.
- Из дерева выковырял.
- Из какого дерева?
- Из пихты, – равнодушно посматривая по сторонам, ответил Лешка.
- Как нашел? – рассматривая пулю, не верил Иван.
- Так просто, – чувствуя на себе восхищенные взгляды товарищей, ответил тот. – Разобрался, как медведица на Михаила навалилась, откуда ты стрелял, в какую сторону, под каким углом, ну, и пошел в том направлении. Там, в той стороне, пихтач густой. Пуля недалеко пролетела, ткнулась в дерево, метра три над землей... Срубил я пихту, вырубил топором пулю, вот и все дела.
- Вот спасибо! – поблагодарил товарища Ваня, протягивая руку. – Я тоже об этом думал: пройти посмотреть, да времени не было. Сам знаешь...
- Да что там! Не стоит благодарности. Все одно, в общий котел золотишко, – принимая руку, ответил тот и, уже не вспоминая старый конфликт, шепнул Ивану на ухо: – Там тебя Натаха спрашивала. Сказала, чтобы ты под кедр пришел.
- ...Тихая вечерня стелется над плоскими хребтами. Молчит уснувшая тайга. Черные рубцы гор сливаются с небом. Внизу по логу, убегая вдаль, разговаривает с камнями холодная речка. Колкая изморозь сыплется на пожухлые, перезревшие травы. Терпкий холод вычистил звезды добела. В ожидании перемены времени года Млечный Путь завалился набок. Скорая зима наступает осени на пятки.
- Старый кедр распушил над землей густые ветви. Острые хвоинки пахнут ароматом подмерзшей смолы. Толстая, рубчатая кора дерева шуршит от прикосновения одежды. Иван и Наташа стоят под сводом нависших сучьев. Иван знает, что холодные ночи пробирают человека до дрожи. Поэтому на свидание с девушкой надел теплый, овчинный тулуп отца. Наташа пришла в легкой безрукавке. Через некоторое время подруга замерзла, пыталась плотнее закутаться в холодную одежду. Иван, наоборот, изображая знойного парня, распахнул полы тулупа. В какой-то момент он предложил ей согреться. Скромница категорически отвергла его услугу: не в ее правила доверяться мужским рукам! Она девушка честная, недоступная! Так и сказала:
- Ишь ты, Ванька, какой хитрый! Тулуп специально взял?
- Иван смеется:
- Что ты? Я же просто... От чистого сердца! Замерзла ты, вот я и решил тебя погреть.
- Ну, уж, и от чистого сердца... Все вы, наверное, парни, такие! Сначала обнять, потом целоваться вам подавай! – строго ответила девушка, отступая на шаг назад.
- Что я? Лиходей? – с обидой в голосе развел руками Иван. – Я серьезно, а ты...

Оба замолчали. Парень плотно запахнул полы теплого тулупа. Девушка, кутаясь в безрукавку, мелко постукивая зубами, стала приплясывать: и правда холодно. Однако честь дороже! В своей твердой уверенности она решила, что до своей свадьбы к ней никто пальцем не прикоснется. Лучше замерзнуть или остаться одинокой девой на всю жизнь! И все же, наверно, Ваньке в тулупе тепло... Если только на минуточку, погреться.

– Ладно уж, – наконец-то согласилась подруга, – встану рядом. Только никаких рук!

Осторожно прижимая к себе свою любовь, Иван довольно расцвел, распахнул полушубок. Наташа сделала шаг навстречу, встала рядом. Иван прикрыл ее сильными руками, прижал к себе.

– Ты что? – отталкиваясь, возмутилась Наташа. – Мы так не договаривались!

– Как не договаривались?

– Ну, вот так, что ты меня обнимать будешь.

– А я тебя и не обнимаю, просто согреваю. Это ты ко мне сама прижимаешься, – сдерживая улыбку, невзначай заметил Иван.

– Ух ты, Ванька, ну и хитрец! – напущенно рассердилась девушка, несильно хлопая его ладоншками. – Вот сейчас уйду домой, больше не увидишь!

Она сказала эти слова и сама не поверила в них. Зачем и куда уходить? Так тепло и хорошо ей еще не было никогда! Первый раз в жизни она стоит с парнем так близко. Непонятное ощущение нежности залило кровавым закатом ее щеки. Хорошо, что Иван не видит. Сердечко в груди трепещет воробышком. Неужели это любовь? Юноша ей очень нравится. Давно девушка дарит ему тайные, искрящиеся взгляды. С тех пор, как он подарил ей букет горячих, пламенных жарков. Больше года прошло с того памятного дня, а высушенные цветы по сей день хранятся между страниц книги. Загоревшееся чувство между Иваном и Наташей, как костер из сырых дров: не горит, а тлеет, напуская клубы дыма. Весь старательский прииск знает, что ребята равнодушны друг к другу, однако дальше этого дело не продвигается. Работа и забота не дают право на свободное время. Молодые люди живут по соседству, а видятся редко. Первое, случайное свидание Ивана и Наташи произошло месяц назад. Оно походило на робкую встречу хороших знакомых, но подживило огонь тлеющего костра, породило робкие языки пламени.

Сегодня они встретились четвертый раз. Для Наташи это слишком маленький срок, чтобы вот так, быстро, доверчиво оказаться рядом с парнем под полкой его теплой шубы. Кто увидит – осудит. Да и сама она, доверившись открытому сердцу Ивана, стыдится своего поведения. Затаив дыхание, девушка дрожит теперь уже не от холода, а нервного напряжения. Зачем все это? Может, оттолкнуться, убежать? Но так не хочется покидать дорогого человека! Наоборот, сопротивляясь буре возмущения, Наташа молчит, замерла в немом ожидании, чувствуя, как Ваня прижимает ее к своей груди.

Влюбленный чувствует ее состояние, все крепче запахивает обшлага шубы, стараясь не выпустить из объятий драгоценное создание. Так близко он не был с любимой никогда. Кипящая кровь растворяет последние капельки робости. Наконец-то, собравшись с духом, он решился сказать заветные слова:

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой!

– Зачем это? – не ожидая размаха событий, вздрогнула Наташа.

– Потому что я люблю тебя!

Казалось, что девушка не поняла всей значимости сказанных слов, недоверчиво оттолкнулась, удивленно посмотрела на него:

– За что это?

Он, вдруг осмелев, увидев близко ее лицо, горящие глаза, быстро наклонился, поцеловал. Она, не ожидая этого, в последнее мгновение увернувшись, склонила голову. Губы Ивана коснулись ее носа, но ненадолго. Почувствовав его прикосновение, гордая девушка приняла эти действия как недозволенный поступок.

– Ах, вот ты какой! – выскользнув из-под шубы, освободившись от объятий Ивана, возмутилась Наташа. – Вон что придумал! Шубу надел! Ишь, какой хитрый! – закипая и негодуя, высказывала она. – А сам целоваться лезет! – и, коротко размахнувшись, ударила его ладошкой, выговаривая дежурные фразы: – Все вы такие! Сначала словечки разные, ласковые: люблю, замуж! А потом – бросаете! Я думала, ты не такой... – заблестела слезами, – а ты такой же, как все! – и поспешила прочь.

Иван хотел ее остановить, да где там! Убежала Наташка, не выдержала недотрога ласки. Слишком уж строги принципы у красавицы.

– Не понимаю... – вытирая запястьем разбитый нос, пожал плечами Иван. – Что лишнего сказал?

Плохие вести

Вечером с запада подул холодный, пронизывающий ветер. Черные тучи принесли в своих ладонях мелкий, нудный дождь. Потемневшая, суровая тайга ответила тревожным шумом раскачивающихся деревьев, взбитым посвистом упругих веток, пугающим шорохом склонившихся трав. С тревожным криком, провожая осень, пролетели рябые кедровки. Где-то далеко несколько раз ударил в колокол черный ворон. Пугая мир переменой времени года, с резким треском упал на землю старый, отживший кедр. Подтверждая плохое предзнаменование, в пригоне захрипели лошади. В стенах летней стайки замычали коровы. Поджав хвосты, занимая укромные места, разбежались собаки. Хмуро насупив брови, старатели потянулись в тепло, к своим домам: «Все, кончилась хорошая погода».

Утром 16 сентября выпал первый снег. Обычная для этого мира выпадка побелила горы, накрыла первозданным покрывалом кедровники, поляны, крыши невысоких домов. В одночасье упали травы, загустела вода в реке, замерзли голые кустарники. Холод принес с недалеких гольцов дыхание подступающей зимы.

Мужики таежного поселка недовольно смотрели по сторонам. Каждый из них понимал, что счет старательской работы пошел на часы. Отрицательная температура ставит границу предела промывке золотоносных песков. Мерзлая земля, спрессованная глина в сочетании с ледяной водой делают условия промысла невыносимыми. Еще несколько дней, и придется отложить разработку прииска до будущего сезона.

После завтрака старатели собрались на короткий совет: как быть дальше? Кто-то предлагал, пока не завалило снегом, выбираться к основному жилью, поближе к цивилизации, в Кузьмовку. Другие настаивали на продолжении работ: в последние дни артель подрезала хорошую золотую жилу. Третьи желали остаться зимовать здесь, в тайге, чтобы в их отсутствие шаромыги – черные копатели – за зиму не выбрали драгоценный металл. Однако последнее слово оставалось за старшим: как он скажет, так и будет. Таков строгий старательский закон: до последнего дня слушаться и подчиняться тому, кого выбрали в начале сезона. По-другому быть не могло.

Григорий Панов медлил с ответом. Опытный золотопромышленник понимал, что от его слова зависит будущее благосостояние старательских семей: жить в нужде или пить чай с медовыми пряниками. Уроки жизни не прошли даром. Прежде чем что-то решить, надо хорошо продумать.

Суровая Сибирь не прощает ошибок. Глубокий снег зимой, мороз, высокогорье, влажность, дикая тайга со всеми вытекающими последствиями ежеминутно играют с человеком в бесконечную игру противостояния: выживешь или нет? Тяжелые климатические условия, непредсказуемые препятствия, борьба за выживание заставляют быть предусмотрительным: любой промах может стоить жизни. Старательская летопись знает много случаев, как гибли люди. Кого-то задавил медведь, другой заблудился, третьего задавило землей в шурфе, четвертый утонул, пятый сломал ногу, не смог выйти к людям. В редких случаях старатели узнают о чьей-то смерти. Промысел золота всегда окутан медной дымкой тайны. Далеко не каждый старатель желает показать кому-то богатую жилу. Золотая лихорадка во все времена туманит разум человека прозрачно легким, быстрым богатством. Вот и тянется одинокий отшельник в дикие трущобы один, реже вдвоем. Потеряться одному в тайге несложно. Ушел человек и пропал. Ни креста, ни могилки! Может, где зверь лесной косточками хрустит. Или под колодиной догнивает старый труп с проломленным черепом. Страсть к наживе не имеет границ. За золото могут убить легко, имя не спросят. Кто узнает? Тайга – безмолвный свидетель! Это и объясняет стабильное постоянство исчезновений людей глубокой осенью, когда подходит к концу старательский сезон.

Работать в артели проще, безопаснее. Десять человек – это уже сила. Временно переселившиеся в тайгу на лето промысловики с семьями – цивилизация. Такие сезонные поселения все бродяги, чернокопатели, шаромыги, захребетники, воры, убийцы обходят стороной. При тесном общении с другими приисками старатели округа знают друг друга в лицо. Появление чужого человека настораживает. Если этому сопутствует какое-то плохое событие, мужики своими силами ограничивают свободу передвижения человеку с ветра, передают его властям. Так было поймано немало беглых каторжников, залетных бродяг и преступников. Однако временное поселение грызут другие беды: отдаленность от постоянного местожительства, трудности в доставке продовольствия, болезни, бытовые проблемы. Немаловажную роль играют природные катаклизмы. В памяти старателей жива трагедия, когда двадцать лет назад на Жейбе после обильных, недельных дождей разлившейся речкой был смыт старательский прииск. Тогда погибли около двадцати человек. Преимущественно женщины и дети.

Старателей сисимского прииска не пугает большая вода. Таежный Сисим – небольшая речка. В лучшем случае ее ширина достигает трех метров. Глубина в прямках не больше аршина. Лишь на устье, сливаясь со своим собратом, таким же ручьем Степным Сисимом, они образуют уважаемую речку, которую не везде можно перейти вброд. Страшный бич этих мест – ранняя, долгая зима. Глубокий снег, иногда выпадающий за ночь до семидесяти сантиметров, в сочетании с тридцатиградусным морозом здесь известный гость. Первые осадки начинаются в начале сентября. Постоянный покров держится до середины мая. Все это значительно осложняет передвижение человека.

Обдумывая ситуацию, Григорий Панов прежде всего учитывал это обстоятельство. Глава артели хорошо помнил прошлую зиму, как они всем прииском остались на зимовку. Глубокоснежье и голод мучили людей больше всего. Просыпаясь утром, они вновь и вновь копали тропинки между домами, к ручью, к месту работы. За продуктами пришлось ходить на лыжах с котомками (о передвижении на лошадях не могло быть и речи). Ходоки задерживались на неделю и больше, хотя расстояние между Сисимом и Кузьмовкой было не больше пятидесяти километров. Шурфы и разработки приходилось откапывать каждый день, добираясь до земли. Колода на морозе покрывалась льдом. Мыть золото вручную было себе дороже: у людей отмерзали руки, ноги. В результате к концу ноября старательские работы были парализованы полностью. Продавая, меняя добытое за сезон золото предприимчивым купцам, старательские семьи едва дотянули до весны.

В этом году на первом совете перед началом работ было решено вернуться из Сисима на зимовку в Кузьмовку. Оставалось только получить подтверждение у старшего артели и собираться в дорогу.

Григорий выслушал всех, кто желал сказать слово. Среди старателей были мужики и постарше, мудрые, опытные в промысловых делах бергало. Ему стоило принять во внимание их совет. В это же время от него зависело любое неверно принятое решение. Приказать собираться в дорогу значит сорвать людей с места. А вдруг будет затяжная, теплая осень? Работать с землей еще можно две-три недели. В их отсутствие могут нагрянуть шаромыги. После первой пробы на золото в разработанных отвалах, наткнувшись на жилу, они выберут все подчистую. А если оставить людей работать, можно тоже прихватить нужду: выпадет глубокий снег, как выходить к жилью? Куда ни кинь, всюду клин! Но как бы то ни было, решение принимать надо.

Чувствуя остроту ситуации, на помощь Григорию пришел дед Павел Казанцев:

– А ить чибижекские-то домой не собираются! Бегал я к ним вчерась, разговаривал с мужиками. Говорят, что бутарить еще пару недель можно, тепло будет. А потом разом завалит!

– Это что, получается, звать, до первого октября смело можно землю работать? – принимая во внимание речь свояка, отозвался Григорий.

– Выходит, так.

– А ну, снег разом ночью метр навалит?

– Сколько подвалит, все одно – обсадит. Осень долгая будет, сам знаешь, третьего дня гром гремел.

– И то верно. Значит, таков мой указ будет: остаемся до начала октября!

– Остаемся!.. Правильно!.. Погода будет!.. Добрать надо жилу!.. – наперебой заговорили старатели, поддерживая старшего.

На этом совет закончился.

Спорится работа! Говорливо журчит ручей. Тугим напором бьет в творило плотная вода. Звякают цапапки, хрустят под гравием лопаты. Глухим, плотным шлепком падает земля. Фыркают лошади. Грубо, настойчиво покрикивают на четвероногих животных погонщики. Старатели отмывают в колоде золото.

Своим простым, но мучительно испытанным образом колода обязана долгому, кропотливому труду золотодобытчиков. Посмотреть со стороны – нет проще изобретения. Трудно представить, сколько времени прошло с тех пор, как люди додумались вычистить сердцевину в стволе кедра, подвести к нему воду и промывать золотоносный песок. Вырубленная теслом, зачищенная скребками древесина имеет ровную, гладкую поверхность. Напор воды хорошо смывает легкие камни, вязкую глину, пустую супесь. Тяжелое золото задерживается, оседает в поперечных засеках (зарубках).

Процесс отмывки золота проходит в несколько этапов. Добываясь обогащенного песка, несколько рабочих из шурфов подают наверх в бадейках землю. Здесь ее принимают, перекидывают лопатами на волок (закрепленная на двух жердях тара). Запряженный в волок конь перетаскивает груз к ручью, до колоды, где добытое отмывают. Супесь прогоняют по колоде цапапками. За колодой, принимая и откидывая в сторону отмытый песок лопатами, стоят еще двое старателей.

В ходе дела задействованы практически все жители таежного прииска. На тяжелых, ответственных местах, в шурфах, на погрузке и откатке с кайлами и лопатами работают мужики. Женщины промывают супесь в колодах. Подростки гоняют лошадей от карьера и обратно. И те и другие, помимо прочего, выполняют подготовительную работу. В дневные часы в поселке можно найти лишь одну повариху, занятую приготовлением пищи, да няню, присматривающую за несмышленными грудными младенцами. Идеальная система занятости старательского прииска в полной форме копирует муравейник: работают все! Того, кто не хочет работать, артельщики выгоняют.

В этом сезоне старательские работы ведутся с большим размахом. По сравнению с прошлым летом, мужики вскрыли сразу несколько шурфов, установили две дополнительные колоды. Разработка золотой жилы велась в двух встречных направлениях. Объем работ потребовал привлечения новых рабочих сил со всеми вытекающими отсюда последствиями: новые строения для персонала, обслуживание, доставка продуктов и прочие бытовые мелочи. Однако все это дало ожидаемый результат. Богатая жила принесла дополнительные – сверх ожидаемого – килограммы золота. Как это всегда бывает под конец добывающего сезона, ежедневная съемка благородного металла резко возросла, увлекая промышленников к продолжению работ.

Сегодня Иван работает на подаче в паре с Веретенниковым Василием. Ваня принимает конный волок с грунтом, разгружает его в общую кучу. Товарищ неторопливо берет из этой кучи супесь, равномерно, не спеша, лопатой бросает ее в колоду. Напор воды подхватывает грунт, размывает песок от глины и камней. Рядом трое девчат, одна из которых Наташа, с цапапками в руках прогоняют золотоносную супесь через всю колоду. На сливе, за колодой, Тишка Косолапов лопатой откидывает в сторону отмытую породу.

Василий старше Ивана, поэтому здесь имеет свое слово:

– А что это, Ванька, у тебя сегодня нос разбит? – громко, так, чтобы слышали все, спрашивает он, улыбаясь. – Вроде вчера вечером только синяк от Лешки был, а сегодня на тебе!

Девчата прыскают от удовольствия: смех работе не помеха, можно и пошутить. Наташа искося, строго смотрит на подруг, потом на Ивана. Тот с силой перекидывает лопатой песок.

– А это он, дядь Вася, с лошади упал, когда ехал! – прерывая молчание, поддерживает шутника Оля.

– Да нет. Это он о корень споткнулся, когда под елкой проходил! – подхватывает Маша... – Темно было!

– Что это ты, Ванюха, потемну по тайге лазишь? – продолжает Василий. – Почему не спишься?

– На соседний прииск бегал! – смеется Оля.

– К Фроське Брехаловой! – поддерживает Маша. – Она, говорят, баба хорошая, всех старателей принимает.

Наташа выпрямилась, грозно просверлила взглядом Ивана: «Может, и правда, ночью бегал?» Девушке невдомек, что подруги вчера вечером подсматривали за ними, видели, как она ударила Ивана, а теперь специально, сговорившись с Василием, стараются скрасить время за работой.

– Да ну? – наигранно двигает бровями Василий. – Не могу поверить, Ваньша, что ты по бабам бегаешь!

– Да, бегают! Он точно бабник! – наперебой подзадоривают Ивана девчата и уже к Наташе: – Скажи, Ната, правда, Ванька – бабник?!

– Никуда я не бегал! – оправдываясь, рычит парень. – Это я случайно... К коню подошел, а Гнедко мне головой мотнул, удилами зацепил... – наконец-то нашелся парень, а глаза объясняюще смотрят на Наташу: «Врут все!»

Стараясь казаться равнодушной, девушка холодно посмотрела на ребят:

– А мне-то что? Бегал или нет, это его дело! – и, уже не подумав, добавила: – У него своя жизнь. У меня своя... Мне Ванька, что шло, что ехало!

Скорее всего, последнее пояснение девушка тоже хотела перевести в шутку, однако юноша воспринял это всерьез.

– Шло и ехало? Так, значит? – посмотрев обиженно на подругу, воскликнул парень. – Все ясно, – и еще намного громче, чтобы было слышно далеко: – Теперь мне все ясно! – и хрястнул лопатой так, что сломался березовый черенок.

Наташа – ни жива, ни мертва, поняла, что сказала недопустимое. Рядом подруги, виновницы ссоры, потупили головы: мы не хотели! Василий облокотился о стоек колоды: вот и договорились... пошутили.

– Ты куда? – спросил он вслед уходящему в тайгу Ивану.

– Черенок вырубать! – зло бросил через плечо парень. – Видишь, лопата сломалась?

Наташа побежала в другую сторону, закрыла лицо ладонками, чтобы никто не видел ее слез. Оля и Маша поспешили за ней, успокаивать. Василий и Тишка Косолапов остались одни.

– Вот те, Тишка, и репа на Крещение выросла! – заломил грязной пятерней волосы на затылок Василий. – Все работнички разбежались! Кто же теперь пахать будет?

– Дык, давай, Василий Григорьевич, я уж на царапках постою, – отозвался спокойный, всегда безотказный Тихон. – Все одно у меня место для породы есть. А они, – чисто, с добротой в глазах улыбнулся, – придут скоро, помирятся! Нет мира без ссоры! Вот мы с моей Лукерьей ужас, как ругаемся! А все она на меня клыки точит, говорит, немощный я, ребятенка зачать не могу. А уж как зачать-то? – развел руками рассказчик. – Уж я и так, и эдак, и все ночи напролет не сплю, стараюсь, но не получается, и все тут. Надо к Петричихе сегодня сходить, может, поможет мне... Токо ты уж, Васька, никому, – осмотревшись вокруг, таинственно попросил Тихон. – А то ить, сам понимаешь, засмеют...

Василий, подкуривая трубочку, усмехается. Несмотря на большую семейную тайну, про ситуацию бездетной семьи Косолаповых знают на всех приисках. Не потому, что открытый

душой, ясный, как месяц, Тишка оказался хорошим семьянином, предан душой и телом взбалмошной, не в меру разговорчивой Лукерье. А оттого, что сама супруга имеет метровый язык, сваливая всю вину на нерадивого мужа. Она и прозвище ему подобрала такое, что язык повернется сказать при отвратительном настроении – Рохля. В понятии Лушки это равносильно тому, как обозвать полным дураком, неумехой, лентяем. Однако слишком длинные волосы женщины – прямая противоположность клеткам головного мозга. Не видит зряшная баба души своего мужа, покладистого, доброго характера. Она всегда и везде права! В том, что у них нет детей, женщина винит только Тишку. А то, что она когда-то, еще до совместной жизни, тайно посещала черную повитуху, так это в прошлом, не в счет. Тот, кого запрягли и нагрузили, будет везти до тех пор, пока ноги не подломятся.

Мужики приостановили работу, присели на короткий перекур. Непредсказуемая ссора принесла короткие минуты отдыха. Никого, кроме них, на колоде нет. Девчонки в тайге притаились. Иван за соковьем ушел. Погонщики лошадей потерялись с волоками: песок кончился, колода простаивает. Где-то там, на карьерах, едва слышны голоса людей, лают собаки. Но от колоды до разработки метров двести, из-за шума воды ничего не слышно.

Василий набил трубочку табаком, подкурил от тлеющего в стороне костра, подживил огонь, сел около Тихона:

– Что-то тихо... – затянувшись пару раз, оглядываясь по сторонам, удивленно заметил он. – Странно, будто что-то случилось.

– Да, и то верно, – поддержал напарник, втягивая шею. – Где эти коногоны? Земля кончилась.

Прошло еще какое-то время. Из леса вышли девчата, пряча глаза, стали умываться. С другой стороны тайги, грубо продираясь напролом сквозь пихтач, вывалился Иван со свежим вырубленным соковьем для лопаты. Не говоря ни слова, повернувшись спиной, он молча стал ошкуривать палку. Василий, искоса поглядывая на парня, негромко бросил Тишке:

– Эх, молодежь... Ничего, помирятся!

Еще посидели, ожидая коногонов, но безрезультатно. Теряясь в догадках по поводу несвоевременной задержки, теперь уже все заволновались:

– Да что же это они? Ныне каждая минута простоя дорога!

Наконец-то среди деревьев появились собаки. За ними, трудно не узнать, разлюбезная супруга Тихона, Лукерья. Остановившись на расстоянии, проверяя голос на высокий тон, подперев руки в бока, зряшная женщина закричала:

– Ну и что ты там сидишь, олух Царя Небесного?! Все там, а ты тутак!

Каждый понял, к кому были обращены эти слова, однако причина, по которой опять провинился муж, неизвестна. Муж находился на своем рабочем месте, а она покрывала его неуместной бранью, как будто он прятался в кустах.

– А где мне быть-то? – хлопая глазами, развел руками Тишка.

– Так там, где все! Неужели не понятно, что сейчас собрание будет?

– Какое такое собрание? – теперь уже удивились все.

– Так, власти прибыли, срочно всех собирают, речь говорить будут!

Обстановка стала проясняться. Оказывается, Лукерью отправили позвать тех, кто работал на колоде. А недовольная разнарядкой баба, считая, что все интересное пройдет мимо ее ушей, выместила свой гнев на том, кого всегда считала крайним и виноватым.

– А я откель знаю? – бросая лопату, обиженно отозвался Тихон. – Так бы и сказала – собрание! Что тайгу пугать?

Но баба его уже не слышала, убежала назад в поселение, где развивались события. За ней первыми пошли девчата. Потом горе-муж с опущенным взглядом, считая себя виноватым. За ним, повторяя шаги, Василий:

– Эх, Тишка! Долгой тебе жизнь с Лушкой покажется!

Иван замыкал шествие. Во время пути Наташа отстала от подруг, пошла медленнее, сравнялась с Иваном. Глубоко вздыхая, девушка выказывала свою вину, но не могла подобрать слов для объяснения. В это время обиженный парень, хмуро насупив брови, быстро прошел мимо нее.

На поселении у домов шумное оживление. Мужики гудят пчелиным роем. Женщины, прикладывая к лицам ладошки, переглядываясь испуганными взглядами, негромко охают. Дети и подростки, сбившись в одну кучу в стороне, со страхом смотрят на взрослых.

В центре внимания, во главе длинного летнего стола, трое военных в форме. Рядом с ними незнакомые мужики, вероятно, старатели. Приглядевшись внимательно, Иван узнал двоих. Петр Меланьин и Фома Собакин работали на соседнем прииске, неподалеку, выше по речке. Остальные пятеро, вероятно, являлись представителями других, отдаленных приисков. Трое военных в форме оказались теми лицами, с которыми он встречался позапрошлой ночью на Колбе.

В противоположность людям тайги, у военных был строгий вид, гладковыбритые лица, чистая, опрятная одежда. Старатель уделяет мало внимания своей внешности. Всегда грязные, в заношенных одеждах, косматые, небритые, они игнорируют чистоту. На то есть причины. Тяжелый физический труд, постоянная нехватка времени объясняют внешний вид работяги. Единственная отдушина цивилизации, баня, не дает полного контроля гигиены. Зато по окончании сезонных работ происходит прямо зазеркалье! Любой, самый замызганный, старатель превращается в чистюлю. Здесь тебе и новые, малиновые шаровары, кожаные сапоги, сатиновая рубашка-косоворотка, лайковый, длиннополый пиджак, высокий, с лакированным козырьком картуз, сто граммов дорогого одеколона и пышная, расчесанная тонкозубой расческой, борода. Подобный вид сразу выдает в представителе золотопромышленного старания настоящего бергала! Сейчас же с серыми, загоревшими лицами, крючковатыми, мозолистыми руками мужики были далеко не опрятны. Но это не вызывало у представителей власти надменного обращения к промышленникам.

Иван осмотрелся, ожидая увидеть бородатого Власа. Однако среди присутствующих его не было.

Когда парень и остальные подошли к собранию, разговор имел полную силу. В окружении двух спутников строгий поручик с серыми погонами на плечах, стоя перед мужиками, что-то строго, монотонно говорил тонкими, сжатыми в трубочку губами. Окружающие внимательно слушали его.

– Что случилось? – шепотом спросил Иван у Лешки Воеводина.

Тот, немало удивившись вопросу, странно посмотрел на него, потом, поняв, что его не было, наклонился к уху, ответил:

– На Шинде двоих старателей убили.

Ваня почувствовал, как внутри что-то сжалось, по спине побежал холодный пот, стрельнула огненная мысль: опять!..

А между тем немолодой, статной выправки поручик продолжал:

– ...Вы, мужики, сами знаете, что это значит. Ошибки прошлого, как видимо, не пошли в урок! Каждый год где-то кого-то грабят, убивают. Люди исчезают, а вы... Статистические данные повторяются с плачевным постоянством. Трагедии случаются в одно и то же время, под конец сезона, когда на приисках скапливаются наибольшие запасы намытого золота. Масштаб разбойных нападений не имеет границ. Преступники действуют по всему Минусинскому уезду: сегодня здесь, завтра там. Вероятно, они отлично знают тайгу, все прииски, где и сколько добывается золота, какие из них наиболее богатые. И в этом, мужики, есть доля вашей вины!

– Как это?! Что мы?! Почему мы?! – наперебой заговорили возмущенные старатели, но поручик остановил их резко поднятой рукой.

– Язык ваш – враг ваш! По окончании сезона, праздная время, под влиянием вина многие могу похвастать своими успехами. Это бандитам на руку! Уверяю вас, информация о золотодобыче распространяется с быстротой молнии. Вы об этом знаете сами, теперь посмотрите на себя...

– Что? – оглядывая друг друга, задали вопрос мужики.

– Я не о разговорах. Хочу спросить, в каком состоянии хранится добытое золото?

– Дык, вон там... В общеке, в избе Пановых, – ответил кто-то.

– Понятно, что в общеке. А кто его охраняет?

– Дык, что его охранять? На жилухе постоянно кто-то есть... Бабы, ребятишки, собаки...

– Да уж, ничего не скажешь, – усмехнулся поручик. – Нашли охрану! В прошлом году на амыльских приисках произошло смертоубийство. Среди бела дня, пока мужики были на работе, бандиты зарезали женщину-кухарку, похищено больше трех пудов золота. Три года назад, на Идре, опять же днем зарубили подростка, якобы охранявшего золото. Побойтесь Бога, мужики! Вы сами способствуете на руку злодеям. Всяк думает, что с ними этого не случится. Но ваша самоуверенность вредит вам!

– Так что же теперь? Как быть? – переглядываясь, загудели старатели. – Никогда такого не было, чтобы чужой незаметно на прииск пришел! Охранять? Как охранять? Да нынче каждый работник нужен!

– Волею и неволею, объяснив обстановку, я обязан зачитать указ губернатора Минусинского уезда, а далее думайте, как знаете... – строго заключил поручик и достал из кожаной сумки папку с бумагами.

Старатели притихли так, что было слышно, как лошади на траве переступают ногами. Шутка ли – сам губернатор указ издал! Знать, заботится, интересуется проблемами людей тайги!

Поручик еще некоторое время подождал, подчеркивая значимость момента, внимательно посмотрел на плотный, подбитый гербовой печатью лист, начал читать:

– «УКАЗ Его Превосходительства губернатора Минусинского уезда. В связи с критической ситуацией, связанной с золотодобывающим делом, трагическими случаями на приисках, предпринимаю следующие действия:

1. Во избежание подобных случаев, именуемых покушением на жизнь людей с целью захвата золота, приказываю усилить вооруженную охрану золотодобывающих приисков.

2. Для намеренной охраны золота приказываю призвать вооруженный казачий взвод под началом атамана Мелехова.

3. На главных сообщениях между приисками выставить конные разъезды.

4. Для расследования преступлений, розыска и поимки виновных в разбоях привлечь силы тайной полиции.

5. На золотодобывающих приисках установить постоянную охрану отмытого золота из числа местных, благонадежных рабочих.

6. Доставку золота с приисков на пункты приема производить под усиленной охраной специального вооруженного конвоя.

7. Контроль за вышеизложенными предписаниями поручить начальнику уездной полиции полковнику Молотову.

8. Содержание документа довести на всех больших и малых приисков Минусинского уезда. Губернатор Минусинского уезда, почетный гражданин города г-н Н-ский. Сентября 5, года 1906. Подпись».

Среди старателей надолго воцарилось молчание. Мужики угрюмо смотрели на поручика, ожидая его дальнейших действий. Однако тот медлил с ответом, полагаясь на реакцию людей. И она не заставила себя долго ждать.

– Да уж... Сам губернатор заинтересован в расследовании! – задумчиво выдал Григорий Усольцев. – Это тебе не хухры-мухры!

– И правильно! – выкрикнул дед Павел Казанцев. – Сколько лет нас убивают, грабят, и дела нет никому!

– Верно! Ловить их надо! Вешать на первом сучке! Почему все эти годы власти молчали? Где раньше были? – перебивая друг друга, повышая и угрожая невидимым врагам, загалдели старатели. – По закону тайги их... На муравейник! В костер заживо! Как наши деды и отцы делали!

– В том, что вы сможете свершить самосуд, я не сомневаюсь! – перебил всех поручик. – Возможно, в какой-то степени в этом есть ваше право. Однако прежде, чем наказать, сначала поймите, а потом кричите!

– И поймаем! Ловили! Было дело! Вешали, жгли!

– Да, ловили, – стараясь перекрычать толпу, размахивал руками поручик. – Но кого? Одиночек? Тех, кто на тропе мужиков убивал за пятьсот граммов... Когда это было? А здесь сколько лет... Может, лет десять как банда в уезде орудует, и никто ничего сделать не может! Понятно, что здесь грабит не один и не два человека. Разбойники промышляют по-крупному, счет золота идет пудами, человеческие жизни не единичны! С каждым годом они все наглее, а толку никакого.

– А что с вас толку, с власти? Порядок навести не можете...

– Правильно говорите. Мы не сможем навести порядок до тех пор, пока вы нам в этом не поможете, сами себя не защитите!

На этом поручик посчитал собрание оконченным. Несмотря на волнующуюся бурю продолжавшихся разговоров, он обратился к Григорию Феоктистовичу:

– Вы здесь старший прииска? Мне надлежит с вами уладить несколько вопросов. Скажите, где мы сможем с вами переговорить наедине?

– Пройдемте в мою избенку, – предложил тот, указывая рукой на свое жилище, – там нам никто не мешает.

Они прошли в дом, закрыли за собой дверь, остались одни.

– Так сказать... – усевшись на чурку, осматривая низкое, небольшое помещение для жилья, начал поручик. – Это, так сказать, я полагаю, и есть то место, где вы храните золото?

– Да, – спокойно ответил Григорий.

– И где же оно?

– Вон, в ящике под нарами.

Поручик вскочил с чурки, подошел к узким нарам в углу, заглянул под них, растерянно покачал головой:

– Так-с... Просто нет слов. И сколько здесь?

Немного помолчав, Григорий назвал цифру.

– Н-ндас... Ну и дела у вас... Впрочем, как и везде. И что, сюда может войти любой?

– Почему любой? Только свои, из семьи. Другие старатели по разрешению. Не проходной двор...

– Так-с, понятно. И старатели доверяют вам?

– Как это, доверяют? – не понял Григорий.

– Ну, в том смысле, что кто-то может взять какую-то часть золота без ведома.

– Без спросу, что-ли? Кто это возьмет, пока я не разрешу? – удивлению Григория Феоктистовича не было предела.

– Ну, мало ли...

– Это вы, ваше высокоблагородие, извините! У нас такого нет, чтобы без разрешения кто-то в чужих вещах копался. За это знаете, что бывает?

– Понятно-с... – опять присаживаясь на чурку, удовлетворенно ответил поручик. – Значит, люди вам доверяют. И вы им.

– Точно так. Без этого никак нельзя!

– Ясно. А что, про ящик с золотом знают все?

– Да. Все, кто работает на приiske.

– Хорошо-с. А скажите, Григорий, в то время, когда вы работаете, здесь кто-то остается?

– Да, конечно. Вон, каждый день по хозяйству две бабы хлопочут, есть варят, за скотиной ухаживают, стирают, за ребятишками приглядывают.

– Понятно-с... Значит, защиты никакой. Это, уважаемый Григорий, очень плохо! Свидетельствуя предписанию и приказу губернатора теперь у ваших дверей должны стоять два вооруженных человека, охранять золото!

– Че-е-его? Ну уж... – растерянно развел руками Григорий, – так и два! Где их взять-то? Каждые руки на учете! Да у нас и ружей-то нет, вон, только старая фузея. Да к ней свинчатки нет, всю постреляли!

– Это не моя забота! Я вас ознакомил с предписанием. Теперь – дело ваше, что хотите, то и делайте. Но, чтобы люди стояли! С ружьями, конечно, проблема. Советую вам в будущем за продажу золота приобрести два ружья. Ну, а сейчас даже не знаю, как быть... Хорошо-с! Прикажу-с своим, чтобы вам до конца сезона оставили один карабин под подписку. Потом вернете... – глубоко обдумывая ситуацию, нашел выход поручик и повторился: – Но чтобы люди у дверей стояли! Два человека! Не меньше! Сами понимаете, времена какие! – и уже с усмешкой: – Ну-с, дорогой человек, и дела у вас! Такое богатство под кроватью держите, и никто за ним не смотрит! На других приисках ситуация все же гораздо лучше. Вон, у чибижекских специальный склад. Там хранят продукты и золото. А у дверей постоянно человек с ружьем!

– Не обжились еще, – оправдываясь, развел руками Григорий. – Чибижекские что? Они на своих местах по сто лет золото моют! А мы только третий год, как работать начали. Избы надо построить, барак, баню большую. На все времени не хватает. А продукты мы на лабазах храним. Так лучше. Мыши не попадают, собаки не тащат.

Хлопнув дверью, вошел Иван. Поручик внимательно посмотрел на парня, удивленно вскинул брови:

– Однако-с, молодой человек, где-то я вас видел!

– Да уж, точно, – подтвердил юноша. – Позапрошлой ночью на Колбе. Я тогда в Чибижек ехал, а вы в бараке ночевали. С вами тогда еще Влас бородатый был.

– Точно-с! – улыбаясь, протянул руку поручик. – Я так-с, полагаю, вы, молодой человек, сын Григория?

– Да.

– Вот и хорошо! Как раз кстати! Вы здесь, в этом доме живете? Прекрасно-с! Тогда, как говорится, вам и карты в руки. Отцу, я понимаю, некогда с делами охраны управляться. А вот вы возьмите эту обязанность на себя.

– Как это? – растерялся Иван, глядя на отца.

– Надо организовать караул, – пояснил поручик, – охранять золото. Лично вам сейчас выдадут оружие. Покажут, как обращаться. А вы составите очередность охраны. Ну, скажем, так-с, можно повременную или на день. Выбирайте кого-то из мужиков, назначайте и контролируйте весь процесс.

– Так смогу ли я?

– Сможете! – отрезал поручик и, открыв дверь, крикнул: – Посохов! Федор! Дай парню свое оружие. Да покажи, как стреляет!

Иван и забыл, зачем в избу вошел, хотел что-то у отца спросить, но новую обязанность за одну минуту приобрел!

Пока Федор объяснял Ивану принцип работы карабина, поручик сел за стол писать какие-то бумаги. Григорий Феокистович вдруг вспомнил о Власе бородатом:

– А где же ваш проводник? Иван рассказывал, что вы тогда с Власом были.

– Бердюгин? – не отрываясь от бумаг, переспросил поручик. – По делам уехал. А вы что, знакомы?

– Да уж, было дело, – усмехнувшись в бороду, вспомнил Григорий. – Прошлый год на гулянке говорили по промыслу. Да кто тайгу лучше знает.

– Ну, это вы уж слишком! – с нескрываемым чувством превосходства оторвался от письма поручик. – Так, как Влас тайгу знает, ее не знает никто!

– Ну уж и не знает?

– Можете поверить! Он еще десять лет назад водил казаков по Саянам, помогал китайцев-спиртоносов ловить. Бердюгин у нас на хорошем счету, не одного беглого каторжника поймал. А то громкое дело помните, когда купцов убивали на тропе на Шинде? Это он помог найти и обезвредить братьев Исаевых. Так что в его адрес плохого слова не найти. Царю и Отечеству, да и вам, старателям, неоценимую услугу приносит, хоть и не состоит на государственной службе. Вот и сейчас, – поручик понизил голос, – скажу вам по секрету: Влас один уехал к монгольской границе, тропы проверить, убедиться, не пожаловали ли к нам опять желтолицы?! Такую версию тоже нельзя исключать. Золото всех лихорадит.

– Это так, – задумчиво подтвердил Григорий. – Значит, не увидимся мы с ним нынче.

– Не знаю. Это как дела пойдут. Может, и увидите. А что, у вас к нему какое-то дело есть?

– Да вышел спор у нас, как можно за кустом жимолости желтые камни искать... Обещал показать.

– Ну уж, так и за кустом жимолости! – засмеялся поручик. – Это, наверное, он вам байку предоставил! Он их, ох, как много знает!

– Вот и я про то же говорю.

– Так это надо вам с ним лично встречаться. Что же, увижу, напомним ему про ваш разговор.

С этими словами поручик стал собираться:

– Пора в дорогу!

– Так что же, отобедайте с нами! – засуетился Григорий Феокистович.

– Спасибо за предложение, но... дела! В другой раз, – направляясь к двери, ответил поручик. – Сегодня надо еще три прииска объехать.

Незнакомец

Бабуля Петрикова улыбается тонкими губами: больному лучше с каждым днем, и в этом есть ее заслуга. Ежедневные запарки в колоде не проходят даром, таежные травы делают свое дело. Михаил Самойлов сам поднимает ноги, переворачивается с боку набок, а сегодня утром без посторонней помощи сел на нарах.

– Ах, сердешный, ах, страдалец! – бесконечно осеняя себя и медвежатника крестом, щебечет старушка. – Потерпи, родной! Еще немного, и побежишь! Вовремя, однакось, спохватились-то. Не дали параличу разгуляться, на корне прихватили, – и, ласково поглаживая больного по голове сухощавой ладошкой, – уже еси, будешь меня долго вспоминать!

– Спасибо, мать! – щедро, но с суровым лицом рассыпается благодарностью Михаил. – Пока жив буду, не забуду! Как поймаю следующего медведя, так тебе шкура!

– На кой ляд мне шкура? – качает головой Петричиха. – Мне по жизни от матери Закон – людей лечить! Святое дело! А шкуры не надо. Может, только сало медвежье, четвертинку, для снадобьев выделишь. И на том спасибо!

– Что ты, мать? Какая четвертинка? Всякий раз, как будет нужда, приходи! Что у меня в погребе будет, то для тебя никогда не пожалею!

На том и порешили.

Знахарка суетится, вновь готовит отвар для колоды: больного надо каждый день в бане парить, чтобы процесс восстановления был положительным. Для этого дела девчата в округе все травы собрали. Однако Петричиха неумолима: делайте, что говорю, ходите, куда вздумается, но чтобы к вечеру зверобой, кашкара, маралий корень были! Иначе колоду не запарить.

Сегодня Наташа Шафранова на кухне вместе с Лукерьей Косолаповой готовит обед, управляет хозяйством. Большая часть работы выполнена. Коровы подоены, пошли на выпас. Конь Михаила Самойлова стреноженный прыгает по поляне. Собаки медвежатника Туман и Тихон привязаны под кедром, томятся в неволе, ждут хозяина. Остальные приисковые лайки воровито крутятся около костра, где варится обед. За ними нужен глаз да глаз. Стоит ненадолго притупить внимание, как какая-нибудь уже лезет в котел с едой, желая утащить кусок мяса.

Низкое солнце быстро плывет к рогам кедра. Скоро наступит время обеда. Наташа хочет помочь ревнивой Лукерье, но та не подпускает ее к костру:

– Сама сварю! Иди лучше дров принеси, воды, посуду готовь.

– Все давно готово, – тихо отвечает девушка, но старшая непреклонна, желает делать все сама.

– Возьми стекло, стол поскобли, – находит Лушка работу помощнице, давая понять, кто здесь старшая.

Наташа отошла к чистому столу бесполезно перебирать железные чашки.

У порога Пановых, на широкой кедровой чурке, прислонившись спиной к стене, храпит Мишка Лавренов. Шапка на глазах, фуфайка распахнута, сильные, крепкие руки обвисли плетьюми. Оружие часового, короткоствольный карабин, свалилось с колен на землю. Но Мишка не замечает этого, продолжает спать. Устал парень от ежедневной старательской работы. Заступив в очередной караул, он не удержался от соблазна, заснул, пригравшись на солнышке.

Знахарка Петричиха, увидев его, едва слышно, тихими шагами подошла к нему, подняла ружье с земли, приставила рядом к стене, запахла на груди телогрейку:

– Уснул, сердешный... Ишь, как земляца-то силы отнимает, мужик на ходу засыпает!

Мишка не пошевелился, продолжая спать с открытым ртом.

Лукерья, не удержавшись, зачерпнула полный берестяной ковш холодной воды, подкравшись, плеснула Мишке в лицо. Тот подскочил, кашляя, замахал руками, закрутил головой, не

понимая, что происходит. Лушка хохочет от удовольствия. Мишка сжимает кулаки. Петричиха укоряет зряшную бабу в неразумном поступке. Наташа со стороны смотрит, перебирая в руках деревянные ложки.

– Ты что, баба, белены объелась? – кричит Мишка, отряхивая мокрую одежду. – Сейчас между глаз деревякой заеду! – замахиваясь прикладом, грозит он.

– А ну, попробуй! – наступает грудью Лукерья. – Нечего спать! Ишь, разоспался! Тебе что сказали: сиди, карауль! А ты храпишь, как дятел на сушине!

– А что будет-то?

– Дверь охраняй!

– От кого ее охранять? От тебя, что ли? – скрипит зубами Мишка. – Век никто в домах не воровал!

– Тебя поставили, значит карауль!

– Ну и буду! Завидуешь, что тебя не поставили?

– Больно мне это надо!

– Конечно, тебе не доверят, потому что ты дура!

– Я дура?! А ты...

И началось! Перебранка двух сторон разразилась шквальным ураганом. С одной стороны Лукерья. С противоположной – Мишка, мужик-работяга. Может, все бы и обошлось, посмеялись, да и ладно. Но нет. Скандальная женщина любит снять стресс, попить кровушки у того, кто с ней не согласен. Лушке что? У нее каждый день перепалки с приисковыми жителями. А паренек вступил в конфликт по причине общей физической усталости, нервного раздражения. Конец старательского сезона выматывает все силы, лишнюю минуту отдохнуть – счастье. А Лушка его прервала.

Долго ли, коротко ли длилась ругань. Может, у соперников дело дошло бы и до рукоприкладства. Лукерья, конь-баба, любому мужику нос набок свернет. Так бы и случилось, но бабка Петричиха костер потушила, подскочила, осадила стороны криком: «Замолчите! Хватит!» На этом все и кончилось. Парочка разбежались по своим местам, покинула поле боя. Уважают бабку Петричиху люди, как Григория Панова. Не дай бог одного слова ослушаться!

Над поселением повисла тишина. Даже собаки по сторонам разбежались, поджав хвосты. Но недолго. У бабки Петриковой новая забота: кончился каменный зверобой. Скоро Самойлова Михаила лечить, а лекарственного снадобья нет. Плохо дело, когда какого-то компонента не хватает. В этом вопросе знахарка щепетильная, не любит недочета в работе. Понимая это, она обратилась к Наташе:

– А сходи-ка ты, красна девонька, во-он на ту скалку! – показала на гору. – Нарви зверобоя каменного. Кончился корень, без него никак! А я тут, если что надо, Лукерье пособлю.

Наталя рада исполнить любую просьбу старушки. Девушка поправила платок, взяла из рук Петричихи сумку, поспешила к указанному месту. Чтобы одной не страшно было, позвала за собой собак. Однако те, чувствуя время обеда, откликнулись равнодушием. Лишь одна Белка, виляя задом, закрутилась возле хозяйки, но увидев, что лохматые соплеменники остались караулить казан, вернулась на свое место. Гордые кобели Михаила Самойлова Туман и Тихон, наострив уши, чутко приносясь к ветру, дернулись за девушкой, но короткие поводки не пустили.

Поспешила Наташа в гору. До скалы метров пятьсот. Ближе корня нет, все выдрали. Для девушки это не расстояние. Молодость не знает границ, когда поручение выполняется с душой.

Под знакомым деревом путница замедлила шаг, приостановилась, с грустью в глазах посмотрела на место свидания с Иваном. Как все было хорошо! Возлюбленный ей предложил выйти замуж, а она в пылу свой неприступной молодости ответила капризом. Вдобавок к этому на следующий день наговорила ему обидных слов. Теперь он не смотрит в ее сторону. Как вернуть прежнюю любовь? Трагедия...

Дорога в гору нелегка, но Наташа не думает об этом. Расстояние и усталость отступили на второй план. В голове одни воспоминания о том, как сегодня утром Ваня прошел мимо, не поздоровался. Она хотела ему что-то сказать, но он поспешил уйти.

А вот и та скала, куда ее отправила знахарка. Чтобы добраться к корню, скалу надо обойти. Там, сверху, есть каменные уступы, легче добираться к лекарственным растениям. Пробираясь сквозь пихтач, девушка вышла на небольшую полянку и... остановилась от удивления. На другой стороне, привязанный за уздечку к пихте, стоит конь. Наташа растерялась, не понимая, как стреноженный мерин Михаила Самойлова успел опередить ее? Когда она пошла сюда, Карька мирно лежал у речки там, между домами. А потом вдруг как кипятком обожгло: да это же не Карька! Это чужой, вороной, с белой звездочкой во лбу. Таких лошадей у них нет. У них три коня рыжей, бурой масти. Карька Михаила – цвета кедровой коры. И на соседних приисках все лошади невысокого роста, коренастые монголки. А этот мерин высокий, длинноногий, с блестящей, переливающейся шкурой. Тогда, чей же это конь, почему он здесь?

Страшная догадка мелькнула в голове Наташи. Девушка подалась назад, присела в густой подсаде, ожидая самого плохого.

Но ничего не происходило. Вороной конь, спокойно посмотрев на нее, отвернулся, закусил удила, опустил голову к траве. Рядом с ним никого не было. Это привело наблюдательницу в трепет. Осторожно раздвигая ветки пихты, она посмотрела по сторонам, выискивая глазами хозяина. На это ушло немало времени. Как тихоня ни старалась, не могла найти того, кто приехал сюда, прячась от людских глаз. Возможно, наблюдения и остались бы безрезультатны, если бы он себя не обнаружил сам.

Небольшое движение на скале привлекло внимание. Девушка посмотрела вверх и увидела мужчину. Если бы он не изменил положение тела, среди слившихся камней обнаружить его в защитной одежде было бы непросто.

Он лежал на вершине скалы левым боком к Наташе. До него было около пятидесяти метров. Девушке оставалось удивляться, как он не заметил ее появления. Впрочем, это было объяснимо: мужик был занят наблюдениями. Он смотрел вниз, на прииск, постоянно прикладывая к глазам длинную палочку. Густые, русые волосы, пышная борода ни о чем не говорили: так выглядели все люди тайги. Наталья его не знала. А вот кожаные сапоги выдавали в незнакомце человека достатка. Подавляющая масса старателей и охотников в тайге обуты в броди или чуни. Сапоги никто не носит: себе дороже. Рядом с человеком лежало хорошее, новое ружье, в этом девушка была уверена. Только не военное. Очевидно, что к служивым людям мужик не относился. Это дало Наташе новую пищу для размышления. Недавний приезд солдат, разговоры о смерти старателей, охрана золота на прииске привели к страшной догадке. Почему человек прячется от старателей? Молодая особа уже не сомневалась, что между всем была прямая связь.

Незнакомец не видел незваную гостью, продолжал наблюдать за прииском. Осторожно, стараясь не шуметь и не обратить на себя внимания, девица поползла в тайгу, а потом пустилась бежать. Быстрее! Как можно скорее надо предупредить мужиков! Пусть они разбираются, кто он такой. Может, это и есть тот самый убийца?

К поселению красавица подлетела, как ветер. Запыхавшись, на минутку она остановилась, прислонившись к стене избы, восстанавливая рвущееся дыхание. Все, кто был там, в страхе смотрели ей за спину: не гонится ли медведь?

– Что случилось? Кто тебя напугал? Почему бежишь? – спрашивал Мишка, но девушка пока не могла ответить – не хватало воздуха для слов.

Вместо нее заговорили собаки. Оскалившись, со взбитыми шерстью загривками Туман и Тихон напружинились, разом залаяли, пытаясь сорваться с поводков. Вместе с ними, поджав хвосты, бросаясь под ноги хозяевам, затыкали остальные приисковые псы. Народ в недоумении смотрел по сторонам, выискивая опасность. Мишка Лавренов с карабином в руках отсту-

пил в сторону невидимой опасности. Бабка Петричиха, приложив ко лбу сухую ладонь, смотрела на черную тайгу. Лушка, схватив в руки топор, боязливо пряталась за спину Мишки. Все ждали погони, следующей за юной жительницей прииска, но опасность была не там.

Мишка наконец-то сообразил, что зверовые кобели рвут и мечут, показывают в противоположную сторону, откуда прибежала Наташа. Там, за речкой, происходило что-то страшное: трещали кусты, лопалось дерево, глухой, утробный рык пугал тайгу. Перепуганные собаки метались между домами, выискивая укрытие. От леса, далеко выставя стреноженные ноги, прыгал к людям испуганный Карька. Еще не понимая, что происходит, Мишка закрутился на месте: «Где? Что? Кого?» Однако жестокая картина проявилась в ту же секунду.

На луговую прибрежную поляну из тайги вылетела обезумевшая корова. С высоко поднятыми рогами, вытянутым хвостом, преодолевая все имевшиеся препятствия напролом, дойная скотина Веретенниковых выказывала такую скорость, что мог позавидовать любой конь. Не разбирая дороги, она бросилась в ключ, в два прыжка очутилась на противоположном берегу, пробежала мимо людей и, не останавливаясь, выбив рогами дверь, заскочила в приземистый проем стайки. Следом, покрывая тайгу захватывающим призывом о помощи, отстав на значительное расстояние, тянулась корова Шафрановых. За ней, стараясь удержать корову на месте, вцепившись в хвост, упираясь в мягкую землю сильными лапами, тащился черный, белогрудый медведь.

Страшная картина дикой охоты вызвала у людей недоумение. Лукерья вилась, бегала вокруг костра с обезумевшими глазами. Бабка Петричиха била поварешкой в пустое ведро. Наташа гремела чашками. Мишка Лавренов, упав на одно колено, искал на карабине курок. Вокруг людей, путаясь под ногами и мешая, метались приисковые собаки. Крики, грохот, шум, мычание слились в беспорядочный гвалт.

Не обращая внимания на шум, медведь вел себя агрессивно. Зверь не боялся людей. Жалкие собаки были трусливыми зайцами. Он был здесь хозяин. Корова – его очередная добыча. Испытав однажды вкус легкой наживы, косолапый не мог отказаться от очередной жертвы. Безнаказанность прошлых побед сделала его наглым, самоуверенным хищником, который не знал границ уважения к людям. Возможно, если бы в то мгновение в лапах оказался человек, то был бы разорван, не задумываясь.

Сгруппировавшись комком слитых мышц, неожиданный гость присел на задних лапах, осадил обреченную корову и тут же прыгнул ей на спину. Не устояв под весом и натиском грузного тела, бедная Дочка упала на землю. Прощальный крик помощи последний раз вырвался из хрипящего горла животного и угас. Клыки зверя сомкнулись на затылке добычи. Сильные, резкие удары крючковатых лап медведя посыпались на жертву опавшими шишками кедра.

От разработок бежали мужики. Во весь голос кричали женщины. За спинами взрослых прятались дети и подростки. Гремела посуда. Звенело железо. Визжали собаки. Рваное эхо прыгало с горы на гору. Растерявшийся Мишка все не мог разобраться с затвором карабина. Медведь не обращал ни на кого внимания. Бросая злые взгляды через ручей на людей, зверь торопливо рвал теплое, живое вымя коровы.

Сзади, из-за порога дома, на руках выполз Михаил Самойлов. Быстро оценив ситуацию, медвежатник окликнул Наталью:

– Собак! Собак моих отпусти!

Девушка поняла, что он хочет, побежала под дерево. Осознавая, что Мишка не может разобраться с карабином, Самойлов отрезвил парня:

– Мое ружье возьми! Вон, в избушке на нарах лежит!

Пока горе-медвежатник бегал за двустволкой, прибежали старатели. Толпой, с ножами, топорами, кирками, ломами они бросились через речку к лохматому разбойнику. Не ожидая подобного, зверь угрожающее заревел, ощерился красными клыками, взбил на загривке шерсть: не подходи! Однако мужики не дрогнули. Плечом к плечу, образовав полукруг, ста-

ратели пошли на обидчика стеной. Чувствуя надвигающийся напор, хищник завизжал, словно поросенок, замотал головой, предупреждая прыгнул вперед, но опять отскочил назад: слишком велика сила!

Откуда-то сбоку вылетели собаки. Впереди Туман, за ним Тихон, отважно бросились на убийцу, окружили с двух сторон, поочередно умело наскакивая и кусая его.

Зверь взбесился, заметался по поляне, стараясь поймать лаек. Однако это ему не удавалось. Опытные кобели-медвежатники ускользали от лап, как вода с пальцев, тут же появляясь сзади, хватали разбойника за штаны, удерживая на месте. Решительно настроенные люди приближались стеной. Вот еще несколько шагов, и задавленная корова оказалась за их спинами. Не желая расставаться с добычей, медведь бросился на врагов, но встретил яростное сопротивление. На него обрушился град ударов. Топоры, заступы, колья в крепких руках рабочих были грозным оружием. Стараясь наброситься на кого-то из мужиков, зверь тут же получал удар топором с другой стороны. Чувствительные клыки собак впивались в зад противника колкими иголками. Реагируя на них, косолапый поворачивался волчком, стараясь поймать и разорвать каждого, кто мог подвернуться, но в очередной раз ловил пустоту.

Преимущество было явно на стороне людей. Чувство самосохранения обидчика решило исход битвы. В очередной раз бросившись на колья и топоры, он круто развернулся и, сорвавшись с места в мах, бросился бежать. Туман и Тихон пытались остановить беглеца, но помешал густой пихтач. Ломая грузным телом курослеп и подсаду, слепо клацая мощными челюстями, хозяин тайги длинными прыжками, напролом пошел прочь от позорного места поражения. Треск ломаемых сучьев, звонкий лай стали быстро удаляться, продвинулись в гору и очень быстро стихли вдали.

Разнопестрая свора приисковых шавок теперь уже с поднятыми хвостами бахвально облаивали след убежавшего в тайгу врага. Возбужденные от случившего, старатели горячо обсуждали событие. Мужики выиграли бой со зверем и остались довольны. Хотя цена победы стоила слез. Еще одна бездыханная корова лежала рядом с ними. Это наводило на размышления. Старатели хватались за бороды, чесали затылки, тяжело вздыхали, переживая трагедию. Десятки вопросов срывались с губ, но не находили ответа.

– Как так? Почему? Медведицу убили, а этот откуда взялся? Ишь, какой наглый, прямо у дверей дома напал! А здоровенный – ужас! Микишка? А ты ж что, лук ядреный, не стрелял? Ишо в медвежатниках ходишь, с десяти метров не мог зверя стрелить... – посыпались упреки в адрес часового, считая его крайним в случившемся. – Нашто тебе в руки ружжо дадено?

– Дык я ж что... – тряс губами Мишка Лавренов, переживая конфуз. – Я хотел, да ружье не мое. Я же из него ни разу не стрелял. А у Самойлова на нарах... А в фузее свинца нет.

Мужики медленно потянулись к костру: пора обедать! Война войной, а обед по распорядку.

Иван Панов с Тишкой Косолаповым расспрашивали о случившемся. До колоды, где они работали, больше трехсот метров. Они слышали лай собак, крики, но прибежали позже и не видели всего, что произошло на поляне у домов. Раскрасневшаяся Лушка, выпучив глаза, скоро размахивая руками, торопилась рассказать им, как все было:

– ...а он из лесу! Как колода! Здоровый! И на меня! А я его... поварешкой!

Иван плохо слушает ее, смотрит на Наталью. Девушка ответно смотрит ему в глаза, понимая, что он переживал за нее. Недолгое приветствие длилось несколько секунд. Оба поняли, как они дороги друг другу. Подруга видела, что возлюбленный больше не сердится. Парень тяжело вздыхает: хорошо, что все так обошлось.

Наташу вдруг как бичом подбили: вспомнила! Несколько решительных шагов, и она потянула его за рукав:

– Ваня! Ваня! Там, на скале, чужой человек!

Белогрудый медвежонок

Тихие, черные ночи были холодны и пусты. Страх одиночества пугал медвежонка оскалом неизведанного. Первый раз за всю свою непродолжительную жизнь белогрудый остался без матери и сестры один. Страшная трагедия черной пустотой неизбежности перечеркнула благодатное постоянство прошлого. Ласковый мир вчерашнего дня раскололся старой, сгнившей от времени лесиной на ветру. Коварство дикого мира ощерилось острыми клыками росомахи. Опасность бытия принесла обитателю строгие законы тайги: или ты, или тебя.

За все время, что молодой отпрыск находился рядом с матерью, он не думал о собственной защите. Старая медведица могла постоять за своих детей в любое мгновение. Добрая мать была строгой хозяйкой своей территории, на которой не было врагов. Ее непревзойденная сила и мощь ограждали родных от любой неожиданной опасности. Жизнь под боком такой защитницы казалась добрым, легким облачком. Воля, покровительство, изобилие пищи несли зверям покой. Маленький сын не думал о будущем, не хотел знать, что будет дальше. Каждый день жизни походил на прошедший. Казалось, что детскому счастью не будет конца.

И вдруг все изменилось. Страшная трагедия, смерть матери и сестры расколола жизнь белогрудого надвое: до и после. Радужное утро превратилось в зябкую осень. Холод одиночества принес страх и неизвестность. Над медвежонком нависла угроза смерти. Теперь у него не было защиты, любви и покровительства. Коварный враг – жестокость в единении с природой – оскалом свирепого зверя задышал ему в затылок.

В первые часы после смерти матери и сестры детеныш был объят ужасом. Люди, собаки, выстрелы, бегство повергли звереныша в панику. До этого дня он еще ни разу не сталкивался со своим кровным врагом – человеком. Мудрая мать всегда заблаговременно уводила своих чад далеко от поселений. Но люди сами пришли за ними. Ошибка охотника уничтожила мир, покой и благоденствие в жизни еще небольшого создания, породив в нем жестокость и план мести.

Чудом избежав смерти, спрыгнув с дерева, косолапый долго и беспорядочно метался по тайге, бежал куда-то прочь от страшного места. Врожденное чувство самосохранения гнало долго, до тех пор, пока он не выбился из сил. Детеныш не заметил, как преодолел большой водораздельный перевал, перескочил через глубокий лог, переплыл стремительную реку и очутился на большой подгольцовой россыпи. Над ним, во всем хмуром, но прекрасном великолепии возвышался туполобый, покатым белок. Не в силах больше передвигаться, белогрудый остановился на краю хаотически нагроможденного курумника, напрягая все свои чувства восприятия назад, на свой приходной след. Он ждал своих преследователей, вязких, неукротимых охотничьих собак. Белогрудый видел, как четвероногие слуги человека безбоязненно нападали, рвали, терзали мать. В один миг собаки стали для него порождением страха, ужаса, смерти. Любое живое существо с нормальными чувствами и восприятиями боится этого больше всего. Малыш не был исключением.

Далекая россыпь принесла спасшемуся детенышу час некоторого облегчения. Ожидая погони, он долго слушал хмурую тишину, напрягал слух, зрение, обоняние. Легкая дрожь проходила по телу от представления, что вот сейчас, как из ниоткуда, появятся злые псы и разорвут его на части. Выправившись корявым, обгоревшим пеньком, стоя на задних лапках, медвежонок долго, напряженно смотрел вниз, в глубь распада, откуда он только что прибежал. Вдруг услышав подозрительный шорох, беглец менял место, бежал по камням выше на какое-то расстояние, опять останавливался, вставал на задние лапы и опять слушал. Природный инстинкт подсказывал, что уходить от опасности, прятать следы лучше всего в воде и на камнях. Проточная вода мгновенно слизывала отпечатки лап. Холодные камни быстрее всего растворяли запахи. Сейчас курумы были его защитниками. Безжизненные нагромождения глыб несли спа-

сение. Защитный цвет отлично прятал любого зверя. Вольный ветер разрывал насыщенные наветы разгоряченного тела. Яркое солнце быстро сжигало следы.

Прошло немало времени. Медвежонок ждал. Круглые уши ловили малейший шорох. Большой черный нос улавливал любой запах. Маленькие глазки замечали самое незаметное передвижение. Далеко в стороне пролетела кедровка. Детеныш напрягнулся, словно упругая ветка под снегом, но, услышав знакомый трепет крыльев, обмяк, успокоился. Внизу, под россыпью, свистнул работяга-шадак (лесная пищуха), звереныш резко повернул голову. Из-за отрога налетел прохладный сивер, закачал ветки низкорослых кедров. Скрывающийся от врагов топтыга вскочил, долго стоял, вздыбив загромок. Однако все это было не то. Естественные запахи и звуки не несли опасность.

Постепенно белогрудый успокоился, но только лишь от страха возможной погони. В его сознании росло другое, более тревожное представление. Он был один. Его окружал другой, незнакомый мир тайги, без матери и сестры. Это пугало его. Сейчас, после незабываемой встряски, он боялся каждого куста. Как никогда, ему были необходимы покровительство, любовь, ласка родственных душ, которых не было.

Маленький одиночка негромко, призывно закричал тонким, волнующим душу голосом. Так было всегда, когда он и сестра на недолгое время оставались одни. Прохладный ветер разметал порыв души на небольшое расстояние. Мертвые камни, поникшие деревья, насторожившиеся деревья ответили безмолвием: тебя никто не слышит. Кажется, роковитый ключ умерил свой бег по рваным камням, притушил шум прозрачной воды, но только и это не помогло: белогрудый медвежонок был один.

Он звал долго, настойчиво, упорно, как солнечный луч топит толстый лед. Его хрипловатый голос упирался в противоположный склон горы, ответно прилетал назад, поджигал разум, доставлял надежду, звал за собой, но тут же исчезал, охмуря память тревожным прошлым. Звереныш спешил, обманываясь эхом собственного крика. А не дождавшись ответа, беспомощно садился, опускал голову и плакал. Из его серых, печальных глаз текли частые, прозрачные слезы. Скатываясь на скрещенные лапы, они мочили гладкую шерсть. Сирота слизывал их горячим, длинным языком, чувствовал соль, и от этого ему становилось еще тяжелее.

Над камнями мелькнула и зависла мягкая тень. Черный коршун, услышав детский голос, завис над медвежонком, приняв его за раненого зайца. Испуганный белогрудый вмиг перевернулся на спину, оскалил клыки, насторожил когти, защищая свою жизнь. Пернатый хищник, едва не вцепившись зверенышу в спину, успел изменить траекторию стремительного полета, бросился в сторону. Не по клюву добыча! Не справиться коршуну с такой добычей, как бы тот ни был слаб и беззащитен в данную минуту, он сможет дать отпор стервятнику. Отлетел коршун на приличное расстояние, сел на сухой сук кедра, косо посмотрел на будущего хозяина тайги, сипло запищал бесполезную песню об утраченном времени.

Немного погодя из густой чащи мягко, бесшумно выскользнул огромный филин. Слепо уставившись круглыми глазами на лесное дитя, ночной воин распушил седые перья, принимая солнечную ванну. И ему не совладать с медвежонком. Знает филин, чего будет стоить нападение. Самому бы не распрощаться со скрытной жизнью.

Где-то далеко щелкнули, осыпались камни под костяными ногами. На опалину курумника выскочил сокжой (олень). Замерев на месте великолепными, крутыми рогами, чуткий хор (самец) грубо хрюкнул губами, призывая за собой свадебный кортеж. За ним, цокая копытами по камням, выскочили две покорные оленухи с прошлогодними сеголетками. Сокжой вытянули головы, слышали голос медвежонка. Жалобный призыв белогрудого вызвал у оленей волнение. Копытные животные понимали, что кто-то просит помощи, но еще не видели звереныша. Может быть, любопытные сокжой подошли бы ближе к молящему, спустились вниз, но вольный ветер принес оленям запах медведя. Тревожно рюхая, испуганные рогатые убежали прочь от опасного места.

Косолапый опять остался один. Равнодушный филин, тяжело взмахнув мягкими крыльями, скрылся в тайге. Воспользовавшись потоками восходящего воздуха, черный коршун набрал высоту, скрылся за каменным отрогом. Рябые кедровки разлетелись по кедровой колке. И только лишь неутомимый шадак, звонко посвистывая в пустотах курумов, не обращая внимания на лохматого соседа, продолжал готовить запас корма на долгую зиму.

Тоскливое солнце завалилось за плоский перевал. Длинная тень принесла неуютную прохладу. Сжались холодные камни. В гремучем ключе загустела прозрачная вода. В преддверии подступающей ночи насторожилась тайга. Липкая тишина навевала в сознание медвежонка свинцовую тоску. Одиночество пугало белогрудого. Несколько часов без матери изменили не только его состояние. Теперь каждый шаг ему приходилось делать самостоятельно. Он должен был сам контролировать свои действия. От того, правильно ли он поступает, зависела его дальнейшая жизнь. Белогрудый понимал это. Страх перед будущим заставил его таиться. Вечерние сумерки несли опасность. Острое желание опять быть под покровительством родного тепла будило в сознании звереныша тягу к движению, чтобы скорее вернуться туда, где ему было легко, хорошо и не страшно. Ему хотелось быть рядом с той, кто мог защитить его в любое мгновение оказаться там, на обширных плантациях кедрового ореха пройти по широкой, знакомой тропе у рваной меты, оставленной когтями могучей опекуни уснуть под широким пологом ели, под теплым боком завтра утром проснуться бодрым, счастливым и не помнить этот жуткий день.

Поджигаемый этим стремлением, повинуясь вольному инстинкту единения с родной кровью, медвежонок встал и, как будто сбросив с себя кованые цепи, пошел назад. В его глазах высохли слезы. Движения стали уверенными, шаги маленьких лап настойчивыми. Белогрудому не надо было показывать дорогу. Зрительная память звереныша развита идеально. Запах на его следах выгорел, растворился, но медведь не пользовался своими следами. Он помнил каждый куст, камень, кочку, где бежал несколько часов назад. Дитя тайги, создание природы было у себя дома. Выбор направления был определен заранее. Скрытый, невидимый в голове компас вел его так, как этому определили сотни, тысячи потомков его медвежьего рода. Конечная цель ближе с каждой минутой. Однако избранный путь не был гладким и беспечным. Звереныш помнил собак, боялся их. При любом подозрительном звуке он останавливался, долго слушал, нюхал воздух, напрягал зрение. И только полностью убедившись в отсутствии опасности, шел дальше.

От дерева к дереву. От куста к кочке. Укрываясь за камнями и колодами, в любой момент готовый броситься на дерево, топтыжка продолжал свою дорогу назад. Почерневшая тайга давно накинула на свои плечи безоблачную ночь. Россыпь ярких, морозных звезд растопила бесконечное пространство холодным светом. На землю высыпался серебристый сахар изморози. Поникие травы высохли колким льдом, предательски хрустели под ногами белогрудого высохшими сучьями. Осторожные шаги разносились далеко по лесу. Ожидая и пропуская животное, притих живой мир тайги. А кто-то уже ждал его появления, напрягив стальные мышцы налитого тела.

Все произошло так внезапно, что дикий путник не сразу понял, кто на него бросился. Когда белогрудый пролазил через густые заросли таволжника, из-за скалы, как горная лавина, стремительно выбежала черная глыба. Не задерживаясь в движениях, разъяренный свадобной неудачей сохатый бросился на дитя, принимая его за соперника. Медвежонку стоило избранной ловкости, отточенной реакции, чтобы вовремя увернуться от смертельно склоненных рогов зверя. Приложив все усилия, зверь за два прыжка отскочил к большому кедру. Сокрушая все на своем пути, ломая деревца, разрывая кусты, взбивая острыми копытами еще мягкую землю, сохатый пробежал мимо.

Насадив на рога пустоту, ретивый жених круто развернулся, желая растоптать соперника, но было поздно. Косолапый уже покорила половину могучего дерева и находился на недосыгае-

мой высоте от нападавшего. Сурово вызывая на поединок невидимого врага, зверь тяжело заревел. Склоненная голова с парными отростками рогов выражали серьезные намерения. Земля полетела из-под копыт обиженного жениха, которому в этом году не досталась невеста. Резко рванув в прыжок, сохатый ударил ствол кедра раз, за ним другой, третий. Запах медведя только кипятил ему кровь. Шальная молодость затмила чувство страха. В эту минуту рогатый был готов сразиться с кем угодно.

Увернувшись от смерти, белогрудый вмиг взлетел на безопасную высоту. Природный инстинкт подсказывал, что детство кончилось. Страшный соперник мог растоптать его, оставшегося без матери. Сирота испугался, жалобно закричал, призывая на помощь.

Сохатый воспринял его голос как ответный вызов. Утробно затрубив боевую песню, зверь начал метаться вокруг дерева. Он слышал жалобный голос, понимал, что противник находится над ним, но не мог его достать. Кипевшая кровь застила глаза. Зверь торжествовал победу. Сохатому не хватало одного удара для полного удовлетворения превосходства своей силы. Ярость и злоба металась в разгоряченном теле, а противник был где-то высоко. Молодой жених бил рогами в ствол дерева, рвал ногами почву, а конкурент оставался невредимым. Возмущенное состояние обидчика не имело границ: слазь, трус! Однако медвежонок еще крепче вцепился в ствол дерева: попробуй достань!

Односторонние нападения продолжались долго. Прошло много времени. Уставший сохатый, казалось, отупел от ударов головой о дерево. Он уже не ревел взбешенным быком, а стоял загнанным телянком. Его рогатая голова завалилась набок, борода дрожала, губа отвисла, изо рта вылетал тихий стон: хоть бы ты упал!

Косолапый тоже привык к бесполезным нападкам. Удобно устроившись в развилках сучьев, звереныш дремал, недовольно уркая, когда «рогатый дятел» сотрясал ствол: поспать не дают!

Вторая половина ночи положила созвездие Большой Медведицы на туманные гольцы. Уснувший лес замерз под дыханием отрицательной температуры. Наохлились пушистые деревья. Засеребрились седой шалью изморози стеклянные травы. Живой мир природы погрузился в очарование мудрого сна. Выпятив нижнюю губу, тяжело сопит молодой сохатый. Уснул, бедолага, намаялся в борьбе за продолжение рода. А вместе с ним на дереве после тяжелого дня дремлет белогрудый медвежонок. Последние часы жизни были для него слишком тяжелы.

Вот где-то далеко звонко щелкнул сучок. За ним затрещали рвущиеся травы. Чуткий рогатый поднял голову, вытянул нос, запрял ушами. Он услышал, что сюда по хребту идет одинокий зверь. Знакомые шаги взволновали сердце молодого жениха. Он хотел подать голос, но ответ прилетел сам. Глухой, басовитый стон разбудил ночной покой: где ты, мой незнакомый соперник? Двухгодовалый бык тут же отозвался глубоким позывом. Вытянув шею, склонив голову, он показательно ударил в ствол дерева.

На некоторое время опять воцарилась тишина. Остановился, струсил? Но нет. Вот же, за теми знакомыми скалами, совсем близко, будто в водосточной трубе, задрожал воздух. Другой зверь подошел так тихо, как только может тропить кабаргу голодная россомаха. Подоженный ожиданием скорого поединка, сохатый бросился навстречу, застонал яростнее, одним ударом копыта разрубил невысокую пихту: я здесь, иди сюда!

На некоторое время опять образовалась тишина. Сторожкое чтиво диктует условия противостояния. Первый удар выиграет тот, кто принесет внезапность. А может, пришелец струсил? Но нет! Понимает боец, что враг здесь, идет к нему. Пусть не слышно осторожных шагов, сперто дыхание, не шуршит шкура по упругим ветвям деревьев. Однако дикое восприятие, как третий глаз, говорит о том, что еще мгновение, и нарушится тайна.

Последние минуты неизвестности. Молодой самец хотел крикнуть еще раз, позвать собрата, но не успел. Сбоку, из-за скалы, вылетела черная тень, бросилась к нему. Сохатый успел развернуться, убрать от острых рогов правый бок, подставил под удар прочный лоб.

Упавшим на камни сухим деревом хрястнули рога. Тяжелыми булыжниками ударили кости. Глухим обвалом упавшего снега дрогнули сильные тела. Сотряслась земля. Закачались ветви деревьев. Тупое эхо разнесло весть о битве двух исполинов далеко вокруг. Любой житель тайги, даже ее хозяин медведь, сейчас не отважился бы находиться рядом с такими недругами. Разъяренные звери, будто далекие потомки динозавров в пору брачных игр, в слепой ярости не ведают страха. Никто не желает оказаться на рогах стремительной смерти.

Схватка врагов до первой крови приняла вольный характер. Не уступая друг другу, они сражались в полную силу. Оставшиеся без подруг молодые самцы вымещали боль и обиду на противнике. Они не знали, что приходится братьями. Таковы суровые законы природы: жить ради продолжения рода, используя любые возможности. Зверь прогонит родного брата, чтобы сестра досталась ему.

Пришлый был сильнее на год. На двух его рогах окрепли шесть отростков. Зверь был крупнее, выше, плотнее двухгодовалого собрата. Три суровых зимы воспитали в нем крепкий характер. В прошлом году, осенью, он уже участвовал в свадебных турнирах. Хотя и безуспешно, имел опыт прошлых поражений. Участь двухгодовалого быка была решена заранее.

Несколько слепых столкновений очень скоро определили победителя. Через некоторое время у двухгодовалого подломились ноги, потом он присел, отступил, замолчал, подставил бок и наконец-то побежал прочь. Трехлеток преследовал его, продолжая бить побежденного сзади: сам позвал, получи! Еще на что-то надеясь, в позорном молчании беглец крутился вокруг деревьев, прыгал через колодины, стараясь освободиться от преследования, рванулся к спасительной скале, но в конце концов сдался, сложил уши и, взбрыкивая копытами, бросился вниз под гору. Победитель еще какое-то время гнал его, подгоняя ударами тонких рогов. Оба быстро исчезли с бранного поля боя. Потом глубоко в логу вырос довольный стон выигравшего схватку. Побежденный двухлеток молчал.

Все это время слушая борьбу, медвежонок дрожал от страха. За ветвями деревьев, в черноте ночи он не видел сражения сохатых. Глухие стоны, удары, дрожь земли, покачивающийся ствол кедра навели на малыша панику. Испугавшись, звереныш залез еще выше, оказался под макушкой дерева, где провел остаток времени до синего рассвета.

Неожиданная тишина немного успокоила малыша. Он понял, что под деревом, внизу никого нет. Однако покидать безопасное место не торопился.

Сверху хорошо видно, как на востоке ясно рубцуются черные горы. Матовая синь разлилась во все небо. Где-то неподалеку затрещал разбуженный дрозд. Ему ответили шальные кедровки. Точно под деревом пуховой подушкой порхнул рябчик. Далеко едва слышно взбил крыльями перину тяжелый глухарь. За распадом, на противоположном склоне, опять застал сохатый победитель. Отвечая ему, на покато́м белогорье дружно завизжали маралы. Для белогрудого это значило, что опасность миновала.

Все еще осторожничая, звереныш слез с кедра и, не оглядываясь, побежал дальше. Непредвиденная задержка, едва не стоившая ему жизни, кончилась. Путь к дому был свободен. Надежда радости встречи с матерью и сестрой вновь вспыхнула счастливым пламенем. Память прошлого, как пестрый ковер весенней земли, звала к себе ностальгической лаской. Медвежонку казалось, что все, что произошло вчера – страшный сон. Он верил: стоит ему очутиться в знакомых краях, все будет по-прежнему: ласковая мать примет его под свое покровительство, безобидная сестра будет играть с ним, а жестокий мир бытия, злые собаки и человек больше никогда не потревожат покой их семьи.

Но чем ближе белогрудый подходил к знакомой вотчине, тем тревожней становилось очевидное. Существующий мир, хмурая тайга, пасмурный день не несли радости. Старые следы матери остыли, новых не было. Уютная лежка под разлапистой елью, где они проводили время, ночевали, пустовала. Зверовая тропа на хребте настораживала. После того, как медведица попала в петлю, по ней никто не проходил.

Изредка подавая голос, детеныш метался. В свете обычного, буднего дня его призывы матери казались странными. Так же, как и прежде, приготавливая запасы пищи на зиму, сушили белки и бурундуки. Среди деревьев, чувствуя непогоду, металась юркая синичка и поползень. Где-то в стороне разбивал сухую древесину большой пестрый дятел. На кедровой плантации вечные лесники рябухи-кедровки прятали тут и там ядреные орешки. Казалось, никому не было дела до горя сироты. Лишь одна горькая правда, место, где убили его близких, встретило звереныша траурной тишиной.

Далеко вокруг, на многие десятки метров витал тяжелый запах смерти. Пара черных воронов кружила в воздухе, созывая на пир братию падальщиков. Стойкий запах дыма, собак, человека, крови чувствовался на другом конце перевала. Медвежонок хватил ноздрями эти страшные для него наветы, остановился, дальше не пошел. Он понял, что его надежды и желания теперь не оправдаются. Сильная, добрая мать не придет на его голос, потому что ее нет.

Не зная, как быть дальше, зверь осторожно пошел вокруг еловой мари, где все вчера случилось. Природный инстинкт, голос крови подсказывал ему, что надо найти следы, где ходили люди, чтобы по оставшемуся запаху узнать, что было дальше.

Набитую людьми тропинку медвежонок обнаружил очень скоро. По ней ходили вчера вечером. Тут было много людей с лошадьми, на чьих ногах было железо. И собаки, чьи страшные, отвратительные запахи оставались тут и там. Люди и лошади прошли по тропинке несколько раз и унесли с собой мать! Да, стойкий запах медведицы оставался на склоненных ветках пихты, на высоких кустарниках, на стволах деревьев. Белогрудый бросился по следам, острым чутьем выискивая то там, то здесь ни с чем не сравнимые наветы. Иногда к смоле прилипали черные волосинки от шкуры, что подсказывало следопыту, что он прав.

Он шел за людьми долго, уверенно, постоянно обнаруживая для себя что-то новое, подтверждающее присутствие матери. Сначала следы вышли к покату, с небольшими увалами плоскогорью. Затем круто пошли вниз, в широкий, неглубокий лог. Здесь впервые медвежонок почувствовал острый запах дыма, жилья человека, услышал лай собак, ржание лошадей, человеческую речь. Присутствие человека пугало его, он боялся подойти ближе положенного, чтобы его не почувствовали лайки. Угнетенный звереныш не мог, не хотел понимать, что там делают мать и сестра? Белогрудый пробовал несколько раз негромко позвать, но и в этот раз медведица не ответила. Зато крик разбудил собак. Приисковые псы, не понимая, откуда идет голос, дружно наполнили ветер шальным ревом: не подходи, а то мы сами боимся! Пара звёровых кобелей Самойлова в это время уже были на привязи. Туман и Тихон чувствовали медвежонка, тоже рвали с поводков, но больной хозяин приказал их не отпускать. Трудно сказать, что было бы с белогрудым, если бы кобели в этот день были на воле.

Опять испугавшись голосов псов, медвежонок убежал подальше в тайгу. Вернулся он назад, в лог, на рассвете, когда дрема навеивает в любой разум самый сладкий сон. Осторожно, медленно, тихо, прикладывая для тайного передвижения все усилия, данные ему от природы и предков, дитя подошло с подветренной стороны к прииску на расстояние видимости. Чуткий нос давно поймал стойкий запах матери. Глаза видели растянутую на раме шкуру, но уши не слышали ее спокойного дыхания. Только теперь звереныш понял, что старая медведица не проснется никогда.

Потянулись трудные, напряженные дни одиночества. Днем белогрудый уходил в тайгу, в богатые кедровники на орех. На ночь возвращался к прииску, где витали запахи шкур убитых родственников. Собаки и люди не знали о его присутствии. Единожды избрав верную позицию, звереныш всегда приходил далеко за полночь, с подветренной стороны, забирался на пригорок за поселением людей, на скалу и лежал, улавливая родной запах. До настоящего времени, кажется, его никто не замечал.

Однажды, на третий или четвертый день после того, как он подкрался ночью на прииск, медвежонок вернулся на перевал, где обычно ходил с матерью по тропе. Ностальгия по утра-

ченному позвала его в родную вотчину, на плантации кедрового ореха, любимую лежку, где ему было так тепло под мохнатым боком опекуныши.

Едва белогрудый поднялся на перевал и ступил на родную тропу, в нос ударил острый запах чужого медведя. Это был другой, страшный навет самца, который жил с другой стороны долины и много раз точил когти на их территорию. Старая самка прогнала его когда-то, но наглый хищник много раз нарушал границы благодатной вотчины, проверяя семью. Пересекая следы, чувствуя мощь и превосходство, наглец уходил восвояси, но недалеко. Он ждал удобного случая, когда освободится территория.

И вдруг старой медведицы не стало. Столетний ворон рассказал всей округе, что случилось в тайге. Как погибла хозяйка тайги. Нахал не замедлил оказать внимание усопшим. Черной ночью он пришел из-за широкой долины. Хищному зверю не стоило большого труда прочитать картину произошедшего. К большой радости, он понял, что благодаря случаю стал хозяином перевала. Поэтому не замедлил засвидетельствовать свое наместничество. Свежие следы его когтей на рваной пихте были далеко видны со всех сторон. Острый запах мочи по всей длине зверовой тропы предупредил животный мир о перемене власти. Останки хищник собрал в кучу, заложил мхом, ожидая, когда они вылежат время. Большую часть дня зверь находился на мягкой лежке под разлапистой елью. Запас жира навевал лень. Переживая триумфальные дни, медведь предавался сладостной неге предстоящей жизни. Теперь в его жизни было все, даже теплая, уютная берлога под скалой. Теперь он полноправный хозяин территории. Благодатное месторасположение хребта пророчило сытную, беззаботную жизнь до конца дней. Теперь никто не мог прогнать его в глухие, плохие урочища. Отсюда удобно нападать на домашний скот человека. Вкусив однажды их сладкую, молочную плоть, он не мог отказаться от искушения никогда.

Обнаружив на пихте следы когтей нового хозяина, медвежонок испугался. Колкий страх нависшей опасности сковал каждый мускул его тела. Теперь здесь, на тропе, каждый куст был для него врагом. Любое скрытное место грозило смертью. Опасный враг был готов убить его в любое мгновение. Прочные родственные узы не были поводом для мирных переговоров. Родной отец должен съесть сына, как будущего конкурента. В тайге на одном участке не может быть двух главарей. Обособленность и каннибализм у медведей – основа существования. Если сегодня не убьешь родного брата, завтра он убьет тебя. Третьего не дано. Что заложено матерью Природой, не вырубешь топором.

Данный закон был впитан белогрудым медвежонком с молоком матери. Он понимал это со дня своего рождения, но не сталкивался с этим, пока был под защитой старой медведицы. Теперь все изменилось. Люди, собаки, медведь-папа стали для него врагами. Встреча с кем-то из них не сулила ничего хорошего. Возможным продолжением существования были быстрые ноги да звериный оскал. О победе над врагом не стоило думать. Ему было всего лишь полгода, потому дать кому-то достойный отпор он не мог.

Белогрудый бежал: быстро, долго, упорно. Страх поджигал пятки. Ему казалось, что вот-вот на него бросится стремительная туша, которая уничтожит в одно мгновение. Память навредила ужас. Однажды летом, в старые добрые времена, медведица, сестра и он наткнулись на границе своих владений на останки пришедшего собрата. Вероятно, чужой медведь забрел в эти места случайно или еще по каким-то другим причинам. Злой папаша убил его одним смертельным укусом, широко открытой пастью, мощными клыками охватив голову. Убитому медведю было не меньше трех лет.

Яркое воспоминание прошлого придавало сил. Страх быть разорванным пополам подгонял звереныша смолистым факелом. Растерянно убегая от родных мест, белогрудый опять же стремился попасть под защиту матери. Запах ее шкуры в старательском поселке был единственной защитой для дитя тайги. Он бежал в глубокий лог, навстречу людям, плохо понимая, что эти люди и собаки тоже его враги. И было непонятно, какое из трех зол хуже.

На широкой прогалине, на половине горы, в ноздри испуганного малыша ударил резкий, малознакомый запах домашних животных. Его присутствие витало в поселении человека в равносильных долях с наветами шкуры матери. Два четвероногих копытных, рогатых существа не представляли опасности, всегда передвигались медленно и подавали голос, чем-то похожий на голос возмущенного марала. Медвежонок инстинктивно понимал, что бояться их не следует. Однако сохраняя выдержку, все же обошел луговую поляну далеко стороной, оставив пасущуюся скотину.

Коровы не слышали и не видели преследователя. Размеренный образ жизни домашних животных велел служить человеку, а не бегать от хищного зверя по тайге. В тот роковой день пасущиеся животные не слышали и не чувствовали медвежонка. Поэтому одно из них поплатилось жизнью.

В то время, как детеныш обходил поселение человека далеко стороной, по его горячему следу уже шла смертельная погоня. Злой папаша не дремал. Он слышал, как медвежонок приходил по тропе к помеченной пихте. Старая, теплая лежка под разлапистой елью была идеальным местом прослушивания вотчины. Медведь не замедлил проверить, кто это. А когда нашел свежий след звереныша, тут же бросился в погоню.

Тогда белогрудый так и не узнал, что жизнь его висела на волоске. Новый хозяин хребта мог догнать его уже в глубокой долине. Его спасли коровы. Оказавшись на пути преследователя, одна из них стала жертвой свирепого зверя.

В тот день в жизни сироты случились еще два очень важных, памятных события. Возможно, они и отложили в характере новый, злобный уклад мест.

Удачно преодолев широкую долину, перебравшись через реку далеко стороной от людей и собак, медвежонок неторопливо побрел в гору. Его удрученное состояние вызывало сочувствие. В своей жизни он потерял все, кроме жизни. Теперь его некому защитить. Никто не согреет его своим теплым, лохматым боком. Он не знает, куда идти, как быть, где зимовать. Зов предков подсказывал суровую, долгую зиму. Единственным утешением оставался запах шкуры матери, который доносил из поселения людей холодный, суровый ветер. Это было как прощание с прошлым: еще раз увидеть, услышать, почувствовать и проститься навсегда. Звереныш понимал, что очень скоро эти наветы исчезнут. С каждым днем запахи шкуры становились все слабее. Очень скоро он останется один.

Любимое место на скале, откуда маленький шпион наблюдал за прииском, имело превосходство над окружающим миром тайги. Скала находилась посреди горы, на приличном расстоянии от поселения. Она имела отвесные стены с трех сторон и около десяти метров высоты. Время, природные климатические условия обрамили на ее отвесах лишние камни. Четвертая, верхняя сторона была пологой, с редкими ступеньками, по которым можно было забраться на узкую площадку. Еще дальше природа образовала в скале естественную нишу с чахлой, травянистой растительностью, на которой могли расположиться несколько медведей. Вероятно, иногда здесь могли проводить время кабарожки, любительницы высоких скал. Чем и рассчитывались жизнью с росмахой или лисой. Единственную тропку, путь к отступлению, перекрывал хищник. Прыгнуть вниз с десятиметровой высоты на камни – не у каждого зверя хватит смелости.

Медвежонок не учитывал эти обстоятельства. Природная западня, наоборот, служила ему защитой. Ветер далеко и высоко относил его запахи. Вряд ли какой-то зверь полезет сюда просто так. Поэтому несколько прошлых дней, затаившись и наблюдая, звереныш провел спокойно, никто ему не мешал.

Белогрудый задремал. Путешествие на перевал забрало силы и энергию. Как всегда, забравшись на скалу, он прилег на живот, сложил перед собой лапы, положил на них голову и незаметно уснул.

Как много прошло времени, он не знал. В глубокую яму для отдыха налетел свежий, близкий запах человека. Белогрудый вскочил, закрутил носом по ветру, насторожился. Навет врага был повсюду: справа, слева, сверху, как будто он находился рядом. В добавление к страшным запахам, сзади, с верхней стороны скалы, на тропинке послышались подозрительные шорохи: там кто-то был.

Медвежонок напряжился подмытой водой талиной, сделал шаг, хотел бежать, но было поздно. До его ушей теперь уже донеслись осторожные, но отчетливые шаги. Детеныш понял, что сейчас произойдет и кто крадется с противоположной стороны камня. Он хотел бежать, но единственный путь к отступлению был отрезан. Прыгать вниз, на камни, стоило жизни. Косолапый оказался в западне.

Сейчас же с другой стороны площадки на скале появилось нечто непонятное, лохматое. Голыми были только лицо и страшные глаза. Медленно поднимаясь над камнями, человек показал пышную бороду, широкие плечи и длинные, крючковатые руки. Тяжелый запах смрада изо рта врага за несколько метров достиг ноздрей медвежонка. Непривычный к табаку звереныш осклабил, шумно фыркнул. Человек поднял глаза, увидел белогрудого.

Очевидно, что подобная встреча для обоих – полная неожиданность. В глазах медвежонка застыли растерянность и страх. На лице человека отобразилось полное удивление. Между ними было не больше трех метров. Близкое расстояние между врагами привело к замешательству каждого. Никто из них не был готов к подобной встрече. Какие-то мгновения человек и зверь смотрели друг на друга, не зная, как поступить. Но недолго. Быстро сообразив, мужчина ловко выдернул из-за спины ружье, щелкнул курком, приложил его к плечу. Участь дитя тайги была решена в одну секунду. Оскалив белоснежные клыки, малыш сжался в комок, отодвинулся к краю скалы. Крохотные доли времени отделяли его от границы между жизнью и смертью. Стоило врагу сделать одно движение пальцем, и быстрая пуля сделает свое дело.

Однако человек медлил. Все еще удерживая объект на прицеле, он вдруг изменился в лице. Его глаза сверкнули, руки дрогнули, пара стволов медленно опустилась вниз. Осторожно спустив курок, враг отложил ружье в сторону, потянулся к ноге. Его движения были медленные, как движения рыси, подкрадывающейся на расстояние броска к зайцу. Доставая из-за голенища сапога плетку, человек сделал еще несколько мелких шагов, придвинулся к медвежонку ближе, понимая, что ему деваться некуда. Грохот выстрела потревожит близкое поселение. Лучшим оружием для ближнего боя должна стать казацкая нагайка с вплетенной в хвост крупной картечиной. В умелых руках это страшное оружие. Резкий удар свинцового шарика мог легко пробить затылок любому животному. На это и рассчитывал хитрый мужик. В меткости попадания с ним не мог сравниться никто. Тщательные, упорные тренировки превратили полет картечины в искусство. На расстоянии вытянутой плетки он сшибал пламя горящей свечи. Чтобы достичь подобных результатов, ему потребовались дни, часы, недели: удар за ударом, десятки, сотни, тысячи раз. Так же как и плеткой, человек отлично владел ножом, топором, ружьем. Прекрасно обращаться любым оружием его заставлял выбранный образ жизни. Выбранное дело не должно иметь осечек и погрешностей.

Замахиваясь плеткой на выбранную жертву, враг уже видел красивую, лоснившуюся шкуру, вкусное, мягкое мясо. Кочевая таежная жизнь всегда требует сытной пищи. Запасы продуктов на исходе. Беззащитный медвежонок – легкая добыча, как раз кстати.

Резкий удар наотмашь вытянутой руки, прочная удавка вытянулась стремительно бросившейся змеей-гадюкой. Невидимая картечина со свистом разрежала воздух. Намеченная цель, левое ухо медвежонка, безвольно повисло, не ожидая смертельного удара.

Возможно, жестокий свинец, превращенный в беспощадное жало, разорвал бы голову звереныша пополам от затылка до лба, если бы не тонкий свист нагайки, на который медвежонок обратил внимание. Вскинув удивленные, обиженные глаза на необычный звук, звереныш

спас себе жизнь. Картечина ударила вскользь, разорвав пополам левое ухо, и протянулась до глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.